БИБЛИОТЕКА
ЭКОНОМИЧЕСКАГО
ОТДѢЛЕНІЯ

В. В.

БИБЛИОТЕКА
Кабинета Государствен
при Госуд. Моск. Ун

Судьба капиталистической Россіи

БИБЛИОТЕКА
Росс. Акад. Н. Иссл.
Институтов
1137
IV. 3.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ

БИБЛИОТЕКА
№ Инв. 2029
№ Спет.
Шифр
Ассоциации
Ф. О. Н. М. Г. У.
Научно-Исслед. Институтов

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1907

Ч б эк
Эк

Пров 38

3607

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

372
31

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, подъ заголовкомъ „Судьбы капитализма въ Россіи“, изданъ былъ сборникъ журнальныхъ статей, объединенныхъ одной задачей и идеей. Основная идея этихъ статей (развивавшаяся авторомъ и въ послѣдующіе годы) заключается въ томъ, что капиталистическая эволюція хозяйственнаго быта не всегда приводитъ къ одинаковымъ результатамъ, и что наша страна не можетъ ожидать ни такого распространенія крупнаго производства, ни того умноженія національнаго богатства, ни сравнительнаго благосостоянія трудящагося населенія, какія слѣдовали за капиталистическимъ преобразованіемъ промышленности передовыхъ цивилизованныхъ государствъ. Въ условіяхъ нашей дѣйствительности, какъ они слагаются подъ вліяніемъ внутреннихъ и, преимущественно, внѣшнихъ факторовъ экономической эволюціи, развитіе капитализма въ полной мѣрѣ проявляетъ свои разрушительныя тенденціи и въ минимальной степени обнаруживаетъ тѣ творческія начала, которыми до извѣстной степени затягиваются раны, наносимыя имъ народной производительности и народному благосостоянію.

Эти мысли были высказаны апріорно, и вышеназванный сборникъ статей посвященъ былъ, главнымъ образомъ, не послѣдствіямъ капиталистической эволюціи, а самому капитализму, еще только расправлявшему, такъ сказать, свои крылья для болѣе или менѣе высокаго полета въ нашей странѣ. Теперь, согласно господствующему мнѣнію, полетъ его осуществленъ и оказалъ естественное вліяніе на различныя стороны нашего быта. Теперь имѣется фактическій ма-

терьялъ для сужденія не только о судьбахъ капитализма въ Россіи, но и о судьбѣ капиталистической Россіи; и это послѣднее сочетаніе словъ само собой напрашивается для заглавія очерковъ экономическаго состоянія Россіи, предлагаемыхъ вниманію читателя.

Въ основу этого труда положено одно изданіе „Библіотеки Самообразованія“; оно дополнено частью бывшими въ печати, частью вновь составленными страницами.

I. Натуральное и денежное хозяйство.

Исходнымъ пунктомъ развитія современныхъ экономическихъ порядковъ служилъ хозяйственный строй, именуемый натуральнымъ. Въ натуральномъ быту предметы потребленія человѣка не покупаются на рынкѣ, а производятся въ собственномъ хозяйствѣ потребителя. Лѣтомъ жители занимаются земледѣліемъ, добывая припасы для своего пропитанія и различные матеріалы: ленъ, кожи, шерсть, масляничныя сѣмена и т. п.; а осень и зима каждой семьей посвящается переработкѣ этихъ матеріаловъ въ предметы одежды, жилища, въ растительное масло, освѣтительные матеріалы и разныя другія домашнія и хозяйственныя принадлежности. Всѣ приготовленныя такимъ образомъ вещи потребляются въ семьяхъ самихъ производителей.

При томъ небольшомъ числѣ лицъ, изъ какого состоитъ современная наша семья, натуральное хозяйство могло бы дать человѣку лишь самое ограниченное количество и притомъ лишь самыхъ грубыхъ и простыхъ предметовъ, потому что въ хозяйствѣ изъ двухъ-трехъ взрослыхъ и 2—3 подростковъ не могли бы выработаться искусные исполнители всѣхъ работъ, какія нужны для приготовленія разнообразныхъ предметовъ личнаго потребленія и хозяйственнаго употребленія. Но хозяйственныя единицы того времени, когда господствовалъ натуральный бытъ, состояли не изъ простыхъ брачныхъ паръ съ ихъ дѣтьми. Въ составъ хозяйственной единицы прежнихъ временъ входило много лицъ, и такая многочисленная семья допускала значительную спеціализацію и раздѣленіе труда и возможность достиженія значительнаго искусства въ производствѣ. Объ этомъ можно судить на основаніи наблюденія хо-

РОСКОМ ... БИБЛИОТЕКА

зяйственнаго быта такихъ племенъ, которыя сохранились въ первоначальномъ видѣ до настоящаго времени. Одинъ современный путешественникъ, описывая бытъ сванетовъ—племени, живущаго въ кавказскихъ горахъ,—сообщаетъ, что дѣти и внуки брачной пары, вступивъ въ свою очередь въ бракъ, не отдѣляются отъ родителей въ самостоятельныя хозяйства, а образуютъ съ ними одно производительное цѣлое. „Когда женятся второй и третій сынъ, они, при помощи сородичей, пристраиваютъ къ отцовскому дому и новые дома, если въ отцовскомъ нѣтъ мѣста. Когда женятся внуки, они дѣлаютъ пристройки къ жилищу дѣдовъ, если послѣдніе еще живы. До шестого и восьмаго поколѣнія семьи живутъ вмѣстѣ, сооружая съ каждымъ поколѣніемъ новыя группы домовъ“. Эти поселенія съ внѣшней стороны не лишены сходства съ нашими деревнями; но они населены членами одной семьи, и каждая такая семья „сама удовлетворяетъ всѣмъ своимъ жизненнымъ потребностямъ. Пища, питье, одежда, обувь, жилище, дворъ—все представляется продуктомъ общей работы“. Въ поселеніяхъ сванетовъ есть только одно спеціализировавшееся ремесло—ремесло кузнеца.

Но крупныя, сложныя патріархальныя семьи, какими жили и другіе народы, съ теченіемъ времени распадались на семьи простыя и мелкія, и вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивалась первоначальная строгость натуральнаго быта. Мелкой семьѣ трудно бы было производить всѣ предметы своего потребленія исключительно силами и искусствомъ своихъ членовъ. Но въ этомъ не предстояло тогда и настоятельной необходимости, потому что, вмѣстѣ съ распаденіемъ крупныхъ первобытныхъ родовыхъ хозяйственныхъ союзовъ на хозяйства семейныя, создавалось нѣкоторое раздѣленіе труда; и тѣ лица, которыя въ прежнемъ крупномъ хозяйственномъ союзѣ занимались преимущественно производствомъ нѣкоторыхъ издѣлій или выполненіемъ нѣкоторыхъ работъ, могли и въ новомъ состояніи не забывать пріобрѣтеннаго такимъ образомъ искусства и выполнять соотвѣтствующія работы уже по заказу сосѣдей. Натуральное хозяйство утратило тогда былую исключительность, и наряду съ производствомъ для собственнаго потребленія здѣсь стало наблюдаться и приготовленіе нѣкотораго количества вещей для продажи. Этотъ-то полунатуральный бытъ и служилъ исходнымъ пунктомъ развитія современнаго экономическаго строя, въ которомъ члены общества пріобрѣтаютъ продукты своего потребленія на рынкѣ.

Разрушеніе натуральнаго хозяйства прежнихъ временъ и его превращеніе въ хозяйство мѣновое или денежное первоначально совершалось очень медленно. Чисто натуральное хозяйство въ Западной Европѣ начало осложняться развитіемъ мѣновыхъ отношеній приблизительно около начала текущаго тысячелѣтія; но еще 50—60 лѣтъ тому назадъ это хозяйство господствовало даже въ такихъ странахъ, какъ Германія. Вотъ какъ. напр., описываетъ сельскій бытъ Германіи въ пятидесятыхъ годахъ 19 вѣка нѣмецкій экономистъ Зомбартъ.

„Первое мѣсто въ домашнемъ производствѣ естественно занимаетъ производство пищевыхъ продуктовъ, и въ этой области нѣмецкій крестьянинъ обходился почти безъ всякой помощи ремесленника-спеціалиста“. Жилище крестьянинъ строилъ себѣ тоже самъ, обращаясь лишь, въ случаѣ непосильности отдѣльныхъ операцій, къ помощи сосѣдей, которымъ онъ отплачивалъ также личными услугами. Для очень спеціальныхъ работъ онъ прибѣгалъ иногда къ помощи странствующаго плотника, каменщика или стекольщика, которые странствовали изъ деревни въ деревню и работали за харчи и извѣстную плату деньгами. Одежда для членовъ крестьянской семьи приготовлялась ими же самими. „Почти вездѣ крестьяне сѣяли ленъ или коноплю, иногда также марену, изъ которой добывается краска для окрашиванія самодѣльной ткани. Гдѣ было распространено овцеводство, тамъ крестьяне сами ткали себѣ одежду изъ шерсти“. Крестьянинъ или самъ чесалъ свой ленъ и шерсть, или отдавалъ ихъ чесальщику за плату; чесаное волокно онъ обращалъ въ пряжу работой членовъ своей семьи, выдѣлывалъ изъ пряжи ткань самъ или обращался къ помощи сельскаго ткача. Бѣлье крестьяне шили сами изъ собственнаго полотна, „но шитье одежды иногда оказывалось не по плечу крестьянской бабѣ: тогда являлся на помощь портной. Онъ нѣсколько дней ѣлъ и спалъ въ хатѣ крестьянина, снабжалъ заплатами всю семью, а въ случаѣ нужды шилъ и новое платье“. Починку домашней и хозяйственной утвари крестьянинъ производилъ самъ, а для болѣе сложныхъ подѣлокъ обращался къ деревенскому кузнецу и плотнику. Что было не по силамъ мѣстнымъ ремесленникамъ, то покупалось въ городѣ или на ярмаркѣ. Деревенскіе ремесленники въ нѣмецкой деревнѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣльцы.

Такая же приблизительно форма быта наблюдалась и въ на-

шемъ отечествѣ въ первой половинѣ истекшаго столѣтія. Вотъ какъ, напримѣръ, описывается помѣщичій бытъ того времени въ одной изъ центральныхъ (Рязанской) губерній.

Рабочія силы крѣпостного населенія дѣлились на двѣ части: на крестьянъ и дворовыхъ. Задачей крестьянъ было заготовить сырые матеріалы; дворня перерабатывала послѣдніе въ предметы, служащіе для потребленія барской семьи. Въ хозяйствѣ помѣщика изготовлялись не только жизненные припасы, имъ потребляемые, но и мебель, украшавшая его жилище, полотно для бѣлья, облекавшаго тѣла членовъ его семьи, экипажи (кромѣ кареты), земледѣльческія орудія, иногда свѣчи. Ткани для одежды барина и его семьи, иногда и кожи, покупались въ лавкахъ; но шилась одежда и обувь дома, и здѣсь же приготовлялись употребляемыя при этомъ нитки, кружева и другія украшенія. Пріобрѣтались на деньги, кромѣ тканей для одежды, соль, вина, пряности, чай, сахаръ, мыло, желѣзо и немногіе другіе предметы, и расходы по этимъ статьямъ были очень незначительны. Крестьяне тратили, конечно, еще меньше денегъ, такъ какъ и одѣвались они въ ткани собственнаго приготовленія.

Натуральное хозяйство въ крестьянскомъ быту, особенно черноземныхъ губерній, пользовалось широкимъ распространеніемъ и въ первое время послѣ крестьянской реформы. О Черниговской, напримѣръ, губерніи 70-хъ годовъ изслѣдователь говоритъ, что каждая крестьянская семья старалась приготовить изъ собственнаго матеріала и собственнымъ трудомъ всѣ предметы, удовлетворяющіе нуждамъ ея членовъ. „При подобномъ строѣ жизни знаніе всѣхъ ремеселъ входило въ курсъ практическаго образованія каждаго крестьянина: каждый изъ этой среды для себя понемногу и плотникъ, и столяръ, и печникъ, и сапожникъ, и портной, и шорникъ“. Крестьянинъ и его семья сами приготовляли для себя льняныя, конопляныя и шерстяныя ткани, вили себѣ веревки, ткали рядна, мѣшки и мастерили незатѣйливую мебель для своихъ жилищъ. Кто занимается рыболовствомъ, тотъ самъ плететъ себѣ сѣти; ткачъ умѣетъ сдѣлать станокъ, челнокъ, веретено. Колеса, полозья, отчасти дуги крестьянинъ покупалъ на рынкѣ, но налаживалъ телѣгу или сани самолично. Приготовлялъ всѣ эти вещи хозяинъ со своей семьей; но если для какой-либо операціи требовалось больше участниковъ, на помощь приходили сосѣди. „Надо крестьянину заплести плетень,

построить сарай—къ нему идутъ на „помочи“ сосѣди, рѣдко за деньги, обыкновенно за угощеніе, и работа живо кипитъ. Въ долгіе зимніе вечера бабы поочередно сходятся въ сосѣдскія избы на пряжу хозяйскаго льна или шерсти; эту недѣлю прядутъ у одной хозяйки, другую—у другой“. Въ нѣкоторыхъ работахъ крестьянину нужна не только физическая помощь сосѣдей, но и руководительство въ работѣ со стороны болѣе опытнаго человѣка. Такая надобность возникаетъ, напримѣръ, въ случаѣ постройки хаты, при кладкѣ печи и т. п. „Тутъ хотя почти каждый самъ сумѣлъ бы помогать въ работѣ, но „заправлять“ работой, быть архитекторомъ и мастеромъ, можетъ не всякій. На этотъ случай почти въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ селѣ есть плотникъ, печникъ, кровельщикъ и т. п. Онъ—такой же хозяинъ-земледѣлецъ и занимается своимъ ремесломъ только въ свободное время. Въ случаѣ нужды, къ нему обращаются крестьяне; и вотъ такой мастеръ, при помощи самого хозяина, его сосѣдей или его семьи, заправляетъ постройкой сруба, устройствомъ крыши, печи, столярной работой (окна, двери) и проч.“. Не всѣ, однако, работы по приготовленію предметовъ своего потребленія въ состояніи выполнить простая крестьянская семья. Для нѣкоторыхъ работъ требуется или особое искусство, или дорого стоющее приспособленіе, которое не можетъ завести каждый. Не можетъ каждый крестьянинъ самъ выдѣлать свою кожу и овчину, сшить изъ нея сапоги, полушубокъ и т. п. Для выполненія подобныхъ работъ въ селахъ Черниговской губерніи находилось по нѣскольку скорняковъ, кожевниковъ, портныхъ, сапожниковъ и другихъ мастеровъ, работающихъ по заказу крестьянъ.

Натуральный характеръ хозяйственнаго быта и при такихъ заказахъ выражается въ томъ, что мастеръ перерабатываетъ матеріалъ, полученный въ собственномъ хозяйствѣ заказчика. Онъ шьетъ одежду изъ сукна, вытканнаго семьею крестьянина изъ домашней шерсти, шьетъ полушубокъ изъ овчинъ. полученныхъ въ хозяйствѣ заказчикъ, выдѣлываетъ кожу крестьянскаго теленка и т. д. Деревенскіе ремесленники въ Черниговской губ. помогали крестьянамъ въ переработкѣ домашняго сырья въ предметы, пригодные для удовлетворенія потребностей крестьянской семьи. Они составляли, такимъ образомъ, какъ бы дополнительный придатокъ въ системѣ общественнаго быта, который именуется натуральнымъ.

Обращеніе къ ремесленнику хотя бы только для переработки сырыхъ матеріаловъ, полученныхъ въ собственномъ хозяйствѣ заказчиковъ-земледѣльцевъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что натуральный бытъ не сохранился въ первобытной чистотѣ. что натуральное хозяйство начинаетъ осложняться хозяйствомъ мѣновымъ или денежнымъ. Это осложненіе въ описываемое время зашло, однако, гораздо дальше того, что рисовалось предыдущими строками. Крестьянину приходилось отступать отъ начала натуральнаго хозяйства не только путемъ обращенія къ чужому человѣку для переработки своего сырья. Онъ не могъ обойтись безъ того, чтобы не покупать на рынкѣ многіе готовые уже предметы своего потребленія или такіе матеріалы, которыхъ не давало его собственное хозяйство. Онъ покупалъ на деньги лѣсъ и желѣзо для разныхъ подѣлокъ, глиняную и стеклянную посуду, соль, деготь и другіе предметы; а средства для ихъ пріобрѣтенія онъ получалъ, продавая избытки зерна, овцу, теленка и другіе продукты своего хозяйства. Хозяйственный строй крестьянъ Черниговской губ. и другихъ мѣстностей, находившихся и нынѣ находящихся въ сходномъ положеніи, вѣрнѣе поэтому называть полунатуральнымъ, съ преобладаніемъ, однако, натуральнаго удовлетворенія потребностей семьи крестьянина надъ денежнымъ.

Фактъ пріобрѣтенія въ такихъ мѣстностяхъ, путемъ покупки, глиняной и деревянной посуды, оконныхъ рамъ, ножей и т. п. указываетъ на существованіе здѣсь лицъ, занятыхъ изготовленіемъ различныхъ предметовъ на продажу, на наличность промысловъ, имѣющихъ въ виду производство на рынокъ. Промыслы эти носятъ характеръ кустарныхъ, и возникли частью изъ описанной выше промышленности, имѣющей въ виду удовлетвореніе потребностей семьи самого работающаго. Нѣкоторыя крестьянскія семьи, имѣя избытокъ шерсти или льна, выдѣлывали изъ нихъ сукно или холстъ не только для собственнаго потребленія, но и для продажи въ города, или тѣмъ земледѣльцамъ, въ хозяйствѣ коихъ получалось недостаточное количество названныхъ матеріаловъ. Достигнувъ значительнаго искусства въ этомъ дѣлѣ и обезпечивъ своимъ издѣліямъ болѣе или менѣе широкій сбытъ, онѣ начинали перерабатывать на продажу не только матеріалъ, получаемый въ собственномъ хозяйствѣ, но и пріобрѣтаемый на рынкѣ. Выгоды отъ такого дѣла побуждали ихъ прекратить домашнюю выдѣлку разныхъ

предметовъ собственнаго потребленія и сосредоточиться на производствѣ продажнаго издѣлія. А суммы, выручаемыя отъ этого, онѣ употребляли на пріобрѣтеніе предметовъ потребленія. Другіе земледѣльцы, въ хозяйствѣ которыхъ получалось незначительное количество сырыхъ матеріаловъ, старались приспособиться къ производству требовавшихся мѣстными жителями предметовъ изъ покупного матеріала. Они арендовали залежи глины и начинали выдѣлывать горшки, чашки, кувшины; покупали лѣсъ и мастерили изъ него рамы, боченки, посуду; ковали мелкія желѣзныя издѣлія и т. д. Они посвящали этимъ промысламъ свободное отъ сельскихъ работъ преимущественно зимнее время, а средства на пріобрѣтеніе сырыхъ матеріаловъ имъ доставляли продукты ихъ земледѣльческаго хозяйства, продаваемые на деньги. Первоначально такіе кустари работали для ближайшаго раіона, но если на мѣстѣ имѣлась очень хорошая глина, цѣнныя породы деревъ, много кожи, шерсти и т. п., то съ теченіемъ времени ихъ издѣлія получали болѣе широкое распространеніе и продавались далеко за предѣлами мѣстнаго района.

По мѣрѣ того какъ крестьянская семья спеціализируется на производствѣ издѣлій для продажи, у нея сокращается время для того, чтобы самой ткать себѣ холстъ, сукна и т. п.; и она пріобрѣтаетъ предметы своего потребленія на рынкѣ. Натуральный путь удовлетворенія ея потребностей суживается, и ея хозяйство получаетъ болѣе и болѣе выраженный денежный характеръ. Когда же дѣло дойдетъ до того, что кустарь цѣлый годъ производитъ одни и тѣ же издѣлія на продажу — натуральный характеръ его быта исчезаетъ совершенно, и всѣ предметы своего потребленія, равно какъ и матеріалы и орудія производства, такой ремесленникъ долженъ пріобрѣтать на деньги. Въ подобномъ положеніи находится городской житель, особенно крупнаго города. Горожанинъ обыкновенно круглый годъ занимается однимъ дѣломъ. Онъ или служитъ, или мастеритъ по заказу другихъ, или приготовляетъ опредѣленныя издѣлія на продажу. Его доходы заключаются не въ хлѣбѣ или мясѣ, которые служили бы для его питанія, не въ шерсти или льнѣ, которые можно переработать въ предметы потребленія его семьи, а въ деньгахъ; и на эти деньги онъ пріобрѣтаетъ все, что ему нужно, чтобы жить.

Изъ сказаннаго видно, что способъ натуральнаго удовлетво-

ренія семейныхъ потребностей пользовался въ недавнія времена широкимъ распространеніемъ, главнымъ образомъ, среди селянъ, а не горожанъ, т.-е., что денежное хозяйство первоначально распространилось преимущественно въ городскомъ, а не сельскомъ населеніи. Сохраненіе деревней натуральнаго быта въ то время, когда въ городѣ уже водворилось денежное хозяйство, обусловливается главнымъ образомъ двумя причинами: тѣмъ, что спеціальный промыселъ земледѣльца — сельское хозяйство — занимаетъ только лѣтнее время крестьянина, а длинная зима остается свободной для другого производительнаго употребленія; и потому что земледѣліе служитъ источникомъ не только жизненныхъ припасовъ для питанія населенія, но и сырыхъ матеріаловъ (ленъ, конопля, шерсть, кожа) для производства. Если бы крестьянинъ продавалъ эти матеріалы вмѣсто того, чтобы перерабатывать ихъ въ свободное время въ предметы собственнаго потребленія или въ такіе продукты, которые онъ могъ сбыть на сторону, то его зимнее время пропадало бы непроизводительно, и его средства существованія ограничивались бы тѣмъ, что онъ успѣлъ выработать въ теченіе лѣта. Онъ былъ бы тогда гораздо бѣднѣе горожанина-ремесленника, который работаетъ круглый годъ,—круглый годъ, слѣдовательно, зарабатываетъ средства своего существованія. Крестьянинъ тоже старался не терять даромъ своего времени, и такъ какъ его спеціальный промыселъ (земледѣліе) занимаетъ всего половину года, то другую половину его онъ посвящаетъ переработкѣ матеріаловъ, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ, въ предметы собственнаго потребленія или для продажи.

Постепенное обращеніе натуральнаго хозяйства въ мѣновое или денежное поддерживалось тѣмъ, что это было для всѣхъ выгодно. При спеціализаціи работающаго на производствѣ одного вида издѣлій достигаются бо́льшее искусство и быстрота работы; отъ этого издѣліе получается и лучше, и дешевле сравнительно съ тѣмъ, когда одно лицо приготовляетъ нѣсколько разнородныхъ предметовъ. Для всего населенія представляется поэтому болѣе выгоднымъ, если производство разнообразныхъ предметовъ его потребленія распредѣлится между различными лицами, если одна группа крестьянъ будетъ въ зимнее время производить только полотно, другая—сукно, третья—обувь и т. д. Каждая такая группа будетъ продавать свои издѣлія и на вырученныя деньги пріобрѣтать нужныя ей издѣлія дру-

гихъ производителей. Каждый будетъ имѣть, какъ и при натуральномъ хозяйствѣ, все ему нужное; но покупные предметы будутъ лучшей выдѣлки, потому что они сдѣланы лицами, спеціально этимъ занимающимися. Такимъ образомъ, натуральный строй хозяйства постепенно превращается въ товарный или денежный, а крестьяне, перерабатывавшіе сырые матеріалы въ предметы своего потребленія, обращаются въ кустарей и ремесленниковъ, производящихъ товары, т.-е. вещи, назначенныя для продажи. Но сходство этого новаго товарнаго строя хозяйства со строемъ натуральнымъ заключается въ томъ, что тамъ и здѣсь земледѣлецъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и промышленникъ; что земледѣльческая промышленность не отдѣлена совершенно отъ обрабатывающей: та и другая находится въ однѣхъ рукахъ. И тотъ крестьянинъ, который приготовляетъ издѣліе для нуждъ своей семьи, и тотъ, кто пускаетъ ихъ въ продажу — оба занимаются въ то же время земледѣліемъ, и это соединеніе въ однѣхъ рукахъ промысла и сельскаго хозяйства обезпечиваетъ земледѣльцу возможность прилагать къ производству свой трудъ въ теченіе круглаго года. Продуктами его лѣтняго труда были хлѣбъ, молоко, мясо, шерсть, кожа, ленъ и т. п., а продуктомъ зимнихъ работъ— одежда, обувь и другіе предметы потребленія, выработанные изъ домашнихъ или покупныхъ матеріаловъ. Эти продукты крестьянинъ-земледѣлецъ или потреблялъ самъ съ своей семьей, или продавалъ на сторону.

Соединеніе въ однѣхъ рукахъ промысловъ и земледѣлія не сохраняется, однако, навѣки, и главной причиной ихъ разъединенія служитъ фактъ развитія крупнаго фабричнаго производства, доставляющаго болѣе дешевыя издѣлія, которыя предпочитаются потребителями издѣліямъ мелкой кустарной и ремесленной промышленности. Развитію крупнаго производства первоначально содѣйствовало увеличеніе спроса на разные продукты, вслѣдствіе распространенія городской жизни и оживленія торговыхъ сношеній между различными мѣстностями. Когда вслѣдствіе развитія этихъ сношеній продукты кустарныхъ промысловъ стали сбываться на отдаленныхъ рынкахъ, большое значеніе въ производствѣ пріобрѣли торговцы, черезъ руки которыхъ проходили эти продукты. Торговцы знали, какія издѣлія и въ какомъ количествѣ требуются на данныхъ рынкахъ; только черезъ этихъ торговцевъ кустари и могли сбывать свои издѣлія въ дальнія мѣста, а въ тѣхъ случаяхъ, когда ку-

стари перерабатывали привозное сырье, доставку послѣдняго брали на себя тѣ же торговцы, которые завѣдывали сбытомъ готовыхъ издѣлій. Держа въ своихъ рукахъ доставленіе кустарямъ сырыхъ матеріаловъ и продажу выдѣлываемыхъ кустарями издѣлій, скупщики постепенно поработили работающихъ и сдѣлались какъ бы ихъ хозяевами. Скупщикъ указывалъ, какія издѣлія требуются на рынкѣ, ссужалъ кустаря матеріаломъ, назначалъ цѣны на принимаемыя отъ него издѣлія и т. д. Въ наибольшую зависимость отъ скупщика попадали тѣ ремесленники, которые имѣли мало земли, и коихъ благосостояніе зависѣло, главнымъ образомъ, отъ сбыта выдѣлываемыхъ ими издѣлій. Такіе ремесленники постепенно обращались въ форменныхъ работниковъ скупщика. Послѣдній выдавалъ имъ матеріалъ, опредѣлялъ родъ производимыхъ издѣлій, назначалъ вознагражденіе за трудъ. Эта организація мелкихъ промысловъ, при которой ремесленникъ работаетъ въ своемъ дому по найму капиталиста, извѣстна подъ именемъ домашней системы капиталистической промышленности. Съ теченіемъ времени мелкая промышленность подвергается нѣкоторымъ измѣненіямъ не только съ экономической, но и съ технической стороны. Въ наиболѣе сложныхъ производствахъ начинаетъ устанавливаться нѣкоторое раздѣленіе труда. Кустари спеціализируются на выполненіи отдѣльныхъ операцій, и производимый ими предметъ, пройдя черезъ руки многихъ спеціалистовъ, выходилъ лучше того, который цѣликомъ приготовлялся мастеромъ средняго достоинства. Эти спеціалисты первоначально работали въ собственныхъ домахъ, получая отъ хозяина данный предметъ для производства опредѣленной операціи. Предметъ этотъ переносился такимъ образомъ отъ одного кустаря къ другому, пока не получалъ окончательную отдѣлку и пускался въ продажу. Этотъ процессъ раздѣленія труда пошелъ значительно быстрѣе. когда хозяева, ради удобства надзора за выполненіемъ работъ и употребленіемъ матеріала, стали соединять кустарей для работы въ одномъ помѣщеніи, т.-е. когда кустарно-ремесленная организація промышленности стала обращаться въ мануфактуру.

При сосредоточеніи многихъ работниковъ въ одномъ помѣщеніи можно было примѣнить для выполненія тяжелыхъ работъ силу животныхъ, воды, вѣтра, что опять-таки сокращало затрату труда и удешевляло издѣліе. А когда въ промышленности получили примѣненіе паровые двигатели, большіе барыши въ нѣкоторыхъ про-

изводствахъ капиталисты могли получать лишь при организаціи крупныхъ предпріятій. Примѣненіе къ производству паровыхъ двигателей повело къ изобрѣтенію такихъ машинъ, которыя, будучи приводимы въ движеніе паромъ, замѣняли множество рабочихъ рукъ. Машина сильно увеличивала производительность человѣческаго труда и давала возможность производить сразу множество экземпляровъ одного и того же предмета. Результатомъ всѣхъ этихъ преобразованій было такое удешевленіе фабричныхъ издѣлій, что съ ними рѣшительно не могли конкурировать продукты труда мелкихъ кустарей и ремесленниковъ. Кустари-земледѣльцы поэтому вынуждены были прекращать приготовленіе издѣлій для продажи и находили даже выгоднымъ, вмѣсто домашней выдѣлки для собственнаго потребленія льняныхъ, пеньковыхъ и шерстяныхъ тканей, продавать ленъ, пеньку, шерсть на фабрики и пріобрѣтать для одежды ситцы и фабричное сукно.

Такъ понемногу происходило повсюду разъединеніе земледѣльческой промышленности и обрабатывающей. Вмѣстѣ съ этимъ самостоятельный кустарь-производитель сходилъ со сцены, а его мѣсто занималъ наемный рабочій, т.-е. самостоятельное мелкое ремесло замѣщалось крупнымъ капиталистическимъ производствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ и натуральное хозяйство болѣе и болѣе замѣнялось денежнымъ: приготовленіе разныхъ издѣлій для потребленія семьи работающаго исчезало, и земледѣльцамъ приходилось бо́льшую и бо́льшую часть нужныхъ имъ предметовъ пріобрѣтать на рынкѣ.

Развитіе товарнаго хозяйства и капиталистическаго производства въ Россіи совершалось при условіяхъ, которыя должны были отличать этотъ процессъ отъ того, какъ онъ происходилъ на Западѣ, и замедлять его ходъ. Положеніе Россіи на востокѣ, бокъ-о-бокъ съ воинственными кочующими азіатскими племенами, предопредѣлило ей задачу замиренія этихъ племенъ, обрекало на многовѣковую военную борьбу съ ними. Это отвлекало ея силы отъ болѣе благородной цѣли мирнаго культурнаго развитія, но обезпечивало условіе такого развитія нашимъ западнымъ сосѣдямъ, которымъ она служила защитой отъ дикихъ азіатскихъ полчищъ. Вслѣдствіе описанныхъ обстоятельствъ, народы Западной Европы раньше русскихъ освободились отъ дикости, присущей первобытнымъ племенамъ, и пошли по пути умственнаго, политическаго и промышленнаго развитія. Благопріятныя условія для развитія мѣнового хо-

зяйства заключаются въ густотѣ населенія и въ удобствахъ путей сообщенія. А въ этихъ отношеніяхъ Россія еще и теперь значительно отличается отъ Западной Европы; въ прежнее же время это отличіе было гораздо замѣтнѣе.

Разселеніе племенъ Западной Европы на той сравнительно небольшой территоріи, на какой они обитаютъ, закончилось въ то время, когда русская исторія только-что начиналась, и прошедшую съ тѣхъ поръ тысячу лѣтъ европейскіе народы проводили, говоря вообще, на одномъ мѣстѣ. Русское племя на зарѣ исторіи занимало небольшую западную часть Европейской Россіи: бассейнъ рѣки Волхова, верхнее теченіе Волги, верхнее и среднее теченіе Днѣпра. Послѣдующая исторія нашей страны характеризовалась распространеніемъ русскаго племени на сѣверъ, югъ и востокъ, продолжавшимся въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ и еще не совершенно закончившимся, пожалуй, и въ настоящее время. Это различіе осѣдлаго характера исторіи народовъ Западной и колонизаціоннаго— народовъ Восточной Европы (Россіи) имѣло первымъ послѣдствіемъ крупныя различія обѣихъ частей Европы въ отношеніи густоты или скученности населенія. Весь почти естественный приростъ населенія осѣдлой Европы оставался на мѣстѣ, а въ Россіи населеніе постоянно распространялось на новыя территоріи, и этимъ предупреждалась скученность населенія въ коренныхъ русскихъ земляхъ. Средняя плотность населенія Россіи даже въ настоящее время менѣе плотности населенія Англіи XI вѣка, а самыя населенныя наши губерніи имѣютъ такую же густоту населенія, какая свойственна была всей Франціи 600 лѣтъ тому назадъ. Въ среднемъ въ Европейской Россіи на квадратный километръ теперь приходится 20 жителей (на кв. версту 23 человѣка); въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы на кв. километръ приходится отъ 66 до 220 жителей, т.-е. въ 3—11 разъ больше.

Скученность населенія является важнымъ условіемъ экономическаго развитія страны. Разрастаясь болѣе и болѣе и истощая легко доступные запасы естественныхъ богатствъ, населеніе страны, не раздвигающей своихъ границъ, приходитъ къ необходимости такихъ пріемовъ производства, которые допускали бы болѣе глубокую эксплоатацію природы. Всего настоятельнѣе это обнаруживается въ области земледѣлія. Густое населеніе требуетъ того, чтобы одна и та же площадь земли давала больше жизненныхъ припасовъ, а для этого

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

нужно оставить первобытные пріемы обработки и стремиться къ развитію интенсивнаго хозяйства. Достигнувъ извѣстной густоты, населеніе уже не можетъ помѣщать своего прироста въ области сельскохозяйственнаго производства, и, такимъ образомъ, необходимо создается спеціальное промышленное населеніе, разрастаются города и ускоряется процессъ распространенія мѣнового хозяйства, причемъ обрабатывающая промышленность сосредоточивается въ городахъ, а ея продукты идутъ въ деревни въ обмѣнъ на жизненные припасы и сырые матеріалы производства. Широкое развитіе обмѣна требуетъ благоустроенныхъ путей сообщенія, а густота населенія облегчаетъ процессъ улучшенія послѣднихъ. Для облегченія сношеній принимаются мѣры къ устройству грунтовыхъ дорогъ, къ улучшенію рѣчныхъ путей и къ устройству каналовъ. Все это давно наблюдается въ Западной Европѣ, и ея населеніе давно уже стремится къ тому, чтобы улучшить свой бытъ путемъ такихъ пріемовъ производства, которые позволяютъ съ той же территоріи получать больше и больше предметовъ потребленія. Это приводитъ въ земледѣліи къ интенсивному хозяйству, а въ области промышленности—къ развитію искусства человѣка, къ примѣненію машинъ и механическихъ двигателей, къ созданію крупной формы промышленности.

Населеніе Россіи долгое время избѣгало необходимости болѣе искусственной эксплоатаціи естественныхъ богатствъ природы. Такъ какъ къ востоку отъ коренной Россіи лежали громадныя площади почти нетронутыхъ естественныхъ богатствъ, то по мѣрѣ оскудѣнія такихъ богатствъ въ коренныхъ русскихъ земляхъ, ихъ населеніе направлялось на сѣверъ, югъ или востокъ и здѣсь продолжало примѣнять тѣ первобытные пріемы эксплоатаціи природы, какіе оказывались уже отсталыми на прежнихъ мѣстахъ жительства. Такъ, на всемъ почти протяженіи русской исторіи мы встрѣчаемся съ широкимъ распространеніемъ такихъ промысловъ, какъ охота на звѣря, рыболовство, бортничество (эксплоатація дикой пчелы). Съ этихъ промысловъ собственно и начиналась промышленная дѣятельность русскихъ, занимавшихъ новыя земли. Что же касается земледѣлія, то оно играло второстепенную роль, и на первый планъ выдвинулось послѣ того, какъ съ дальнѣйшимъ размноженіемъ населенія названныя выше богатства подверглись значительному истощенію. Постоянный отливъ жителей Россіи изъ центра на окраины служилъ препятствіемъ развитію большой плотности населенія, а вмѣстѣ съ

тѣмъ, и благоустройству путей сообщенія. Наши грунтовыя дороги и въ настоящее время очень плохи, а встарину онѣ были и того хуже; передвиженіе значительныхъ массъ товаровъ совершалось поэтому зимою, т.-е. было возможно лишь въ теченіе полугода. Другой, болѣе удобный способъ товарнаго обмѣна представляли рѣки; но и онѣ открыты были для движенія лишь въ теченіе части года. При отсутствіи паровыхъ двигателей, и сухопутный и водяной способы передвиженія товаровъ были очень медленны: на отдаленныхъ протяженіяхъ товарный оборотъ совершался одинъ разъ въ годъ. Отсюда вытекала необходимость въ образованіи складовъ товаровъ въ пунктахъ, удобно расположенныхъ по отношенію къ потребителямъ. Въ эти пункты зимою или лѣтомъ (смотря по ихъ расположенію) пріѣзжали провинціальные торговцы, закупали товары для своихъ районовъ на цѣлый годъ и продавали мѣстныя произведенія. Такимъ образомъ, нынѣ падающая, но не совсѣмъ еще исчезнувшая ярмарочная торговля была необходимой формой торговли во времена плохо оборудованныхъ путей сообщенія.

Отливъ населенія изъ коренной Россіи на окраины происходилъ въ то время, когда естественныя богатства здѣсь значительно истощились. Оставшимся на мѣстѣ приходилось, поэтому, отъ первобытныхъ способовъ производства переходить къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ добыванія средствъ существованія.

Необходимость этого всего ранѣе почувствовалась жителями московскаго района, составлявшаго политическій центръ московскаго государства. Здѣсь находилась столица государства, сосредоточивалась знать и служилые люди, постоянно пріѣзжали и уѣзжали чиновники, купцы. Уже это одно создавало спросъ на различные предметы потребленія и вызывало производство послѣднихъ для снабженія городовъ. Московская область находилась, кромѣ того, въ удобномъ положеніи относительно передвиженія товаровъ. Грунтовыя дороги кое-какъ, но все-таки поправлялись ради нуждъ правительства; Волга, ея притоки и устроенные каналы, съ одной стороны, Днѣпръ, съ другой, сравнительная близость Сѣверной Двины, съ третьей,—открывали удобный путь сообщенія края съ прочими областями Россіи и съ морскими портами. Въ этомъ-то районѣ верхней Волги, главнымъ образомъ, и получило развитіе производство для продажи и примѣненіе болѣе усовершенствованныхъ способовъ ремесла. Здѣсь лядинное, переложное сельское хозяйство давно уже

перешло въ трехполье. Домашняя промышленность для нуждъ семьи самого работающаго стала замѣщаться кустарными промыслами для продажи на рынкѣ. Первоначально матеріалами, перерабатывавшимися кустарями, служили мѣстныя произведенія и мѣстныя естественныя богатства: желѣзная промышленность зародилась въ районахъ залежей руды въ Тульской губ., Новгородской, Нижегородской, Олонецкой; обработка льна сосредоточилась въ мѣстностяхъ, благопріятствовавшихъ произрастанію этого растенія—около Ярославля, Шуи, кое-гдѣ на Сѣверной Двинѣ и Вагѣ; богатство лѣсомъ и близость Волги вызвали промыселъ постройки судовъ; наличность кожъ и шерсти мѣстныхъ хозяевъ повела къ устройству кожевенныхъ, скорняжныхъ, шерстоваляльныхъ заведеній и т. д. Впослѣдствіи мѣстные промышленники стали перерабатывать матеріалы, привозимые издалека.

Въ отношеніи плотности населенія подмосковный районъ давно уже представлялъ собою нѣчто исключительное. Еще въ концѣ XVII вѣка по густотѣ населенія онъ приближался къ современному намъ моменту. Въ XVIII столѣтіи населеніе его нѣсколько разрѣдилось, но и тогда оно въ 3—10 разъ было плотнѣе населенія прочихъ областей Россіи. При такой густотѣ населенія не всѣ жители имѣли возможность прилагать свои силы къ сельскому хозяйству въ теченіе всего лѣта; но это не отражалось неблагопріятно на ихъ матеріальномъ состояніи, потому что широкое развитіе промысловъ открывало имъ дополнительные источники доходовъ. Многіе крестьяне вовсе отказывались отъ хозяйства и спеціализировались на какомъ-нибудь кустарномъ промыслѣ. Въ мѣстностяхъ малоземельныхъ и удобно расположенныхъ относительно путей сообщенія, цѣлыя деревни и районы сплошь занимались приготовленіемъ однородныхъ издѣлій. Такимъ образомъ возникли столь распространенные у насъ кустарные районы.

Широкое развитіе промысловъ въ подмосковномъ районѣ разсчитано было, какъ уже говорилось, не на мѣстное только потребленіе. Этотъ районъ служилъ для отдаленныхъ и менѣе развитыхъ областей источникомъ не только товаровъ, но и специалистовъ-ремесленниковъ. Не находя на мѣстѣ достаточнаго спроса на трудъ, шерстобиты, валяльщики, портные, плотники и другіе ремесленники отправлялись изъ центральной Россіи на окраины и исполняли по заказу жителей работы, требующія искусной руки.

Въ болѣе отдаленныхъ и позже колонизованныхъ районахъ Россіи широкое развитіе кустарныхъ промысловъ не представлялось столь настоятельнымъ, какъ подъ Москвою. Населеніе, какъ сказано выше, было здѣсь значительно рѣже, естественныя богатства природы мало истощены, земля плодородна. Потребность въ предметахъ потребленія населенія поэтому удовлетворялась домашнимъ ихъ приготовленіемъ; предметы потребленія, требующія бо́льшаго искусства, заказывались мѣстному ремесленнику или пріобрѣтались на рынкѣ, куда они доставлялись, главнымъ образомъ, изъ московскаго района. Деньги же для пріобрѣтенія этихъ продуктовъ населеніе получало, продавая хлѣбъ, рыбу, шкуры битыхъ звѣрей и домашнихъ животныхъ, которыя доставлялись для переработки въ кустарные районы.

Хотя условія хозяйственнаго быта московской области допускали образованіе спеціальнаго промышленнаго класса, но въ общемъ можно сказать, что развитіе товарнаго хозяйства даже въ этой области происходило на почвѣ сохраненія связи промысловъ съ земледѣліемъ: обрабатывающая промышленность не отдѣлялась въ самостоятельный отдѣлъ производства; рабочіе въ этой промышленности были крестьяне, лѣтомъ занимавшіеся земледѣліемъ, а зимою приготовлявшіе разныя издѣлія для продажи. Даже послѣ того, какъ правительство, начиная съ Петра I, стало заботиться объ усовершенствованіи нашей промышленности и для того, слѣдуя западно-европейскимъ образцамъ, начало насаждать крупныя капиталистическія предпріятія,—отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣльческой не получило широкаго развитія, и мѣры правительства послужили еще къ большему распространенію мелкой, кустарной промышленности.

Петръ I и его преемники всячески поощряли устройство у насъ, при помощи иностранцевъ, нужныхъ имъ горныхъ, оружейныхъ, литейныхъ заводовъ, суконныхъ, полотняныхъ, писчебумажныхъ фабрикъ и т. п. Правительство давало для устройства такихъ предпріятій деньги, выписывало изъ-за границы мастеровъ, приписывало къ фабрикамъ для работы крестьянъ, обезпечивало сбытъ ихъ издѣлій, забирая ихъ для своихъ надобностей (содержаніе войска и т. п.) и облагая таможенными пошлинами привозъ иностранныхъ фабрикатовъ. Но всѣ усилія правительства насадить у насъ крупную промышленность пошли, главнымъ образомъ, на пользу мел-

каго, кустарнаго промысла. Рабочіе, научившись на фабрикахъ новымъ пріемамъ и новымъ ремесламъ, оставляли капиталистическія заведенія, поселялись въ родныхъ деревняхъ и принимались за приготовленіе соотвѣтствующихъ издѣлій, при помощи членовъ своихъ семей, работая въ жилыхъ избахъ или мелкихъ мастерскихъ. Это было возможно, конечно, прежде всего потому, что фабрики XVIII вѣка не были похожи на теперешнія крупныя заведенія, снабженныя паровыми двигателями и машинами. На старыхъ фабрикахъ примѣнялся не машинный, а ручной трудъ; механическіе же двигатели, гдѣ таковые устраивались, были водяные и вѣтряные. Выгода такой фабрики (такъ называемой мануфактуры) заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что соединеніе многихъ рабочихъ въ одномъ заведеніи допускало экономію расходовъ по устройству одного большого помѣщенія взамѣнъ многихъ мелкихъ мастерскихъ и облегчало раздѣленіе труда при изготовленіи продукта. При раздѣленіи же труда различныя операціи исполняются различными рабочими, спеціализирующимися на одномъ дѣлѣ и выполняющими его скорѣе и лучше того мастера, который одинъ приготовляетъ весь предметъ.

Если бы въ Россіи находилось многочисленное безземельное населеніе, то подобныя мануфактуры получили бы у насъ такой же успѣхъ, какой имѣли на Западѣ, по образцу котораго онѣ и устраивались. Но работниками нашихъ мануфактуръ были не безземельные, а члены крестьянскихъ семей, занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ и имѣвшихъ подсобные зимніе заработки. Успѣшное развитіе мануфактуръ грозило уничтоженіемъ этихъ послѣднихъ. А такъ какъ при краткости лѣтняго труда въ районѣ главнаго распространенія нашихъ кустарныхъ промысловъ (центральной нечерноземной полосы) и при первобытности пріемовъ обработки земли одно земледѣліе не могло дать средствъ удовлетворенія потребностей населенія, то крестьяне, поступавшіе на вновь устраиваемыя мануфактуры, не думали оставаться тамъ вѣчно. Научившись новымъ пріемамъ производства и новымъ ремесламъ, они стремились примѣнить эти знанія дома, не отвлекаясь отъ сельскихъ работъ. Они или покупали матеріалъ на рынкѣ и въ зимнее время выдѣлывали для продажи тѣ издѣлія, которымъ научились на фабрикѣ, или получали матеріалъ отъ торговцевъ и по ихъ заказу производили тѣ или другіе предметы. Они могли довольствоваться при этомъ меньшимъ

заработкомъ, чѣмъ фабричные рабочіе, потому что жили въ своихъ семьяхъ и имѣли другое, болѣе выгодное занятіе—земледѣльческое. Ихъ конкуренція была поэтому очень опасна для крупныхъ мануфактуръ, и въ началѣ XIX вѣка кустарное производство многихъ, преимущественно ткацкихъ, издѣлій стало вытѣснять производство фабричное. Такимъ именно способомъ получило широкое распространеніе въ московскомъ районѣ кустарное ткачество: бумажное, шелковое и тонкихъ полотенъ. Такимъ же образомъ, т.-е. путемъ вліянія фабрикъ и крупныхъ мастерскихъ, въ данномъ районѣ получили распространеніе или подверглись преобразованію и многіе другіе кустарные промыслы.

Говоря объ историческомъ развитіи мелкихъ промысловъ въ Россіи, нельзя не упомянуть и о помѣщикахъ, стремившихся усовершенствовать промыслы своихъ крѣпостныхъ и выписывавшихъ для этого болѣе или менѣе искусныхъ мастеровъ.

Заботы правительства о развитіи капиталистической промышленности содѣйствовали распространенію кустарныхъ промысловъ, основанныхъ на сохраненіи связи обрабатывающей промышленности съ земледѣліемъ лишь до тѣхъ поръ, пока крупная промышленность мало пользовалась паровыми двигателями и машинами и примѣняла преимущественно ручной трудъ. Такое положеніе дѣлъ продолжалось приблизительно до средины истекшаго столѣтія. Самой промышленной страной, служившей образцомъ для другихъ государствъ, была Англія; а эта страна, не желая содѣйствовать развитію индустріи въ чужихъ странахъ, которыя она снабжала своими издѣліями, запрещала вывозить за границу англійскія машины. Производить же у себя сложныя машины, замѣнявшія искусство рукъ человѣка, отсталая Россія была не въ состояніи; и потому на ея фабрикахъ первой половины XIX вѣка, какъ и въ кустарной избѣ, господствовалъ ручной трудъ. Въ срединѣ названнаго столѣтія положеніе измѣнилось. Англійское правительство перестало опасаться конкуренціи чужихъ странъ и отмѣнило запрещеніе вывоза машинъ; и это могучее средство распространенія капиталистической промышленности нашло доступъ въ наше отечество. Крестьянская реформа, освободивъ населеніе отъ опеки, облегчивъ его передвиженіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сокративъ крестьянское землевладѣніе, увеличила число рукъ, ищущихъ наемнаго труда; а правительство, расширяя желѣзнодорожную сѣть, облегчало распространеніе фабричныхъ издѣлій въ различные районы,

гдѣ они могли конкурировать съ продуктами мѣстнаго кустарнаго производства.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій, со средины XIX вѣка наша капиталистическая промышленность начинаетъ болѣе и болѣе принимать формы высокоразвитой промышленности Западной Европы; ея издѣлія становятся болѣе дешевыми и красивыми и вытѣсняютъ съ рынка издѣлія кустарей. Съ этой поры развитіе мѣнового хозяйства основывалось на отдѣленіи обрабатывающей промышленности отъ земледѣльческой. Выгода фабрикантовъ заключается въ томъ, чтобы ихъ заведенія работали по возможности непрерывно, чтобы ихъ машины не оставались безъ дѣла. Поэтому капиталисты стремятся по возможности растянуть рабочій день, устраиваютъ смѣны рабочихъ и держатъ въ ходу фабрики и зимою, и лѣтомъ. Крестьяне, утрачивающіе кустарные зимніе заработки и вынужденные поступать на фабрики, стремятся. напротивъ того, уйти лѣтомъ въ деревню, на сельскія работы. Въ первое время фабриканты считались съ-этимъ стремленіемъ и на лѣтнее время значительно сокращали рабочій персоналъ своихъ предпріятій. Но, по мѣрѣ того, какъ размноженіе населенія порождало бо́льшія и бо́льшія массы рабочихъ, не находившихъ приложенія своихъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ и искавшихъ наемнаго труда, капиталисты получали рабочій персоналъ, не связанный съ сельскохозяйственнымъ производствомъ, и освобождались отъ необходимости сообразоваться съ требованіями земледѣлія. Такимъ образомъ, крупная обрабатывающая промышленность совершенно почти отдѣлилась отъ промышленности сельскохозяйственной. А такъ какъ развитіе промышленности уничтожаетъ мелкіе, кустарные промыслы, то земледѣліе болѣе и болѣе обособляется отъ промышленности, а нашъ мелкій хозяинъ постепенно утрачиваетъ подсобныя работы, занимавшія его длинные зимніе досуги.

Эта тенденція капиталистической эволюціи обособить и специализировать сельскохозяйственную дѣятельность—при условіяхъ промышленнаго развитія передовыхъ государствъ Западной Европы—вызывала въ области земледѣлія процессъ такого преобразованія системъ хозяйства, при которомъ земледѣлецъ находилъ производительное примѣненіе своему труду въ теченіе круглаго года. Только при наличности такого преобразованія разъединеніе промысловъ и земледѣлія не поведетъ къ обѣднѣнію земледѣльческаго класса, и

процессъ капиталистической эволюціи, съ хозяйственной точки зрѣнія, будетъ имѣть положительные результаты и въ области индустріи, и въ сферѣ сельскаго хозяйства. Системы хозяйства, отвѣчающія такому требованію, основаны на преимущественномъ развитіи интенсивнаго животноводства и на подчиненіи зерновыхъ сѣвооборотовъ интересамъ этого послѣдняго. Зерновое хозяйство и животноводство поглошаютъ неодинаковое количество труда и доставляютъ поэтому не одинаковую сумму цѣнности. Земледѣлецъ, добывающій зерно, затрачиваетъ въ сельскомъ хозяйствѣ лѣтнее свое время и вкладываетъ въ свой продуктъ цѣнность, соотвѣтствующую этой затратѣ. Хозяинъ, основавшій производство на разведеніи рогатаго скота, овецъ и свиней, поставляющій на рынокъ молоко, сыръ, масло, мясо, имѣетъ работу по выращиванію и откорму скота въ теченіе круглаго года, извлекаетъ изъ хозяйства доходъ, прилагая производительно свой трудъ и лѣтомъ, и зимою. Чѣмъ болѣе поэтому животноводство развивается на счетъ добыванія зерна, тѣмъ большая часть земледѣльческаго населенія получаетъ производительное примѣненіе своего труда въ теченіе круглаго года, и тѣмъ меньшая доля его обречена на праздное состояніе въ теченіе зимняго полугодія; тѣмъ выше доходы хозяина, и тѣмъ богаче вся страна.

II. Капитализмъ и сельское хозяйство.

Для выясненія того, какими факторами обусловливается возможность преобразованія сельскаго хозяйства, отвѣчающаго требованіямъразвитаго капиталистическаго строя, разсмотримъ положеніе уже преобразованнаго хозяйства въ двухъ типическихъ въ данномъ отношеніи странахъ: Германіи и Даніи.

Основаніемъ для превращенія экстенсивнаго зернового нѣмецкаго сельскаго хозяйства въ интенсивное животноводческое служило расширеніе внутренняго рынка для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ вслѣдствіе быстраго развитія промышленности. Объ этомъ расширеніи можно судить на основаніи данныхъ о сравнительной численности земледѣльческаго и промышленнаго населенія въ различные моменты времени. Мы можемъ привести соотвѣтствующія данныя для 1882 и 1895 гг. Въ 1882 г. все населеніе германской имперіи равнялось 45,2 милліонамъ лицъ; изъ нихъ почерпало средства къ жизни въ земле-

дѣліи 19,2 милл., или 43% и въ прочихъ занятіяхъ 26 милліоновъ, или 57%; къ сельскому хозяйству прилагали силы 8,2 милліона лицъ рабочаго возраста. Это значитъ, что на одного производителя-земледѣльца приходилось 5,5 потребителей земледѣльческихъ продуктовъ; изъ нихъ 2,3 потребителя принадлежали къ земледѣльческому классу и 3,2—къ неземледѣльческому. Къ 1895 г. населеніе германской имперіи поднялось до 51,8 милліоновъ и весь этотъ приростъ приходится на неземледѣльческіе классы, представлявшіе численность въ 33,3 милл. лицъ, т.-е. 64% всего населенія. Земледѣльческое же населеніе сократилось до 18,5 милл., а число лицъ, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ, осталось почти безъ перемѣны. Вслѣдствіе указаннаго измѣненія численности различныхъ классовъ оказалось, что на одного земледѣльца-производителя въ 1895 г. приходилось уже не 5,5 а 6,2 потребителя, изъ коихъ 2,2 принадлежали къ земледѣльческому, а 4 къ классамъ неземледѣльческимъ.

Такимъ образомъ за 13 лѣтъ, раздѣлявшихъ двѣ переписи, въ Германіи внутренній рынокъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ возросъ въ томъ отношеніи, въ какомъ увеличилось промышленное населеніе сравнительно съ земледѣльческимъ, т.-е. въ отношеніи 57: 64. Каждое занятое въ нѣмецкомъ земледѣліи лицо получило если не цѣлаго новаго потребителя, то 0,7 такового; т.-е. три землѣдѣльца вмѣстѣ получили двухъ новыхъ потребителей своихъ произведеній. Этимъ приростомъ потребителей еще не вполнѣ выражается возрастаніе спроса нѣмецкаго рынка на продукты сельскаго хозяйства. Приростъ потребителей земледѣльческихъ продуктовъ падаетъ не на сельское, а на городское и промышленное населеніе. Число потребителей-земледѣльцевъ сократились на 0,1, а число потребителей горожанъ увеличилось на 0,8. Въ городахъ же живетъ болѣе зажиточное населеніе, и оно потребляетъ больше различныхъ продуктовъ.

Не менѣе важное значеніе, чѣмъ увеличеніе числа потребителей земледѣльческихъ произведеній, имѣетъ фактъ происшедшаго въ то же время измѣненія сравнительнаго спроса нѣмецкаго населенія на различные продукты сельскаго хозяйства. Такъ какъ приростъ потребителей падаетъ на города, а горожане, какъ болѣе состоятельный классъ, потребляетъ больше сахара, вина и, главное, больше мясныхъ и молочныхъ продуктовъ, нежели сельскіе жители, то спросъ нѣмецкаго населенія на продукты животноводства возросъ значительнѣе

нежели спросъ его на растительную пищу, и нѣмецкій земледѣлецъ получилъ возможность расширить добычу животныхъ продуктовъ больше, чѣмъ растительныхъ, т.-е. пойти по пути именно того преобразованія сельскаго хозяйства, какое способно восполнить ущербъ, нанесенный производительности земледѣльческаго населенія процессомъ разъединенія промысловъ и земледѣлія. Процессъ развитія интенсивнаго животноводства начался въ Германіи, конечно, ранѣе 1882 г., но для характеристики хода этого процесса достаточно познакомиться съ періодомъ 1882—1895 годовъ.

Возрастающее промышленное населеніе Германіи со второй половины 70-хъ годовъ потребовало ввоза земледѣльческихъ продуктовъ изъ-за границы. Нѣмецкіе хозяева воспользовались этимъ обстоятельствомъ и, предоставивъ иностранцамъ доставлять въ Германію часть нужнаго ей зерна, они тѣмъ бо́льшую площадь своей земли могли обратить на приготовленіе продуктовъ животноводства. Въ 1901 г. перевѣсъ ввоза въ Германію пшеницы и ржи надъ вывозомъ ихъ составлялъ уже 175 милл. пуд., и если бы Германія добывала весь потребляемый ею хлѣбъ дома, то къ 8 милліонамъ гектарамъ (7,3 мил. десятинъ) земли, которые находятся подъ этими хлѣбами, пришлось бы прибавить еще $2^1/_2$ милліона и соотвѣтственно сократить площадь, состоящую подъ кормами (для скота). Теперь эти $2^1/_2$ милл. гектаровъ засѣваютъ для Германіи иностранныя государства, предоставляя ей занимать такую же площадь тѣми культурами, которыя отвѣчаютъ задачѣ преобразованія ея хозяйства изъ зернового въ интенсивно-скотоводческое. Торговля съ иностранными государствами не только косвенно способствуетъ поддержанію нѣмецкаго скотоводства. Такая поддержка оказывается ему и прямымъ путемъ доставленія кормовыхъ средствъ. Уже 175 милл. пуд. ржи и пшеницы, получаемыя Германіей для пропитанія своего населенія, содержатъ 36 милл. пуд. отрубей, употребляющихся для корма скота. Но въ Германію ввозится еще около 220 милл. пуд. кормовыхъ товаровъ (овесъ, ячмень семянныя выжимки, отруби, кукуруза), которые въ переводѣ на землю окажутся равнозначущими еще $2^1/_2$—3 милл. гектаровъ. Такъ какъ подъ всѣми хлѣбами въ Германіи состоитъ 13 милл. гектаровъ, то 5—$5^1/_2$ милл. гект., засѣваемыхъ для нея другими странами, какъ бы увеличиваютъ ея сборы на 40% [1]).

[1]) 5—$5^1/_2$ милл. гектаровъ исчислены на основаніи урожаевъ хлѣбовъ

Итакъ, по мѣрѣ того, какъ, вслѣдствіе развитія промышленности, увеличивалось число лицъ, которыхъ долженъ былъ кормить нѣмецкій земледѣлецъ, увеличивался и ввозъ въ Германію иностранныхъ земледѣльческихъ растительныхъ произведеній, назначенныхъ для пропитанія нѣмецкаго населенія и для прокормленія нѣмецкаго скота. Оба же эти факта облегчали нѣмецкому земледѣльцу выполненіе задачи преобразованія сельскаго хозяйства въ направленіи развитія интенсивнаго животноводства, дающаго ему занятіе въ теченіе круглаго года и приносящаго болѣе высокій доходъ, чѣмъ культура зерновыхъ хлѣбовъ. Въ нѣмецкомъ хозяйствѣ развивались въ это время отрасли животноводства, доставляющія предметы питанія и требующія сравнительно значительной затраты человѣческаго труда, и сокращалось разведеніе овецъ для шерсти — отрасль, поглощающая очень мало труда. Поставку же въ Германію этого волокнистаго матеріала взяли на себя многоземельныя за атлантическія страны. Съ 1883 по 1897 г. число продуктивнаго скота (рогатаго, свиней, овецъ), въ переводѣ на рогатый, возросло съ 37 до 43 головъ на квадратный километръ, т.-е. на 16%. Такъ какъ число земледѣльцевъ въ это время не измѣнилось, то можно утверждать, что на 16% увеличилось и количество продуктивнаго скота, приходящагося на одного работающаго. Но успѣхи нѣмецкаго скотоводства не ограничиваются этимъ. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ численности скота возросла и его продуктивность: скотъ сдѣлался крупнѣе и молочнѣе. Вѣсъ быка напр., съ 1883 по 1900 г. увеличился на 20%. Если принять, что вѣсъ штуки скота поднялся въ среднемъ на 15%, то окажется, что въ настоящее время каждый земледѣлецъ производитъ въ среднемъ почти на $^1/_3$ часть больше животныхъ продуктовъ, чѣмъ 15 лѣтъ тому назадъ. Принявъ во вниманіе, что въ описываемое время наблюдается и подъемъ цѣнъ на мясные и молочные продукты, можно безъ большой погрѣшности допустить, что цѣнность приготовляемыхъ нѣмецкимъ земледѣльцемъ животныхъ продуктовъ возросла приблизительно на 35—40%. Денежный же доходъ его отъ хозяйства увеличился по этой статьѣ гораздо больше потому, что, вѣроятно, весь приростъ животныхъ продуктовъ пошелъ на пропитаніе неземледѣльческаго населенія, возросшаго приблизи-

---

въ нѣмецкомъ хозяйствѣ. Въ странахъ, экспортирующихъ зерно, сборы хлѣбовъ въ 1½—2 раза ниже и площадь, занятая хлѣбами, отправляемыми въ Германію, должна быть соотвѣтственно увеличена

тельно на 30%. Въ 1882 г. земледѣльческое населеніе составляло 42% всего населенія германской имперіи, и еслибы земледѣлецъ потреблялъ столько же животныхъ продуктовъ, какъ горожанинъ, то на долю земледѣльцевъ приходилось-бы 42% ежегодно приготовлявшихся животныхъ припасовъ, а на горожанъ 58%. На самомъ дѣлѣ крестьянинъ питается преимущественно растительными продуктами, и можно, поэтому, допустить, что на его долю въ 1882 г. приходилось приблизительно $^1/_3$ часть потреблявшихся въ Германіи животныхъ припасовъ, а $^2/_3$ отчуждались въ города, на заводы и т. п. Теперь къ этой массѣ продаваемыхъ животныхъ продуктовъ прибавилась, какъ мы видѣли, $^1/_3$ часть всего того количества данныхъ припасовъ, какое производилось въ 1882 г., т.-е. половина того, что отчуждалось тогда земледѣльцами на сторону. Это значитъ, что даже при неизмѣнныхъ рыночныхъ цѣнахъ, каждый нѣмецкій земледѣлецъ выручалъ бы теперь деньгами на животныхъ продуктахъ въ $1^1/_2$ раза больше того, что онъ получалъ 15—20 лѣтъ тому назадъ.

Развитіе интенсивнаго хозяйства, компенсирующаго отрицательныя послѣдствія капитализаціи промышленности, ведущей къ разъединенію промысловъ и земледѣлія, въ Германіи основано, какъ мы видимъ, на базисѣ расширенія внутренняго спроса на продукты животноводства вслѣдствіе быстраго роста индустріи.

Данія служитъ образцомъ земледѣльческой страны, преобразовавшей свое хозяйство по типу интенсивнаго животноводства, благодаря сбыту продуктовъ послѣдняго на внѣшніе рынки. Но чтобы правильно оцѣнить этотъ рѣдкій случай высокаго развитія интенсивнаго хозяйства страны ради удовлетворенія запросовъ внѣшняго рынка, нужно принять во вниманіе слѣдующія естественныя условія Даніи. Площадь ея не превышаетъ размѣровъ одной русской губерніи, а населеніе недостигаетъ 2, 5 милліоновъ человѣкъ, а численность земледѣльческаго класса—одного милліона. Она изобилуетъ прекрасными естественными лугами и находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ такимъ огромнымъ рынкомъ спроса на земледѣльческія произведенія, какъ Великобританія. Данія посылаетъ въ эту страну около 5 милліоновъ пудовъ масла, ок. 4 милл. пуд. мяса, и $1^1/_2$ милл. пуд. яицъ. Всего же Данія получаетъ за экспортируемые продукты своего животноводства около 150 милліоновъ рублей, что составляетъ больше 150 р. на одно лицо земледѣль-

ческаго класса и около 600 р. на одного земледѣльца работника. Но вѣдь датскій крестьянинъ поставляетъ земледѣльческіе продукты еще на свой внутренній рынокъ и имѣетъ въ своемъ хозяйствѣ продукты натурой для прокормленія собственной семьи.

Чтобы оцѣнить, хотя-бы только приблизительно, денежный доходъ датскаго крестьянина отъ продажи его произведеній на внутреннемъ рынкѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что часть земледѣльческихъ товаровъ Данія получаетъ изъ-за границы. Она ввозитъ 10—12 милл. пуд. пищевыкъ хлѣбовъ и 1,5 милліона пудовъ масла и пропитываетъ ими около милліона душъ. Мясо же для этого населенія доставляется датскимъ хозяйствомъ. Такъ какъ все неземледѣльское населеніе Даніи равняется 1,5 милл. душъ, то кромѣ удовлетворенія мясомъ одного милліона жителей, датскіе крестьяне имѣютъ еще рынокъ для хлѣба и масла, выражаемый 500 тысячами потребителей—горожанъ. Можно приблизительно принять что датскій горожанинъ потребляетъ въ годъ хлѣба и масла на 40 р. и мяса — на 15 р. Если такъ, то 500 тыс. потребителей, покупающихъ всѣ земледѣльческіе продукты мѣстнаго происхожденія, уплотятъ за нихъ датскимъ крестьянамъ $27^1/_2$ милл. рубл.; а милліонъ лицъ, пріобрѣтающихъ мѣстное мясо, истратитъ на него 15 милл. р. Всего на внутреннемъ рынкѣ датскіе земледѣльцы выручатъ 42 милл. р. или около 170 р. на одного работающаго. Вмѣстѣ съ деньгами, вырученными во внѣшней торговлѣ, это составитъ 770 р. на земледѣльческую семью. Но вѣдь датскій крестьянинъ отчуждаетъ на сторону не только мясо, масло и пищевые хлѣба. Онъ продаетъ еще ячмень, овесъ, сыръ, молоко, фрукты, овощи, сало, кожи, шерсть и другіе продукты. И мы мало ошибемся, если примемъ, что денежная выручка датскаго земледѣльца колебается около 800 — 900 р. (на семью), изъ коихъ 600 р. или 66 — $75^0/_0$ получается отъ продажи его произведеній на внѣшнихъ рынкахъ.

Данія нашла въ другихъ государствахъ не только рынокъ для продуктовъ своего животноводства и не только поставщика для себя зерновыхъ пищевыхъ товаровъ, избавившаго ее отъ необходимости производить зерно для всего своего населенія и открывающаго ей возможность свободно перестраивать свое хозяйство соотвѣтственно требованіямъ интенсивнаго животноводства. Она получаетъ изъ-за границы еще до 35—40 милл. пудовъ кормовыхъ средствъ

(кукурузы, сѣмянныхъ выжимокъ и т. д.) и во ввозѣ названныхъ товаровъ находитъ дополнительное средство для развитія, на счетъ сосѣдей, своего животноводства. „Безъ этого ввоза сырыхъ матеріаловъ—говоритъ Э. Давидъ—была бы невозможна высокая степень культуры датскаго скотоводства“.

Примѣры Германіи и Даніи показываютъ, что преобразованіе въ передовыхъ государствахъ сельскаго хозяйства въ направленіи, парализующемъ гибельныя послѣдствія для земледѣльческаго населенія, происходящія отъ разъединенія промысловъ и земледѣлія, приносимаго капиталистической эволюціей хозяйственнаго быта страны, что это преобразованіе обусловливается слѣдующими причинами. Многочисленное и сравнительно зажиточное промышленное населеніе своей собственной или чужой страны предъявляетъ большой спросъ на животные пищевые припасы. Земледѣльцы получаютъ вслѣдствіе этого возможность обратить большее вниманіе на скотоводческія статьи хозяйства, требующія примѣненія труда человѣка въ теченіе круглаго года. Преобразованіе хозяйства въ указанномъ направленіи ускоряется затѣмъ развитіемъ ввоза извнѣ растительной пищи, освобождающимъ мѣстнаго хозяина отъ добычи соотвѣтствующей доли зерна для надобности внутренняго рынка, и развитіемъ ввоза шерсти, кожъ и другихъ продуктовъ экстенсивнаго скотоводства, позволяющаго упразднить и эти хозяйственныя статьи. Освобождаемая по той и другой причинѣ земля назначается для интенсивнаго животноводства. Черезъ нѣкоторое время извнѣ начинаютъ поступать и различныя кормовыя для скота средства; мѣстное скотоводство вслѣдствіе этого расширяется еще болѣе уже прямо за счетъ чужихъ полей. Говоря иначе, преобразованіе сельскаго хозяйства въ направленіи, отвѣчающемъ условіямъ, поставляемымъ капиталистической организаціей промышленности, совершается на счетъ не только собственной, но и чужой (иностранной) земли. Собственная земля при этомъ отводится преимущественно подъ статьи хозяйства, доставляющія занятіе земледѣльцу круглый годъ; чужая предназначается для культуръ, требующихъ приложенія труда человѣка только лѣтомъ или для также хозяйственныхъ статей (шерсть), которыя окупаютъ затраты лишь при экстенсивномъ хозяйствѣ, поглощающемъ очень мало человѣческаго труда.

То, что было разъяснено выше, прибавляетъ новую черту къ характеристикѣ той роли, какую международныя торговыя отноше-

нія играютъ въ процессѣ хозяйственнаго развитія человѣчества. Чужія государства служатъ передовымъ капиталистическимъ націямъ не только рынкомъ для сбыта ихъ фабрикатовъ—безъ котораго успѣхи промышленнаго развитія этихъ націй былибы ограничены—и поставщикомъ сырыхъ матеріаловъ для питанія ихъ высоко развитой промышленности. Они являются въ то же время источникомъ кормовыхъ средствъ для развитія животноводства, которымъ восполняются потери земледѣльческаго класса, порождаемыя разъединеніемъ промысловъ и земледѣлія; а вслѣдствіе этого расширяется внутренній рынокъ для сбыта продуктовъ индустріи. Чужія страны не только открываютъ передовымъ націямъ арену для широкаго размаха ихъ промышленнаго капитализма, но и доставляютъ средства для излѣченія ранъ, насенныхъ послѣднимъ земледѣльческому населенію страны. Таково значеніе разсматриваемаго явленія для одной изъ сторонъ, участвующихъ въ международной торговлѣ. Но какъ отражается эта экономическая взаимозависимость государствъ на другомъ контрагентѣ, на тѣхъ странахъ, которыя играютъ роль вспомогательнаго средства развитія чужого капитализма? Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ нижеслѣдующихъ соображеній.

Нація, снабжающая капиталистическую страну питательными и кормовыми веществами растительнаго происхожденія, можетъ играть эту роль поставщиковъ на внѣшній рынокъ продуктовъ сельскаго хозяйства потому что, владѣя огромными площадями неистощенныхъ земель и примѣняя къ воздѣлыванію полей новѣйшія механическія изобрѣтенія, она сама получаетъ зерно очень дешево, а сбывая его на внѣшнихъ рынкахъ по повышенной цѣнѣ выручаетъ очень высокую прибыль; въ этомъ случаѣ экспортъ зерновыхъ товаровъ является очень выгодной коммерческой операціей и служитъ къ обогащенію вывозящей страны. Въ такомъ положеніи находятся молодыя заатлантическія страны, поставляющія въ Европу различные сельскохозяйственныя товары. Но отчужденіе на сторону зерна и кормовъ, въ родѣ отрубей и выжимокъ, можетъ быть также результатомъ не техническаго прогресса, а застоя мѣстной производительности. Это наблюдается въ тѣхъ случахъ, когда капитализующаяся нація, уже истощившая естественныя производительныя средства своей земли, не находитъ достаточнаго числа потребителей для преобразованія зернового хозяйства въ животноводческое, между тѣмъ, какъ ея земледѣльческое населеніе, лишенное подсобныхъ

промысловыхъ доходовъ и вынужденное пріобрѣтать разнообразные предметы своего потребленія на рынкѣ, нуждается въ деньгахъ. Такой націи не остается ничего болѣе, какъ искать сбыта своихъ земледѣльческихъ произведеній на внѣшнихъ рынкахъ; а такъ какъ послѣдніе охотно принимаютъ только зерно, то на усиленное производство зерна, на усиленное истощеніе полей и обращается все ея вниманіе. Въ этомъ случаѣ экспортъ растительныхъ пищевыхъ и кормовыхъ веществъ не есть уже выгодная національная коммерческая операція; это — единственный и печальный исходъ изъ затруднительнаго положенія, созданнаго капиталистическимъ преобразованіемъ индустріи, и служитъ признакомъ обѣднѣнія страны и ея земледѣльческаго населенія.

Соотвѣтственно различію причинъ и значенія вывоза за границу зерновыхъ товаровъ странами первой и второй категоріи, различной представляется и дальнѣйшая судьба въ нихъ этого экспорта. Съ истощеніемъ дѣвственныхъ земель націи нервой категоріи бросаютъ добычу зерна для экспорта и переходятъ къ усиленному производству животныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ для внутренняго потребленія, потому что эти націи характеризуются также быстрымъ развитіемъ индустріи и быстрымъ возрастаніемъ промышленнаго населенія. Страны же второй категоріи обречены на долгое время сохранять невыгодную для нихъ поставку на внѣшніе рынки зерна, истощать поля и ухудшать условія своей сельскохозяйственной производительности ради благополучія своихъ конкуррентовъ. Выходомъ изъ даннаго положенія—при сохраненіи существующаго хозяйственнаго строя—могло бы для нихъ служить завоеваніе крупнаго внѣшняго рынка для ихъ фабрикатовъ и основанное на этомъ развитіе индустріи до размѣровъ, способныхъ поглотить большую часть рабочей силы страны. Въ этомъ случаѣ сельское хозяйство получило бы крупный внутренній рынокъ для сбыта животныхъ продуктовъ и не зависѣло бы въ своей организаціи отъ того, какіе его продукты получаютъ легкій доступъ въ чужія государства.

Но какова будетъ судьба націи, недостигшей широкаго промышленнаго развитія и не нашедшей, какъ Данія, внѣшнихъ рынковъ для сбыта продуктовъ интенсивнаго животноводства? Одна изъ такихъ націй—Ирландія, и мы должны сказать о ней нѣсколько словъ.

Не станемъ возстановлять въ памяти читателя печальную исторію

этой несчастной страны, и напомнимъ лишь, что въ 17 и 18 вѣкахъ, въ интересахъ своего капитализма, Англія путемъ насильственныхъ мѣръ препятствовала развитію ирландской индустріи и отказалась отъ такой политики лишь послѣ того, какъ собственная ея промышленность достигла такой высоты, что конкуренція сосѣдки была для нее безопасна. Наводняемая дешевыми продуктами высокоразвитой англійской промышленности, Ирландія уже не имѣла возможности поднять на надлежащую высоту свою индустрію.

Ирландія, представляетъ намъ, такимъ образомъ, образецъ страны, привязанной къ земледѣлію сначала мѣрами политическаго насилія, а затѣмъ условіями конкуренціонной національной борьбы. На ея примѣрѣ мы можемъ изучать возможную экономическую судьбу земледѣльческой націи, помѣщенной въ центрѣ капиталистическаго міра и по тѣмъ или другимъ причинамъ лишенной возможности пріобрѣсти крупный внѣшній рынокъ для сбыта своихъ земледѣльческихъ произведеній.

При полномъ почти отсутствіи въ странѣ заводовъ, фабрикъ и мануфактуръ, ирландскому народу оставался одинъ источникъ добыванія средствъ существованія: занятіе сельскимъ хозяйствомъ. Но сельское хозяйство могло-бы служить средствомъ обезпеченія земледѣльца при условіи сохраненія домашней переработки имъ сырыхъ матеріаловъ въ предметы потребленія; или если бы возможно было развитіе животноводства, дающее занятіе земледѣльцу въ теченіе круглаго года. Въ Ирландіи не случилось ни того, ни другого. Подсобные къ земледѣлію домашніе промыслы были уничтожены англійскими мануфактуроми, а развитіе животноводства оказалась невозможнымъ по причинѣ отсутствія внутреннихъ и внѣшнихъ рынковъ для сбыта его продуктовъ. Внутри Ирландіи эти продукты не находили достаточнаго сбыта по отсутствію промышленнаго населенія; а промышленное населеніе другихъ странъ удовлетворялось тѣми продуктами, какіе поставлялись мѣстными земледѣльцами. Ирландскій мелкій хозяинъ ограничивался поэтому добываніемъ растительныхъ земледѣльческихъ продуктовъ; а такъ какъ весь приростъ населенія садился на землю, и рабочій участокъ сокращался болѣе и болѣе, то необходимымъ послѣдствіемъ сказаннаго было растущее сокращеніе времени производительнаго занятія населенія, ведущее къ большему и большему его обѣдненію. Въ сѣверной части Ирландіи, гдѣ была сосредоточена льняная промышленность, описанные

результаты земледѣльческаго перенаселенія ослаблялись возможностью пополненія заработка пряденьемъ на ручномъ веретенѣ. Населеніе же большей части Ирландіи подвергалось всецѣло естественнымъ послѣдствіямъ сокращенія времени производительнаго примѣненія его труда; лишалось всякой возможности не только возвышать производительность земли, но и удерживать ее на опредѣленномъ уровнѣ и фатально слѣдовало по пути къ какой либо катастрофѣ. Послѣдняя и явилась ввидѣ голода 1846 — 7 годовъ, вызваннаго полнымъ неурожаемъ картофеля (составлявшаго главную, если не единственную, пищу ирландца) и унесшаго въ могилу въ одинъ годъ $^1/_{14}$ часть населенія.

Тогда ирландскій народъ рѣшился на отчаянную мѣру; онъ сталъ оставлять родину и переселяться въ Америку. Наканунѣ голода, въ 1845 г. населеніе Ирландіи составляло болѣе 8 милліоновъ душъ; черезъ 6 лѣтъ оно считалось уже въ $6^1/_2$ мил., еще черезъ десять лѣтъ уменьшилось до 5,8 милліоновъ, еще черезъ десять лѣтъ до 5,5 милліоновъ. Въ каждомъ послѣдующемъ десятилѣтіи оно продолжало уменьшаться и въ настоящее время въ этой странѣ проживаетъ менѣе $4^1/_2$ милліоновъ человѣкъ. Въ теченіе 55 лѣтъ Ирландія потеряла, слѣдовательно, почти половину своего населенія.

Какъ же отразилось описанное рѣшительное средство на положеніи ирландскаго народа и его хозяйства, и какія заключенія относительно вѣроятной судьбы земледѣльческой страны можемъ мы сдѣлать на основаніи исторіи Ирландіи?

Положеніе земледѣльческаго населенія Ирландіи вслѣдствіе эмиграціи конечно улучшилось: вѣдь теперь на одного земледѣльца приходится въ среднемъ вдвое больше земли, чѣмъ въ прежнее время. Огромное развитіе промышленности въ Англіи и сокращеніе ея земледѣлія открыли крупный рынокъ для ирландскихъ земледѣльческихъ произведеній, преимущественно для продуктовъ скотоводства, и въ Ирландіи началось то преобразованіе сельскаго хозяйства, которое одно способно обезпечить благополучіе земледѣльческаго населенія: развитіе животноводства. Но англійскій рынокъ для продуктовъ животноводства не находился въ единственномъ распоряженіи Ирландіи. Поставку въ Англію мяса естественно взяли на себя заатлантическія, рѣдко населенныя государства, богатыя пастбищами и огромными стадами скота. Что же касается масла и сыра,

по отношенію къ которымъ Англія представляется единственнымъ крупнымъ свободнымъ рынковъ, то Ирландіи встрѣтила здѣсь конкурентовъ, тоже стремившихся къ преобразованію своего хозяйства на началахъ преимущественнаго развитія скотоводства. Для сыра наиболѣе опаснымъ соперникомъ Ирландіи явилась Канада, а для масла—Данія. Вслѣдствіе описанныхъ обстоятельствъ развитіе ирландскаго животноводства не могло происходить тѣмъ путемъ, какой мы наблюдаемъ въ Германіи или Даніи: путемъ значительной интенсификаціи хозяйства. Въ Ирландіи скотоводство развивалось путемъ расширенія пастбищъ и сокращенія посѣвовъ. Съ семидесятыхъ напр. годовъ по 1903 г. посѣвъ хлѣбныхъ растеній сократился съ 2025 до 1333 тыс., а посѣвъ корнеплодовъ, травъ и овощей— съ 957 до 632 тыс. акровъ. Приспособленіе ирландскаго хозяйства къ условіямъ капиталистическаго строя происходило поэтому путемъ развитія экстенсивнаго, а не интенсивнаго скотоводства; а эта система не допускаетъ значительнаго скученія земледѣльческаго населенія, и послѣднее продолжаетъ убывать, несмотря на то, что положеніе ирландскаго земледѣльца, вслѣдствіе вмѣшательства правительства въ отношенія между землевладѣльцами и фермерами, поведшаго къ значительному пониженію ренты и къ постепенному обращенію арендаторовъ въ собственниковъ обратываемыхъ ими участковъ — улучшается съ каждымъ годомъ. Аграрныя реформы не устранили общихъ условій, препятствующихъ развитію интенсивнаго хозяйства; въ Ирландіи не прекратился еще процессъ экстенсификаціи послѣдняго, и часть ея населенія теперь, какъ и ранѣе, вынуждена покидать родину.

III. Условія хозяйственнаго развитія Россіи.

Изъ того, что было говорено въ первой главѣ, видно, что въ своемъ развитіи Россія слѣдовала по пути преобразованія натуральнаго быта въ мѣновой и самостоянельнаго народнаго производства въ капиталистическое.

Всѣ цивилизованные народы проходили этотъ путь экономическаго развитія, но не всѣ достигли на немъ одинаковыхъ результатовъ. Главнѣйшія цивилизованныя государства различаются преимущественно въ отношеніи того, какъ распредѣляются ихъ произ-

водительныя силы между земледѣліемъ и фабрично-заводской промышленностью, какой высоты техническаго развитія достигла та и другая промышленность, какъ велико богатство націи въ ея цѣломъ, и на какой ступени благосостоянія находятся ея трудящіеся классы. Результаты производительной дѣятельности человѣка зависятъ отъ естественныхъ, общественныхъ и историческихъ условій. О послѣднемъ мы уже говорили; а теперь считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о естественныхъ условіяхъ хозяйственнаго развитія Россіи.

Европейская Россія представляетъ огромную (въ половину почти Европы) равнину, разрѣзаемую грядами невысокихъ плоскихъ возвышенностей. Юго-восточная, меньшая часть этой равнины имѣетъ степной характеръ и покрыта черноземомъ, который, не будучи вспаханнымъ, даетъ прекрасные урожаи хлѣбовъ. Сѣверо-западная, бо́льшая половина Европейской Россіи частью имѣетъ теперь и особенно имѣла въ прежнее время лѣсистый характеръ и покрыта почвами, легко выпахивающимися и требующими поэтому удобренія. Съ Западной Европой въ почвенномъ отношеніи сходна лишь сѣверная половина Россіи. Полоса же чернозема на Западѣ начинается лишь въ Австро-Венгріи и Румыніи и, покрывая южную Россію, переходитъ въ Западную Сибирь. По составу своихъ почвъ Европейская Россія (собственно южная ея часть) представляетъ поэтому болѣе выгодныя условія для сельскохозяйственной дѣятельности, нежели Западная Европа. Но это преимущество Россіи передъ Европой, равно какъ и южной части Россіи поредъ сѣверной ея половиною, сохраняется до тѣхъ поръ, пока черноземныя почвы не вспаханы. Но если имѣть въ виду современное состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи, когда свободныя производительныя силы чернозема истощились, и наступилъ моментъ примѣненія искусственныхъ средствъ для ихъ возстановленія — то положеніе хозяина черноземнаго района оказывается гораздо менѣе благопріятнымъ, нежели положеніе земледѣльцевъ въ нечерноземныхъ полосахъ Россіи.

Дѣло въ томъ, что, благодаря своей отсталости или, если угодно, своей молодости, Россія избавлена отъ тяжелаго труда вырабатывать болѣе совершенныя формы удовлетворенія разнообразныхъ своихъ потребностей и можетъ заимствовать эти формы у своихъ старшихъ сосѣдей. Этимъ только и обезпечивается возможность участія отставшей страны, въ качествѣ равноправнаго члена, въ куль-

турной жизни Запада. Если бы ей приходилось повторять медленный процессъ развитія, пройденный въ свое время Западной Европой, то ей нужно было бы уединиться отъ цивилизованнаго міра или вѣчно находиться въ порабощеніи у болѣе культурныхъ народовъ.

Россія пользуется опытомъ передовыхъ странъ въ области политики, въ сферѣ образованія, медицины, обрабатывающей промышленности, транспорта. Нечерноземная часть Россіи можетъ пользоваться выработанными Европой средствами увеличенія производительности своего труда и въ области сельскаго хозяйства. Благодаря сходству ея почвы съ почвами Западной Европы, она можетъ съ небольшими измѣненіями примѣнять въ области земледѣлія огромный запасъ наблюденій, заключеній и даже рецептовъ, собранныхъ и выработанныхъ западно-европейской агрономической практикой. Хозяева черноземной полосы не находятся въ такомъ положеніи. Они должны сами производить всѣ тѣ опыты и наблюденія, терпѣть неудачи и убытки, путемъ коихъ западно-европейское земледѣліе достигло высокаго современнаго состоянія. Рѣшеніе задачи выработки доходныхъ интенсивныхъ системъ хозяйства для восточной части черноземнаго района усложняется еще неблагопріятными климатическими условіями.

Благодаря открытому пространству между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, юго-восточная часть Европейской Россіи сдѣлалась доступной сухимъ и суровымъ азіатскимъ вѣтрамъ, иссушающимъ ея почву и отражающимся крайне вредно на ея растительности. Въ климатическомъ отношеніи, впрочемъ, почти вся Россія находится въ неблагопріятномъ положеніи. Удаленная отъ Атлантическаго океана и его теплаго морского теченія, умягчающаго климатъ Западной Европы, Россія, въ отличіе отъ послѣдней, имѣетъ континентальный климатъ, характеризующійся рѣзкой разницей зимней и лѣтней температуръ. Значительная часть нашей страны лежитъ къ тому же сѣвернѣе главнаго материка Западной Европы. Зимняя температура почти всей Россіи понижается, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, настолько, что въ продолженіе большой или меньшей части года земля покрывается снѣгомъ, что можно наблюдать только въ самыхъ сѣверныхъ областяхъ Западной Европы. Оттого наше лѣто значительно короче, а зима—длиннѣе, чѣмъ на Западѣ, и русскій земледѣлецъ имѣетъ гораздо болѣе короткій пе-

ріодъ сельско-хозяйственныхъ работъ, чѣмъ западно-европейскій. Время, когда земля свободна отъ снѣга и становится доступной обработкѣ, колеблется въ разныхъ полосахъ Россіи между 6 и 9 мѣсяцами. Послѣднее число относится лишь къ южному району Россіи, между тѣмъ такая же продолжительность періода сельско-хозяйственныхъ работъ наблюдается въ сѣверномъ западно-европейскомъ государствѣ, Даніи. Въ мѣстностяхъ Европейской Россіи лежащихъ на одной параллели съ этой страной — земля доступна обработкѣ лишь въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ. Россія теряетъ, слѣдовательно, 2—3 мѣсяца сельскохозяйственныхъ работъ лишь вслѣдствіе того обстоятельства, что лежитъ на востокѣ, а не на западѣ Европы.

Болѣе короткій періодъ сельскохозяйственныхъ работъ въ Россіи сравнительно съ Западной Европой не можетъ, конечно, не отражаться на доходахъ отъ земледѣльческаго промысла. Русскій хозяинъ имѣетъ меньше времени для подготовки къ посѣву почвы и не можетъ на одинаковой площади достигнуть такихъ успѣховъ въ смыслѣ увеличенія производительности земли, какіе наблюдаются въ передовыхъ государствахъ Европы. Продолжительность холоднаго періода препятствуетъ культурѣ многихъ растеній; русскій земледѣлецъ не можетъ поэтому вводить такого разнообразія послѣднихъ, какое характеризуетъ наиболѣе интенсивные и наиболѣе доходные плодосмѣнные сѣвообороты въ Западной Европѣ. Въ этомъ отношеніи къ послѣдней нѣсколько приближаются лишь нѣкоторыя наши западныя губерніи. Раннее наступленіе зимы препятствуетъ въ бо́льшей части Россіи производить озимые посѣвы послѣ снятія всѣхъ яровыхъ хлѣбовъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства посѣву озимей должно предшествовать паровое состояніе поля, т.-е. освобожденіе его отъ посѣва на цѣлый годъ. Недостатокъ влаги въ большей части черноземной полосы служитъ крупнымъ препятствіемъ культурѣ различныхъ растеній, кромѣ зерна, довольствующагося небольшимъ количествомъ влаги. Этотъ естественный недостатокъ препятствуетъ и богатому произрастанію травяной растительности и, слѣдовательно, широкому развитію скотоводства, которое можетъ здѣсь процвѣтать лишь въ очень интенсивной формѣ; для развитія же послѣдней требуется близость крупныхъ рынковъ для сбыта продуктовъ скотоводства, чего въ данномъ случаѣ не наблюдается.

Сравнительная краткость періода сельскохозяйственныхъ работъ

и указанный недостатокъ влаги ставятъ, такимъ образомъ, узкіе предѣлы поднятію производительности нашей земли сравнительно съ ея производительностью въ Западной Европѣ. Русскій земледѣлецъ долженъ больше терять земли подъ паромъ; онъ не можетъ одинаково тщательно обработать такую площадь, какую въ состояніи воздѣлать его западно-европейскій собратъ; долженъ отказаться отъ культуры многихъ выгодныхъ растеній; не можетъ отъ каждой десятины (въ среднемъ) получить столько продуктовъ, сколько получаетъ ихъ земледѣлецъ Западной Европы.

Указанное различіе естественныхъ условій земледѣльческихъ доходовъ на Западѣ и въ Россіи имѣло бы менѣе невыгодныхъ для насъ послѣдствій, если бы земледѣліе не было оторвано отъ промышленности, и сельскій хозяинъ лѣтомъ прилагалъ бы свой трудъ къ землѣ, а зиму работалъ на фабрикѣ, въ мастерской или на заводѣ: добывая меньше въ короткое лѣто, русскій земледѣлецъ вырабатывалъ бы больше въ теченіе длинной зимы. Но вѣдь тотъ строй промышленности, который получаетъ бо́льшее и бо́льшее распространеніе въ цивилизованныхъ государствахъ, стремится разъединить промыселъ и земледѣліе и оставить крестьянину одно лишь занятіе: сельское хозяйство. И мы видимъ, что осуществленіе такого стремленія не одинаково отразится на экономическомъ положеніи русскаго и западно-европейскаго земледѣльца. Русскій мелкій хозяинъ, лишаясь подсобныхъ заработковъ и спеціализируясь на земледѣліи, не можетъ поднять его на такую высоту и получать отъ него такіе доходы, какіе доступны его западно-европейскому собрату. Онъ не можетъ, значитъ, достигнуть и одинаковаго съ ними благосостоянія и стать одинаково надежной основой финансоваго благополучія страны.

Если описанныя различія географическаго положенія Россіи и Западной Европы обусловливали менѣе выгодные результаты дѣятельности нашего земледѣльца, то другія послѣдствія этого положенія ограничиваютъ наши средства въ сферѣ развитія индустріи.

Главнѣйшія государства Западной Европы прилегаютъ къ океанамъ и открытымъ морямъ; это дало имъ возможность рано завязать политическія и торговыя сношенія со всѣмъ міромъ. Россія же первоначально имѣла лишь сухопутныя границы, а когда достигла, наконецъ, океана (Ледовитаго), то онъ оказался бо́льшую часть года покрытымъ льдами. Насколько важное значеніе для куль-

турнаго развитія имѣетъ свободный доступъ къ открытымъ морямъ, видно изъ того, что товарный обмѣнъ и торговыя сношенія первоначально устанавливаются между странами, соединенными водными путями сообщеній. Это объясняется тѣмъ, что грунтовыя дороги на первоначальныхъ ступеняхъ культуры совершенно неудобны для перевозки большихъ массъ товаровъ, и расходы перевозки поглощаютъ выгоды, происходящія отъ обмѣна. Водяные пути сообщенія являются поэтому единственнымъ средствомъ сношеній между болѣе или менѣе отдаленными странами и мѣстностями. Именно сношеніями съ иностранцами и начинается болѣе или менѣе широкое развитіе торговли тѣхъ странъ, которыя примыкаютъ къ открытымъ морямъ. Внутренняя же торговля развивается позднѣе, когда населеніе уже вырабатываетъ средства преодолѣвать сопротивленіе, представляемое неустроенными грунтовыми дорогами.

Въ торговыхъ сношеніяхъ съ иностранцами, которыя начинаютъ, конечно, болѣе предпріимчивыя и культурныя націи, послѣднія находятъ обильные источники и матеріальнаго, и умственнаго обогащенія, и быстро двигаются по пути культурнаго и промышленнаго развитія. Благодаря этимъ сношеніямъ, между всѣми націями міра понемногу устанавливаются близкія, преимущественно, торговыя связи, и эти націи въ промышленномъ отношеніи начинаютъ составлять какъ бы одно цѣлое, отдѣльныя части котораго, однако, извлекаютъ очень различныя выгоды отъ такого неписаннаго союза. Наиболѣе выигрываютъ при этомъ передовыя, самыя культурныя государства. Имъ по преимуществу принадлежатъ тѣ суда, на которыхъ совершается перевозка товаровъ, и отъ нихъ зависитъ перевозить взадъ и впередъ тѣ или другіе товары. Они искуснѣе другихъ въ мастерствахъ и ремеслахъ, доставляютъ въ отсталыя заморскія страны невиданные тамъ полезные или красивые продукты своей промышленности и благодаря своей ловкости успѣваютъ за сравнительно малоцѣнныя вещи получать въ обмѣнъ дорогія мѣха, слоновую кость и другія цѣнныя произведенія мѣстной природы. Эти и подобные имъ сырые матеріалы, которые подчасъ добываются даже прямымъ грабежомъ со стороны пришлыхъ иноземцевъ, передовыя націи перерабатываютъ на своихъ фабрикахъ и заводахъ и развиваютъ у себя, такимъ образомъ, по преимуществу фабрично-заводскую промышленность. Въ этотъ міровой товарообмѣнъ въ свое время вовлекаются и молодыя страны, выходящія изъ своего

культурнаго уединенія; но вовлекаются онѣ туда по иниціативѣ старыхъ націй, которыя и извлекаютъ отъ этого наибольшія выгоды. Молодыя націи обыкновенно играютъ при этомъ роль поставщиковъ на международный рынокъ непосредственныхъ продуктовъ своихъ естественныхъ богатствъ, а старыя націи находятъ у нихъ новые рынки для своихъ фабрикатовъ, новое средство для развитія своей индустріи.

Россія въ теченіе своей исторической жизни тоже была вовлечена въ міровой товарообмѣнъ, и хотя наибольшія отъ того выгоды доставались иностранцамъ, но этотъ фактъ благопріятно отражался и на состояніи русскихъ земель. Торговля эта была заведена, конечно, не русскими. Славяне, поселившіеся въ бассейнахъ Двины, Днѣпра и Оки, встрѣтили здѣсь уже сложившіеся пути торговли норманновъ съ Византіей (по р. Днѣпру) и болгаръ съ арабами (по р. Волгѣ) и приняли сами участіе въ этой торговлѣ. Русскіе продавали иностранцамъ, главнымъ образомъ, мѣха, медъ, воскъ и т. п., а получали нѣкоторыя издѣлія, преимущественно для потребленія зажиточныхъ классовъ общества. Впослѣдствіи эти пути международной торговли были уничтожены, и русскіе производили торговлю съ иностранцами черезъ Архангельскъ. Въ это время мы отправляли за границу, главнымъ образомъ, различные сырые продукты сельскаго хозяйства, а ввозили, главнымъ образомъ, издѣлія. Еще позже мы получили въ свое владѣніе берега Балтійскаго и Чернаго морей, и наша внѣшняя торговля расширилась; но мировыми рынками тогда уже владѣли другія націи, и характеръ внѣшней торговли опредѣлялся не нашими интересами.

Огромные успѣхи техники за послѣднее столѣтіе совершили настоящій переворотъ въ перевозочномъ дѣлѣ. Благодаря примѣненію пара къ водяному и сухопутному транспорту, теперь явилась возможность передвигать на огромныя протяженія большія массы товаровъ, совершать это очень быстро и очень дешево. Вслѣдствіе этихъ причинъ крайне облегчились торговыя сношенія между различными государствами, и вывозъ мѣстныхъ произведеній на внѣшніе рынки или ввозъ во внутрь страны иностранныхъ товаровъ сталъ играть столь же существенную роль въ жизни наиболѣе развитыхъ государствъ, какъ и внутренняя ихъ торговля. Международныя торговыя сношенія сдѣлались настолько постояннымъ факторомъ жизни этихъ государствъ, что послѣднія не побоялись поставить дѣло про-

питанія своего населенія въ полную зависимость отъ ввоза жизненныхъ припасовъ изъ-за границы. Такъ, Великобританія только $^1/_3$ часть своей потребности въ жизненныхъ припасахъ удовлетворяетъ мѣстными продуктами, а $^2/_3$ послѣднихъ получаетъ изъ различныхъ государствъ Европы, Азіи, Америки и Австраліи. И эта же самая Великобританія выдается среди европейскихъ государствъ высокимъ состояніемъ промышленности, своимъ богатствомъ и благосостояніемъ ея рабочихъ классовъ.

Такими благопріятными результатами промышленнаго развитія Англія въ значительной степени обязана своей крупной внѣшней торговлѣ вообще и ввозу изъ-за границы жизненныхъ припасовъ въ частности. Получая хлѣбъ изъ-за границы, Англія пріобрѣла возможность направить всѣ свои производительныя средства на добываніе изъ нѣдръ земли рудъ и каменнаго угля, на переработку туземныхъ и привозныхъ сырыхъ матеріаловъ въ различныя издѣлія, и продуктами всѣхъ этихъ производствъ она расплачивается за иностранные жизненные припасы и сырые матеріалы. Англія обратилась какъ бы въ громадную фабрику, работающую на весь міръ. Она получаетъ изъ-за границы хлопокъ, шерсть и другіе сырые матеріалы, перерабатываетъ ихъ въ ткани и вывозитъ ихъ за границу вмѣстѣ съ машинами, металлическими вещами и другими издѣліями изъ мѣстнаго сырья, вмѣстѣ съ громадными количествами каменными угля, добываемаго изъ ея богатыхъ копей. Это самоустраненіе Англіи отъ земледѣльческаго производства и сосредоточеніе почти всѣхъ ея производительныхъ силъ на фабрично-заводскомъ и горномъ дѣлѣ было очень важнымъ условіемъ ея обогащенія—и вотъ по какой причинѣ.

Въ фабрично-заводскомъ и горномъ дѣлѣ, въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ въ земледѣліи, на помощь человѣку приходятъ механическія силы природы — паръ и электричество, и въ значительно бо́льшемъ количествѣ примѣняются машины. Здѣсь же наблюдается и болѣе быстрый прогрессъ механическихъ и химическихъ изобрѣтеній, совершенствующихъ способы производства и увеличивающихъ производительность труда. Въ земледѣліи же производительность труда имѣетъ даже стремленіе понижаться, потому что съ истощеніемъ почвы приходится производить дополнительныя затраты на возстановленіе ея производительныхъ силъ. Въ обрабатывающей промышленности почти нѣтъ, кромѣ того, перерывовъ въ работѣ че-

ловѣка, какіе свойственны сельскому хозяйству, и обусловливаются смѣнами временъ года. Человѣческій трудъ имѣетъ тамъ примѣненіе въ теченіе круглаго года, между тѣмъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ значительная часть рабочихъ остается на зиму праздной. Въ силу этихъ обстоятельствъ, развитая фабрично-заводская промышленность даетъ больше выгодъ, чѣмъ земледѣліе; продукты фабрично-заводской промышленности достаются все съ меньшей и меньшей затратой человѣческаго труда, и это выражается въ томъ, что они постоянно дешевѣютъ, чего далеко нельзя сказать о продуктахъ земледѣльческаго труда, такъ какъ животные продукты имѣютъ тенденцію скорѣе повышаться, чѣмъ понижаться въ цѣнѣ. Цивилизованные народы обращаютъ поэтому наиболѣе вниманія на развитіе фабрично-заводской промышленности и для этого стараются найти сбытъ своимъ издѣліямъ за границей.

Этого можно достигнуть, лишь удешевляя издѣлія, т.-е. примѣняя въ производствѣ болѣе крупные двигатели, болѣе совершенныя машины и т. п. Такія преобразованія требуютъ высокаго развитія науки, широкаго распространенія образованія и сосредоточенія крупныхъ капиталовъ. Изъ сказаннаго видно, что одержать побѣду на внѣшнихъ рынкахъ сбыта продуктовъ фабрично-заводской промышленности скорѣе всего удается передовымъ, богатымъ націямъ, которыя и достигаютъ успѣха въ стремленіи развить у себя крупную индустрію, работающую какъ для внутренняго рынка, такъ и для вывоза за границу. Но широкій сбытъ за границу продуктовъ обрабатывающей промышленности предполагаетъ развитіе ввоза въ данную страну жизненныхъ припасовъ и сырыхъ матеріаловъ, добываемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Необходимость ввоза этихъ матеріаловъ въ страну, экспортирующую фабрикаты, обусловливается уже тѣмъ, что такая страна отвлекаетъ много силъ на фабрики и заводы и не имѣетъ достаточнаго числа рабочихъ для занятія земледѣліемъ въ такомъ объемѣ, чтобы вырабатывать жизненные припасы для своихъ жителей и сырье для своихъ фабрикъ и заводовъ. Земледѣльческій промыселъ къ тому же оказывается менѣе выгоднымъ, чѣмъ промышленная дѣятельность, и не привлекаетъ къ себѣ достаточнаго числа предпринимателей. Но и жизненные припасы, и сырые матеріалы обезпечены промышленнымъ націямъ, потому что страны, получающія ихъ фабрикаты, не имѣютъ ничего другого для ихъ оплаты, кромѣ продуктовъ сельско-хозяй-

ственной дѣятельности, заключающихся въ шерсти, хлопкѣ, льнѣ, хлѣбѣ, мясѣ и т. п. Этимъ націямъ приходится поэтому производить названные товары не только для своихъ нуждъ, но и для обмѣна на издѣлія иностранныхъ фабрикъ и заводовъ. Ихъ земледѣльческая промышленность распространяется больше, чѣмъ это нужно имъ самимъ,—распространяется ради поддержанія иностранной фабрично-заводской промышленности. А дѣятельность ихъ собственныхъ фабрикъ и заводовъ не достигаетъ надлежащаго развитія, потому что часть соотвѣтствующихъ издѣлій онѣ получаютъ изъ-за границы. Но производительность труда въ обрабатывающей промышленности значительно выше производительности труда въ сельскомъ хозяйствѣ, и промышленныя націи уже по этой причинѣ богаче націй земледѣльческихъ. Но ихъ богатства увеличиваются еще потому, что широкое развитіе промышленности служитъ, какъ мы видѣли, основаніемъ для введенія и наиболѣе доходныхъ системъ сельскаго хозяйства.

Изъ сказаннаго видно, что развитіе международныхъ торговыхъ сношеній является важнымъ факторомъ эволюціи народнаго хозяйства. Въ однѣхъ странахъ эти сношенія облегчаютъ процессъ промышленнаго развитія; въ другихъ — они способствуютъ распространенію земледѣльческаго производства. Но тамъ и здѣсь они оказываютъ могущественное вліяніе на распространеніе денежнаго хозяйства.

Если земледѣлецъ можетъ продавать производимый имъ хлѣбъ только внутреннимъ потребителямъ, то денежныя средства, которыя онъ можетъ затратить на пріобрѣтеніе предметовъ своего потребленія, ограничиваются тѣми суммами, которыя онъ получаетъ отъ немногочисленныхъ (въ натуральномъ быту) городскихъ жителей, не занимающихся сельскимъ хозяйствомъ. Въ виду этого земледѣльцу волей-неволей приходится самому приготовлять различные предметы потребленія своей семьи. Но если ему открывается возможность вывозить хлѣбъ за границу, и онъ воспользовался ею, то это значитъ, что онъ расширяетъ посѣвы хлѣбовъ насчетъ, напр., льна и конопли, меньше получаетъ въ хозяйствѣ волокнистыхъ матеріаловъ для переработки въ ткани, которыя носились бы членами его семьи; но зато онъ получилъ деньги за вывезенный за границу хлѣбъ и можетъ употребить ихъ на покупку нужныхъ ему предметовъ. Тотъ же самый результатъ получится, если

откроется выгодный сбытъ на внѣшнемъ рынкѣ для крестьянскаго льна, конопли, кожъ, шерсти и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ рукахъ крестьянина останется меньше сырыхъ матеріаловъ, которые раньше перерабатывались имъ въ продукты своего потребленія, но онъ пріобрѣтаетъ зато деньги и на нихъ покупаетъ нужные ему предметы.

Развитіе денежнаго хозяйства среди земледѣльцевъ, отправляющихъ свои произведенія за границу, содѣйствуетъ его распространенію и среди кустарей. Увеличенный спросъ первыхъ на предметы, приготовляемые послѣдними, побуждаетъ многихъ изъ нихъ спеціализироваться на отдѣльныхъ предметахъ и посвятить промыслу и тѣ силы, которыя раньше отдавались сельскому хозяйству и обработкѣ нѣкоторыхъ продуктовъ послѣдняго для потребленія собственной семьи. Деньги, вырученныя отъ продажи своихъ издѣлій, эти кустари обращаютъ на покупку жизненныхъ припасовъ и другихъ предметовъ своего потребленія, а новый ихъ спросъ на продукты сельскаго хозяйства вызываетъ расширеніе земледѣльческаго промысла для продажи его продуктовъ на рынкѣ, т.-е. распространеніе денежнаго хозяйства среди земледѣльцевъ. Такъ идутъ, поддерживая другъ друга, процессы разрушенія натуральнаго хозяйства среди земледѣльцевъ и кустарей, въ сельско-хозяйственной и въ обрабатывающей промышленности, поощряемые вывозомъ мѣстныхъ произведеній на иностранные рынки.

IV. Общій характеръ хозяйственной дѣятельности въ Россіи.

Послѣ того, что было говорено выше о различіи условій хозяйственнаго развитія Россіи и главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ, слѣдуетъ ожидать, что немаловажныя между ними различія окажутся и въ характерѣ хозяйственной дѣятельности населенія. Согласно тому, что излагалось въ предыдущей главѣ, общее представленіе объ этой дѣятельности можно составить, ознакомившись съ содержаніемъ внѣшней торговли нашей страны. Къ этому предмету мы и переходимъ.

Для составленія общаго понятія о нашей внѣшней торговлѣ, мы воспользуемся данными послѣдняго полнаго передъ войной от-

чета департамента таможенныхъ сборовъ. Въ 1903 г. изъ Россіи вывезено товаровъ на одинъ милліардъ рублей, а ввезено въ Россію на 682 милліона рублей: весь нашъ международный торговый оборотъ составляетъ поэтому 1.682 милліона рублей. Принимая во вниманіе, что населеніе Россійской Имперіи приближается въ послѣдніе годы къ 150 милліонамъ душъ, нужно сказать, что торговые обороты Россіи съ иностранцами составляютъ въ среднемъ 11 рублей на одного жителя въ годъ. Для сравненія Россіи съ главнѣйшими европейскими государствами возьмемъ данныя за время съ 1896 по 1900 годъ. Въ средній годъ этого пятилѣтія торговые обороты составляли:

Въ Россіи	1 300	милл	руб	На	одного	жителя	10	руб.
„ Германіи	4 500	„	„	„	„	„	70	„
„ Франціи	3 200	„	„	„	„	„	80	„
„ Великобританіи около	6.000	„	„	„	„	„	150	„

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что по суммѣ рублей обороты внѣшней торговли главнѣйшихъ европейскихъ государствъ въ 3—5 разъ превышаютъ обороты иностранной торговли Россіи; а если разложить эти суммы на населеніе, то окажется, что нѣмецъ продаетъ за границу и получаетъ изъ-за границы въ 7 разъ болѣе товаровъ, чѣмъ русскій, французъ — въ 8 разъ болѣе, а англичанинъ—въ 15 разъ болѣе. Россія и Великобританія занимаютъ, какъ видимъ, крайнія мѣста въ международной торговлѣ великихъ европейскихъ державъ: при этомъ Великобританія идетъ во главѣ, а Россія тащится въ хвостѣ международнаго товарнаго оборота.

Уже эти цифры даютъ нѣкоторое основаніе полагать, что Россія значительно отстала отъ другихъ европейскихъ государствъ въ развитіи своей производительности. Находясь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ главнѣйшими потребительными рынками міра (три вышеназванныя страны больше ввозятъ товаровъ, чѣмъ вывозятъ), наша страна—обширная, многолюдная и богатая плодородными почвами, лѣсами и залежами ископаемыхъ—не можетъ ни предложить иностранцамъ сколько-нибудь значительнаго количества интересныхъ для нихъ товаровъ, ни пріобрѣсть значительнаго количества ихъ произведеній! Болѣе подробное разсмотрѣніе отчетовъ о внѣшней торговлѣ подтверждаетъ такое предположеніе.

Чѣмъ выше промышленное развитіе страны, тѣмъ бо́льшую роль

въ ея внѣшней торговлѣ играетъ вывозъ продуктовъ фабрикъ и заводовъ, и тѣмъ меньшую—ввозъ этихъ послѣднихъ. Страна, мало развитая въ промышленномъ отношеніи, напротивъ того, мало вывозитъ фабрично-заводскихъ издѣлій и больше получаетъ ихъ изъ-за границы. И вотъ, въ отношеніи этого признака четыре сравниваемыя нами страны представляютъ слѣдующую картину.

Англія (въ 1902 г.) получила для своихъ нуждъ изъ чужихъ странъ разныхъ товаровъ на 4,5 милліардовъ рублей; въ томъ числѣ 1,3 милліардовъ рублей или менѣе $^1/_3$ части ввоза принадлежало обработаннымъ и полуобработаннымъ продуктамъ (не считая питательныхъ припасовъ и напитковъ). Германія ввезла (въ 1901 г.) для своихъ нуждъ на 2,7 милліардовъ рублей чужихъ произведеній; изъ этого количества на долю продуктовъ чужихъ фабрикъ и заводовъ (кромѣ тѣхъ же предметовъ питанія) приходится съ небольшимъ 500 милліоновъ рублей, т.-е. $^1/_5$ часть цѣнности всего ввоза. Въ составѣ 1,7 милліардовъ рублей стоимости товаровъ, получаемыхъ изъ-за границы Франціей, тѣмъ же продуктамъ принадлежитъ 300 милліоновъ рублей или менѣе $^1/_5$ части ввоза. Въ Россію же (въ 1903 г.) было ввезено иностранныхъ товаровъ на сумму 680 милліоновъ рублей, въ томъ числѣ 300 милліоновъ рублей, или почти половина (45%) ввоза принадлежала продуктамъ фабрикъ и заводовъ.

Относительно экспорта фабрично-заводскихъ издѣлій наблюдаются обратныя отношенія.

Общая цѣнность вывозимыхъ изъ Франціи товаровъ равняется 1,6 милліардовъ рублей; въ этой суммѣ на долю продуктовъ фабрикъ и заводовъ падаетъ 900 милліоновъ рублей или болѣе половины всего экспорта. Изъ 2,2 милліардовъ рублей германскаго экспорта фабрично-заводскимъ издѣліямъ принадлежитъ 1,4 милліарда рублей или $^2/_3$. Изъ 2,8 милліардовъ рублей вывоза англійскаго тѣмъ же издѣліямъ принадлежитъ 2,3 милліарда рублей, т.-е. $^4/_5$ всего вывоза. Въ составѣ же вывозимыхъ изъ Россіи товаровъ на сумму одного милліарда рублей, продуктамъ фабрикъ и заводовъ (здѣсь, какъ и выше, исключаются жизненные припасы и напитки) принадлежитъ нѣсколько болѣе 100 тыс. рублей, т.-е. $^1/_{10}$—$^1/_9$ часть общаго экспорта.

Если, наконецъ, произвести сравненіе цѣнности ввозимыхъ въ каждую страну и вывозимыхъ изъ нея фабрикатовъ, то окажется

аналогичный результатъ. Цѣнность ввозимыхъ во Францію, Германію и Великобританію чужихъ фабрично-заводскихъ издѣлій составляетъ отъ $^1/_3$ до $^2/_5$ цѣнности отправляемыхъ за границу продуктовъ мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ; а въ Россію ввозится почти второе больше обработанныхъ и полуобработанныхъ иностранныхъ продуктовъ, чѣмъ вывозится изъ нея аналогичныхъ товаровъ русскаго происхожденія.

Если свѣдѣнія относительно общихъ оборотовъ внѣшней торговли позволяютъ заключить о низкомъ состояніи нашей производительности вообще, то сдѣланныя теперь сопоставленія показываютъ, какъ мало у насъ развита фабрично-заводская промышленность. Это послѣднее заключеніе находитъ себѣ новое подтвержденіе въ составѣ экспортируемыхъ изъ Россіи продуктовъ фабрично-заводской дѣятельности. Почти половина цѣнности (52 милл. руб.) вывезенныхъ изъ Россіи въ 1903 г. товаровъ этой категоріи принадлежитъ минеральнымъ освѣтительнымъ матеріаламъ и смазочнымъ масламъ. Развитію экспорта этихъ продуктовъ мы обязаны богатымъ нашимъ залежамъ нефти. Другой сколько-нибудь крупной статьей нашего экспорта являются хлопчатобумажныя ткани, вывозимыя, преимущественно, въ Азію. Ихъ было отправлено въ 1903 г. на сумму 20 милл. рублей, что составляетъ около $^1/_5$ части всего экспорта нашихъ фабрикъ и заводовъ. Сколь ничтоженъ этотъ вывозъ продуктовъ одной изъ самыхъ старыхъ и наиболѣе развитыхъ у насъ отраслей промышленности, видно изъ того, что изъ Англіи хлопчатобумажныхъ тканей вывозится на сумму болѣе 600 милл. рублей. Продукты прочихъ отраслей нашей фабрично-заводской промышленности въ отдѣльности отправляются за границу на сумму нѣсколькихъ сотъ тысячъ, много 1—2 милл. руб. въ годъ.

Приведенныя выше свѣдѣнія показали, что Франція, Германія и особенно Великобританія являются поставщиками на международный рынокъ преимущественно продуктовъ индустріи, имѣющихъ назначеніемъ удовлетвореніе различныхъ потребностей, кромѣ потребности питанія. Какую же функцію выполняетъ на внѣшнихъ рынкахъ Россія? Мы видѣли, что изъ суммы въ одинъ милліардъ рублей, составляющей цѣнность нашего экспорта въ 1903 г., на долю продуктовъ индустріи падаетъ нѣсколько болѣе 100 милл. рублей. Какіе же товары даютъ ей остальные 900 милл. рублей выручки?

На первое мѣсто здѣсь нужно поставить зерно и т. п. сырые продукты сельскаго хозяйства, состоящіе почти исключительно изъ предметовъ питанія человѣка, частью изъ корма для скота. Ихъ вывезено на сумму 460 милл. руб. Обработанныхъ растительныхъ продуктовъ, имѣющихъ то же назначеніе, вывезено почти на 90 милл. руб.; въ томъ числѣ муки и крупы на 23 милл. руб., сахара на 25 милл. руб., отрубей и выжимокъ сѣмянъ на 40 милл. руб. Питательныхъ животныхъ продуктовъ вывезено съ небольшимъ на 100 милл. руб.; въ томъ числѣ мяса и птицы на 13 милл. руб., яицъ на 51 милл. руб., рыбы на 7 милл. руб. и молочныхъ товаровъ на 33 милл. руб.

Весь нашъ вывозъ жизненныхъ и кормовыхъ припасовъ опредѣляется, такимъ образомъ, въ 650 милл. руб., т.-е. почти въ $^2/_3$ всего экспорта; при этомъ сырыхъ растительныхъ и животныхъ (яицъ) продуктовъ вывозится на сумму 510 милл. руб., а продуктовъ обработки сельскохозяйственныхъ произведеній—на сумму 140 милл. руб.

Менѣе крупную статью нашего вывоза образуютъ сырые матеріалы для различныхъ производствъ растительнаго и животнаго происхожденія. На первомъ планѣ здѣсь стоятъ ленъ и пенька: ихъ вывезено на 92 милл. руб.; за ними слѣдуетъ лѣсъ, коего отправлено за границу на 66 милл. руб. Животноводство даетъ для вывоза на 10 милл. руб. живыхъ животныхъ и на 40 милл. руб. разныхъ матеріаловъ (шерсть, кожи, сало и т. п.). Всего сырыхъ матеріаловъ вывезено за границу на 210 милл. руб., что составляетъ $^1/_5$ часть нашего экспорта.

Итакъ, 860 милл. руб. или 86% нашего экспорта составляется предметами жизненныхъ припасовъ, корма для скота и сырыхъ матеріаловъ растительнаго и животнаго происхожденія. Что касается хотя бы сырыхъ матеріаловъ ископаемаго происхожденія, таковые вывозятся изъ Россіи на сумму какихъ-нибудь 10—15 милл. руб.

Ознакомившись съ данными о составѣ нашего экспорта, мы можемъ слѣдующимъ образомъ характеризовать роль Россіи въ международномъ товарномъ оборотѣ.

Россія поставляетъ на внѣшніе рынки преимущественно продукты сельскохозяйственной дѣятельности и технической ихъ переработки. Это суть, главнымъ образомъ, продукты растительнаго цар-

ства (710 милл. руб.), а не животнаго (155 милл. руб.), и притомъ первичные, сырые продукты хозяйства, а не продукты технической переработки первыхъ, на долю которыхъ (масло, сахаръ, мука, крупа, отруби, выжимки и т. д.) приходится менѣе 150 милл. руб. Этой характеристикой подтверждается то заключеніе, къ какому мы были приведены разсмотрѣніемъ общихъ итоговъ внѣшней торговли нашей страны. Продукты фабрично-заводской дѣятельности играютъ болѣе чѣмъ второстепенную роль не только въ общей суммѣ вывоза, но и въ экспортѣ той категоріи товаровъ (продукты сельскаго хозяйства). которые составляютъ главный предметъ ея внѣшней торговли. Данными о внѣшней торговлѣ Россія характеризуется не только какъ земледѣльческая страна, но и какъ страна, не умѣющая такимъ образомъ переработать продукты своего хозяйства, чтобы посылать за границу готовые, а не сырые жизненные припасы. Такъ, несмотря на правительственную нормировку сахарнаго производства, дозволяющую нашимъ заводчикамъ продавать за границу сахаръ по цѣнамъ вдвое болѣе низкимъ сравнительно съ цѣнами, взимаемыми ими съ русскихъ потребителей, нашъ экспортъ сахара въ самые благопріятные годы не превосходилъ 12—15 милл. пуд., между тѣмъ какъ другія европейскія страны вывозятъ его въ слѣдующихъ количествахъ: Франція 25 милл. пуд., Австрія 40 милл. пуд., Германія 65 милл. пудовъ въ годъ.

Чтобы лучше оттѣнить эту сторону предмета, мы сравнимъ составъ зерновыхъ товаровъ, вывозимыхъ изъ Россіи и изъ другой страны, обильно снабжающей ими Западную Европу—изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Главнѣйшій вывозимый изъ Россіи хлѣбъ, это—пшеница; мы ея вывезли въ 1903 г. (вмѣстѣ съ мукой) 260 милл. пуд., что составляетъ $^1/_4$ часть сбора этого зерна; за пшеницей слѣдуетъ ячмень, а затѣмъ рожь, которая была отправлена за границу—зерномъ и мукою—въ количествѣ 93 милл. пудовъ. Что же касается распредѣленія вывоза этихъ двухъ хлѣбовъ между зерномъ и мукою, то оказывается, что пшеница зерномъ отправлена была за границу въ количествѣ 255 милл. пуд., а мукою въ количествѣ $5^1/_2$ милл. пуд.; ржаного зерна было вывезено 82 милл. пуд., а муки изъ него 11 милл. пуд. Въ предыдущіе годы муки вывозилось еще меньше.

Пшеница составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ вывоза и нашего соперника на международномъ рынкѣ—Сѣверо-Аме-

риканскихъ Соединенныхъ Штатовъ; но тогда какъ изъ Россіи на 250 милл. пуд. вывозимаго пшеничнаго зерна приходится лишь 5 милл. пуд. пшеничной муки, въ Соединенныхъ Штатахъ зерномъ пшеница вывозится въ количествѣ 200—250 милл. пуд., а мукою—100 милл. пуд. Русская обрабатывающая промышленность находится на такой низкой ступени развитія, что мы не можемъ достаточно дешево перемалывать зерно въ муку, и близкая къ намъ Голландія, а затѣмъ и Англія, гдѣ мукомольная промышленность мало развита, должны обращаться за этимъ товаромъ не въ Россію, а въ далеко отстоящую отъ нихъ Америку.

Изъ продуктовъ переработки сельскохозяйственныхъ растительныхъ произведеній мы еще отправляемъ за границу 36 милл. пуд. отрубей и 28 милл. пуд. сѣменныхъ выжимокъ. Но вывозъ этихъ кормовыхъ средствъ не только не говоритъ въ пользу высокаго состоянія нашей промышленности, но служитъ яркимъ доказательствомъ низкаго состоянія и нашего сельскаго хозяйства. Названные продукты служатъ прекраснымъ кормовымъ средствомъ для скота; а такъ какъ животноводство составляетъ болѣе выгодную отрасль сельскаго хозяйства, чѣмъ зерноводство, то наиболѣе цивилизованныя страны не только пользуются мѣстными отрубями и выжимками для того, чтобы увеличить у себя количество скота, не только употребляютъ для этой цѣли отруби, получаемыя при перемолѣ привознаго зерна, но и стараются пріобрѣсть эти кормовыя средства готовыми за границей. Россія идетъ на встрѣчу этимъ желаніямъ европейскихъ націй развить у себя скотоводство. Она отдаетъ имъ 50—60 милл. пуд. въ годъ отрубей, снабжая ихъ пшеничнымъ и ржанымъ зерномъ, а не мукою, и одна отправляетъ на внѣшніе рынки больше готовыхъ отрубей и выжимокъ, чѣмъ всѣ прочія цивилизованныя государства,—благо низкія цѣны на эти товары наши мукомолы могутъ восполнять возвышеніемъ цѣнъ муки и растительныхъ маслъ, взимаемыхъ съ внутреннихъ потребителей. Такимъ образомъ, на счетъ русскихъ потребителей выкармливается скотъ Германіи, Даніи, Франціи и другихъ государствъ.

О низкомъ состояніи русскаго сельскаго хозяйства свидѣтельствуетъ и другая черта, характеризующая нашу вывозную торговлю: огромное преобладаніе экспорта растительныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства надъ животными. Растительныхъ продуктовъ земледѣлія мы вывозимъ на сумму, въ $4^1/_2$ раза превышающую вывозъ всѣхъ

животныхъ продуктовъ. Всѣ цивилизованныя націи стремятся развить у себя животноводство на счетъ зернового хозяйства, потому что послѣднее даетъ работу земледѣльцу лишь въ теченіе лѣтняго полугодія, тогда какъ первое дозволяетъ производительно примѣнять трудъ сельскаго хозяина въ теченіе круглаго года. Цивилизованныя націи достигаютъ этой цѣли, между прочимъ, тѣмъ, что такъ или иначе возлагаютъ производство для себя зерна на другія страны, а свою землю обращаютъ, главнымъ образомъ, подъ культуру кормовыхъ средствъ для скота и стараются получить изъ-за границы побольше отбросовъ мукомолья и маслянаго производства, служащихъ прекраснымъ кормовымъ средствомъ для скота. Россія, какъ мы видѣли, идетъ навстрѣчу этимъ стремленіямъ и въ большихъ количествахъ отправляетъ въ чужія страны и хлѣбъ, и овесъ, и отруби, и выжимки. Несмотря на такую политику, богатыя западноевропейскія государства потребляютъ такія количества масла, сыра и мяса, что ихъ собственное производство этихъ продуктовъ не удовлетворяетъ внутренняго спроса, и для болѣе земледѣльческихъ государствъ открывается возможность развить у себя эти выгодныя отрасли сельскохозяйственной промышленности для удовлетворенія требованій международнаго рынка. Такая же возможность открывалась и для нашей страны, но она не могла ею воспользоваться, и потому снабженіе Европы мало выгодными для производителя зерновыми товарами осталось лежать на ней, а производство для иностранцевъ молочныхъ и мясныхъ продуктовъ взяли другія страны, питающія свой скотъ, между прочимъ, кормовыми средствами, получаемыми изъ Россіи. Такъ, несмотря на многолѣтнія заботы объ экспортѣ изъ Россіи мясныхъ товаровъ, мы вывозимъ ихъ всего въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ пудовъ въ годъ, между тѣмъ какъ маленькая Голландія отправляетъ за границу около 4 милл. пуд., Данія—5 милл. пуд., а Соединенные Штаты отправляютъ мяса 35—40 милл. пуд. въ годъ и получаютъ за него 350—400 милл. рублей. Россія занимаетъ исключительное положеніе лишь по вывозу живой птицы и битой дичи, превысившему 8 милл. пуд. въ годъ. Молочные продукты изъ нашей обширной земледѣльческой страны вывозятся за границу въ количествѣ 3 милл. пуд. въ годъ, и преимущественно экспортируемый товаръ доставляетъ Сибирь, между тѣмъ какъ маленькая Голландія отправляетъ за границу больше 4 милл., а Данія 5 милл. пуд. масла и сыра въ годъ; а

изъ заокеанскихъ странъ крупныя количества означенныхъ товаровъ, а именно около 7 милл. пуд. въ годъ, поставляетъ на международные рынки Канада.

Характерныхъ показателемъ нашей промышленной отсталости служитъ фактъ ничтожнаго вывоза металловъ, рудъ, каменнаго угля и другихъ ископаемыхъ. Несмотря на богатыя залежи послѣднихъ, мы ихъ вывозимъ за границу (не считая нефтяныхъ продуктовъ) всего на 11 милл. рублей. Наша промышленная техника развита такъ мало, что мы не въ состояніи извлечь минеральныя богатства изъ нѣдръ земли для того, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ экспорта. Тогда какъ Германія, напр., вывозитъ каменнаго угля на 100 милл., а Великобританія—на 270 милл. руб. въ годъ, Россія не отправляетъ его и на одинъ милліонъ рублей. Въ связи съ данными о другихъ статьяхъ экспорта это приводитъ насъ къ заключенію, что Россія въ состояніи участвовать въ міровомъ товарообмѣнѣ только продуктами самаго простого физическаго труда, обращаемаго на эксплоатацію силъ природы при помощи той самой сохи, косы, топора и пилы, которыми русскій человѣкъ боролся съ природой еще при царѣ Горохѣ. Въ нашъ вѣкъ машинъ, пара, электричества и интенсивнаго сельскаго хозяйства подобное промышленное вооруженіе страны свидѣтельствуетъ лишь о крайней бѣдности ея населенія.

Разсмотрѣніе свѣдѣній о внѣшней торговлѣ показало, что Россія играетъ въ міровомъ товарооборотѣ роль поставщика жизненныхъ припасовъ, въ меньшей степени—сырыхъ растительныхъ матеріаловъ, т.-е., что въ международныхъ промышленныхъ отношеніяхъ она является представителемъ земледѣльческаго промысла. Къ такому же заключенію о преимущественно земледѣльческомъ характерѣ Россіи приводятъ и данныя всероссійской переписи 1897 г. о занятіяхъ ея населенія.

Населеніе Россійской Имперіи, въ отношеніи занятій, группируется въ переписи по двумъ признакамъ: 1) по числу лицъ, участвующихъ въ той или другой профессіи (т.-е. по числу работающихъ, служащихъ и иными способами получающихъ средства существованія) и 2) по числу живущихъ на доходы отъ того или другого занятія. Первая группа обнимаетъ лицъ, добывающихъ средства существованія; вторая—охватываетъ и работающихъ, и членовъ ихъ семей. Остановимся сначала на второй группѣ.

Перепись 1897 г. опредѣляетъ населеніе Россійской Имперіи въ 125 милліоновъ человѣкъ. По отношенію къ средствамъ существованія это населеніе можно подраздѣлить на слѣдующія группы.

Первая группа не имѣетъ собственныхъ средствъ существованія и состоитъ изъ воспитанниковъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ и больницахъ, изъ арестантовъ и т. п. Къ ней принадлежатъ 853 тыс. человѣкъ или 0,7% всего населенія.

Вторая группа обнимаетъ около 1,5 милл. лицъ (1,2% населенія), живущихъ доходами съ капиталовъ, пенсіями, пособіями родственниковъ и т. п.

Въ третью группу мы относимъ 1,1 милл (0,9%) солдатъ, отбывающихъ обязательную воинскую повинность.

Четвертая группа обнимаетъ 3,2 милл. (2,6%) лицъ слѣдующихъ категорій: лица, живущія на жалованье, доставляемое службой въ государственныхъ учрежденіяхъ (800 тыс.—0,64%); живущія на средства, доставляемыя общественной службой (300 тыс.—0,24%); получающія средства къ жизни удовлетвореніемъ религіозныхъ потребностей народа (800 тыс.—0,64%); живущія на заработки врачей, учителей, адвокатовъ, писателей и лицъ другихъ профессій, удовлетворяющихъ духовныя потребности народа (1,3—милл.—1,04%).

Въ пятую группу входятъ лица (2,2 милл.—1,7%), живущія на доходы домашней прислуги.

Всѣ эти столь различныя по своему содержанію категоріи населенія имѣютъ то общее, что онѣ не участвуютъ въ производствѣ, торговлѣ и перевозкѣ товаровъ. Онѣ живутъ на заработки, получаемые за услуги, оказываемыя ими государству, обществу или частнымъ лицамъ. Вслѣдствіе ихъ неприкосновенности къ промышленной дѣятельности, эти классы общества называются классами непроизводительными, понимая слово „производительный“ въ узкомъ смыслѣ производства матеріальныхъ предметовъ. Эти такъ называемые непроизводительные классы составляютъ около 9 милл. лицъ или нѣсколько болѣе 7% всего населенія нашей страны.

Шестая, самая многочисленная группа лицъ обнимаетъ всѣхъ тѣхъ, кто почерпаетъ средства существованія отъ дѣятельности по производству и торговлѣ товарами и продуктами потребленія и по участію въ перевозкѣ людей и товаровъ. Эта огромная категорія

включаетъ, главнымъ образомъ, представителей физическаго труда и ихъ семьи; но сюда же входятъ хозяева и завѣдующіе промышленными предпріятіями и высшіе ихъ служащіе. Общее число лицъ этой группы—116 милл. или 93% всего населенія. Разбивая этотъ крупный отдѣлъ на два подотдѣла: лицъ, живущихъ отъ сельскаго хозяйства и отъ всѣхъ прочихъ отраслей въ совокупности, мы увидимъ, что къ земледѣльческому классу относится около 93 милл. душъ, т.-е. 74% всего населенія, а всѣ прочія отрасли производства, торговля и транспортъ доставляютъ средства жизни 23,7 милліонамъ лицъ или 19% населенія Россійской Имперіи.

Чтобы нагляднѣе представить, въ какомъ видѣ рисуется, согласно переписи 1897 г., составъ нашего населенія по источникамъ его средствъ существованія, мы повторимъ вышеприведенныя данныя въ круглыхъ числахъ.

Изъ каждыхъ ста человѣкъ населенія нашей страны два человѣка получаютъ средства къ жизни, не неся никакого труда, одинъ человѣкъ несетъ обязательную воинскую повинность, одинъ—содержится на жалованье служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, два лица получаютъ средства къ жизни путемъ удовлетворенія потребностей общества (религіозныхъ, врачебныхъ, образовательныхъ и т. п.), не имѣющихъ матеріальнаго характера, и два лица содержатся на жалованье домашней прислуги. Всего непроизводительнаго населенія будемъ считать 8 человѣкъ (въ дѣйствительности его нѣсколько болѣе 7%). Изъ остальныхъ 92 человѣкъ—73 живутъ сельскимъ хозяйствомъ и 19—разными другими промыслами.

Чтобы судить о томъ, какъ отличается въ этомъ отношеніи Россія отъ другихъ европейскихъ государствъ, мы сдѣлаемъ сравненіе съ Германіей—столь же молодой промышленной націей, какъ и Россія.

Согласно переписи 1895 г., изъ 51 милл. населенія Германской Имперіи 7 милліоновъ или 13—14% принадлежало къ непроизводительнымъ классамъ, а 86—87%—къ производительнымъ; изъ этихъ же послѣднихъ 18 милл. лицъ или 35% всего населенія получали средства существованія отъ сельскаго хозяйства и 26 милл. лицъ (51%) отъ остальныхъ промысловъ. Изъ каждыхъ ста жителей Германской Имперіи, слѣдовательно, къ непроизводительнымъ классамъ принадлежатъ 14 человѣкъ, т.-е. вдвое больше,

чѣмъ въ Россіи; къ классу земледѣльцевъ относится 35 человѣкъ—слишкомъ вдвое меньше, чѣмъ въ Россіи, и къ промышленнымъ классамъ—51 человѣкъ или въ $2^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ въ Россіи.

Этихъ данныхъ достаточно для того, чтобы составить общее понятіе о промышленномъ характерѣ нашей страны сравнительно съ Западной Европой; и мы видимъ, что они находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что показали свѣдѣнія о международномъ товарномъ оборотѣ. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, Россію надлежитъ отнести къ земледѣльческимъ, а Германію—къ промышленнымъ націямъ. Данныя переписей населенія говорятъ то же самое. Въ Германіи на 35 лицъ земледѣльческихъ классовъ приходится 51 лицо промышленныхъ; число промышленниковъ въ $1^1/_2$ раза превосходитъ число земледѣльцевъ (съ ихъ семьями). Германія, слѣдовательно, рисуется намъ промышленной страной. Въ Россіи на 73 лица земледѣльческихъ классовъ приходится 19 лицъ, принадлежащихъ къ классу промышленному; первыхъ почти въ 4 раза больше, нежели вторыхъ. Россія представляется намъ страной земледѣльческой.

Эти же свѣдѣнія подтверждаютъ и другое заключеніе, навѣянное объемомъ и содержаніемъ внѣшней торговли различныхъ государствъ,—заключеніе о меньшей производительности Россіи, сравнительно съ передовыми европейскими государствами. Подтвержденіе этого заключенія мы находимъ въ томъ, что число лицъ, непричастныхъ къ производительной дѣятельности, въ Германіи относительно вдвое больше, чѣмъ въ Россіи ($14^0/_0$ и $7^0/_0$). Это служитъ признакомъ большей производительности (и зажиточности) Германіи, въ силу того соображенія, что содержатся всѣ эти лица изъ годового продукта страны, и оплачиваются ихъ услуги изъ заработковъ, доходовъ и налоговъ, взимаемыхъ съ остального населенія. Если каждыя сто семей нѣмцевъ содержатъ 14 семей врачей, учителей, писателей, музыкантовъ, чиновниковъ и т. п., а сто семей русскихъ содержатъ всего 7 такихъ семей, то мы съ огромной вѣроятностью можемъ положить, что общая производительность Германіи и зажиточность ея населенія выше производительности и зажиточности населенія Россіи.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло со всѣмъ населеніемъ Россіи, не отдѣляя лицъ, добывающихъ средства существованія, отъ членовъ ихъ семей. Теперь мы перейдемъ къ тому населенію, которое

своими заработками, жалованьемъ и доходами разнаго рода доставляетъ средства содержанія зависимымъ отъ него лицамъ. Данныя по этой категоріи населенія должны бы охватить всѣхъ работающихъ, всѣхъ служащихъ и всѣхъ лицъ, иными способами добывающихъ средства существованія. Такой характеръ и имѣютъ свѣдѣнія о занятіяхъ населенія, собираемыя переписями вообще. Но наша первая всероссійская народная перепись почему-то отказалась отъ подсчета всѣхъ лицъ, принимающихъ участіе въ сельскомъ хозяйствѣ, и для крестьянскихъ семей включала въ подсчетъ только хозяина двора или надѣла, а члены семей, участвовавшіе въ земледѣльческихъ работахъ, сосчитывались вмѣстѣ съ нерабочими ихъ членами.

Примѣнивъ такую систему учета самодѣятельнаго населенія, перепись сообщаетъ, что работаютъ, служатъ и другими способами добываютъ средства существованія въ Россіи 33 милліона лицъ обоего пола; а распредѣляются они между тремя крупными категоріями самодѣятельныхъ такимъ образомъ, что къ непроизводительнымъ каассамъ принадлежатъ 5,6 милліоновъ лицъ, занимаются сельскимъ хозяйствомъ 18 милліоновъ, а отдаютъ свои силы прочимъ отраслямъ труда 9,5 милліоновъ человѣкъ. Но показанное здѣсь число земледѣльцевъ, какъ мы знаемъ, значительно ниже дѣйствительнаго, и мы попытаемся дать болѣе правильную его цифру.

Всѣхъ самостоятельныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ перепись насчитала 15.900 тыс мужчинъ и 2.090 тыс. женщинъ, всего около 18 милліоновъ лицъ. Въ это число включено 1.855 тыс. мужчинъ и 753 тыс. женщинъ, заявившихъ. что они работаютъ по найму. Вполнѣ самостоятельныхъ земледѣльцевъ, т.-е. владѣющихъ землей, оказывается, такимъ образомъ, 15.387 тыс. Если положить, что въ каждомъ такомъ хозяйствѣ работаетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ взрослый мужчина, то общее число мужчинъ, работающихъ на своемъ полѣ, совпадетъ съ указанной выше цифрой, а присоединяя сюда наемныхъ рабочихъ мужчинъ, мы получили бы 17.242 тыс. взрослыхъ мужчинъ, участвующихъ въ сельскохозяйственномъ промыслѣ. Но вѣдь многія крестьянскія семьи имѣютъ двухъ и трехъ мужчинъ, занятыхъ хозяйствомъ. Число мужчинъ, обрабатывающихъ землю, должно поэтому превосходить выше исчисленное количество. Правильнѣе будетъ считать, что въ обработкѣ крестьянской земли принаютъ участіе, въ качествѣ главныхъ рабочихъ, всѣ взрослые

мужчины крестьянскихъ семей. То же самое приложимо и ко всей группѣ лицъ, получающихъ средства существованія отъ сельскаго хозяйства. Главными работниками здѣсь являются, конечно, взрослые мужчины; а если такъ, то для приблизительнаго опредѣленія числа мужчинъ, прилагающихъ свой трудъ къ области сельскаго хозяйства, нужно знать, сколько взрослыхъ мужчинъ заключается въ числѣ 93 милліоновъ душъ, живущихъ отъ земледѣлія. Такихъ лицъ (въ возрастѣ 17 — 59 лѣтъ) насчитывается здѣсь болѣе 22 милліоновъ, и всѣ они, нужно полагать, прилагаютъ свои силы къ землѣ, какъ главные рабочіе. Но мы знаемъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ, кромѣ взрослаго мужчины, принимаютъ участіе мужчины-полурабочіе и женщины. Полурабочихъ мужчинъ (15 — 16 лѣтъ и старше 59 лѣтъ) среди земледѣльческаго населенія больше 4 милліоновъ, а женщинъ въ возрастѣ 15 лѣтъ и старше — 27 милліоновъ. Бо́льшая часть тѣхъ и другихъ помогаетъ главнымъ рабочимъ при бороньбѣ, при уборкѣ травъ и хлѣбовъ, въ молотьбѣ; а на женщинахъ лежитъ къ тому же и уходъ за скотомъ, Не будетъ поэтому преувеличеніемъ утверждать, что къ сельскому хозяйству въ бо́льшей или меньшей степени прилагаютъ руки до 40 милл. лицъ обоего пола. Но мы, конечно, не примемъ всѣхъ этихъ лицъ къ нашему учету. Мы занесемъ въ число земледѣльцевъ лишь тѣхъ лицъ, для которыхъ земледѣліе служитъ главнымъ занятіемъ, т.-е. 22 милліона взрослыхъ мужчинъ и 753 тыс. женщинъ, работающихъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ качествѣ батрачекъ. Въ такомъ случаѣ, число лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, опредѣлится приблизительно въ 23 милліона, а все число самостоятельныхъ — почти въ 38 милліоновъ человѣкъ.

Эти 38 милліоновъ лицъ распредѣляются между крупными группами самодѣятельныхъ слѣдующимъ образомъ: къ непроизводительному классу принадлежитъ 5,6 милліоновъ лицъ, или 15% общаго числа самодѣятельныхъ; земледѣліемъ занимаются около 23 милліоновъ лицъ или 60%, и остальными промыслами 9,5 милл., т.-е. 25% самодѣятельныхъ.

Для лучшаго выясненія вопроса о занятіяхъ русскаго населенія мы разсмотримъ занятія мужчинъ и женщинъ отдѣльно другъ отъ друга. Основаніемъ къ такому раздѣленію служитъ тотъ фактъ, что главнымъ добытчикомъ средствъ существованія и главнымъ производителемъ товаровъ является мужчина, вовсе почти устранив-

шійся отъ домашняго хозяйства и надзора за семьей, которыя поэтому и лежатъ исключительно на женщинахъ. Вслѣдствіе указаннаго обстоятельства мужчина, какъ общее правило, ищетъ себѣ доходнаго занятія; женщина же въ большинствѣ случаевъ ограничивается выполненіемъ домашнихъ и семейныхъ своихъ обязанностей. По высказаннымъ причинамъ хозяйственный строй націи достаточно опредѣлится, если будетъ изучено распредѣленіе по занятіямъ одного мужского ея населенія. Въ нашемъ же случаѣ особое разсмотрѣніе мужскихъ занятій представляется желательнымъ еще потому, что изъ женскаго трудящагося населенія мы исключили всѣхъ женщинъ, участвующихъ въ земледѣльческихъ работахъ, какъ помощницъ своихъ мужей, братьевъ и отцовъ.

Принимая нашу поправку относительно числа земледѣльцевъ, къ самодѣятельному мужскому населенію нужно отнести около 33 милліоновъ лицъ, распредѣляемыхъ между тремя крупными категоріями слѣдующимъ образомъ: на долю непроизводительныхъ классовъ относится 3,3 милл. лицъ или 10% общаго числа самодѣятельныхъ; сельскимъ хозяйствомъ занимаются 22 милліона человѣкъ или 67% и остальными промыслами, транспортомъ и торговлей — 7,7 милл. лицъ, т.-е. 23%. Сельскохозяйственная дѣятельность привлекаетъ, слѣдовательно, $^2/_3$ мужчинъ рабочихъ, избирающихъ себѣ ту или иную профессію.

Разобьемъ на болѣе мелкія группы 3,3 милліона лицъ, не принадлежащихъ къ производительнымъ классамъ. Здѣсь мы найдемъ около 750 мужчинъ (2,3% всего числа самодѣятельныхъ), не занимающихся никакимъ трудомъ; 1,1 милл. лицъ (3,3%), отбывающихъ воинскую повинность; около 400 тысячъ душъ (1,2%), состоящихъ на государственной и общественной службѣ; 600 тыс. (1,8%), принадлежащихъ къ духовенству и свободнымъ профессіямъ, и 450 тыс. (1,3%) человѣкъ, находящихся въ домашнемъ услуженіи. Интересно указать численность нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ профессій. Въ администраціи, судѣ и полиціи служатъ 223 тыс. человѣкъ; на общественной и сословной службѣ подвизаются 104 тыс. лицъ; участвуютъ въ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей народа 213 тыс. мужчинъ (и 80 тыс. женщинъ), а въ учебной и воспитательной дѣятельности 130 тыс. мужчинъ (и 72 тыс. женщинъ); наукамъ, искусствамъ и литературѣ отдаютъ свои силы 25 тыс. мужчинъ (и 6 тыс. женщинъ). Эти цифры

достаточно ярко рисуютъ бѣдность нашей страны интеллигентными силами!

Самодѣятельныхъ женщинъ у насъ около 5 милліоновъ, и распредѣляются онѣ по занятіямъ слѣдующимъ образомъ: 720 тысячъ (15%) живутъ капиталами, пенсіей, находятся въ учебныхъ заведеніяхъ и т. п.; 250 тыс. (5%) служатъ и занимаются свободными профессіями; 1,3 милл. (27%) имѣютъ мѣста домашней прислуги; 1,8 милл. душъ (37%) участвуютъ въ торгово-промышленной дѣятельности и 750 тыс. (16%) нанимаются на работы въ сельскомъ хозяйствѣ. Образуя и здѣсь три крупныя группы, мы увидимъ, что почти половина самостоятельнаго женскаго населенія (47%) принимаетъ участіе въ занятіяхъ, не относящихся къ производству и распредѣленію матеріальныхъ благъ; а изъ другой ея половины 16% занимаются сельскимъ хозяйствомъ и 37%—торгово-промышленной дѣятельностью. Это распредѣленіе женскаго населенія по занятіямъ рѣзко отличается отъ того, какое мы наблюдали въ области мужского труда. Тамъ земледѣліе стояло на первомъ планѣ, а занятія, не относящіяся къ производству и распредѣленію товаровъ, на послѣднемъ; здѣсь наблюдается какъ-разъ обратное. Это заключеніе въ отношеніи сельскохозяйственнаго промысла подлежитъ, однако, измѣненію въ силу того обстоятельства, что мы не принимали въ расчетъ работы крестьянской женщины въ хозяйствѣ ея семьи. Но если приведенныя данныя не даютъ надлежащаго понятія объ участіи женщинъ въ національномъ производствѣ, то ими достаточно правильно характеризуются способы пріобрѣтенія женщинами средствъ существованія продажей своей рабочей силы.

Если оставить въ сторонѣ женщинъ не трудящихся, то окажется, что изъ 40 милліоновъ взрослыхъ женщинъ Россіи заработка внѣ собственнаго хозяйства ищутъ 4 милліона женщинъ или 10%. Изъ нихъ 1,8 милл. или 44% ищущихъ заработка находятъ его въ промышленности и торговлѣ; 1,3 милл. или 32% занимаютъ мѣста домашней прислуги; 750 тыс. или 18% нанимаются на сельскохозяйственныя работы, и лишь 250 тыс. или 6% находятъ себѣ занятіе въ болѣе высокихъ отрасляхъ труда.

Всероссійская перепись населенія даетъ возможность выдѣлить изъ числа трудящихся наемное, собственно, рабочее населеніе. Рабочими или прислугой при переписи показали себя 6.335 тыс. мужчинъ и 2.822 тыс. женщинъ, всего 9.157 тыс. человѣкъ.

Это составляетъ менѣе $^1/_5$ части занятыхъ мужчинъ и 70% занятыхъ женщинъ. Весь этотъ наемный персоналъ можетъ быть разбитъ на слѣдующіе главные отдѣлы труда:

	Мужчинъ	Женщинъ.	Итого.
Сельскохозяйственные рабочіе .	1855 т.	750 т	2605 т.
Поденщики и чернорабочіе. . . .	810 „	285 „	1095 „
Прислуга домашняя и прочая . .	780 „	1337 „	2117 „
Промышленность и торговля . .	2890 „	450 „	3340 „
Итого	6335 т.	2822 т	9157 т.

Изъ этой таблицы видно, что въ промышленности и торговлѣ занято круглымъ счетомъ 3,3 милл. рабочихъ обоего пола, въ сельскомъ хозяйствѣ—2,6 милл.; мѣста прислуги имѣютъ 2,1 милл. лицъ и занимаются чернымъ трудомъ 1,1 милл. человѣкъ. Посмотримъ теперь, какую роль играетъ наемный трудъ въ двухъ крупныхъ отдѣлахъ хозяйственной дѣятельности: земледѣліи и торгово-промышленной жизни. Въ сельскомъ хозяйствѣ мы считали прилагающими свои силы 22 милл. мужчинъ; изъ этого числа 1.855 тыс. или 8,5% принадлежатъ къ числу наемныхъ работниковъ. Въ торгово-промышленной дѣятельности занято 7,7 милл. мужчинъ и 1,8 милл. женщинъ. Въ это число вошли поденщики и чернорабочіе (810 тыс. мужчинъ и 285 тыс. женщинъ) и прислуга на фабрикахъ и заводахъ (206 тыс. мужчинъ и 21 тыс. женщинъ). Исключивъ эти категоріи труда (1.016 тыс. мужчинъ и 306 тыс. женщинъ), мы получимъ 6,7 милл. мужчинъ и 1,5 милл. женщинъ, принадлежащихъ къ различнымъ торгово-промышленнымъ профессіямъ. Въ числѣ этихъ лицъ находится наемныхъ рабочихъ 2,9 милл. мужчинъ и 450 тыс. женщинъ. Въ числѣ мужчинъ торгово-промышленнаго класса наемныхъ рабочихъ насчитывается слѣдовательно до 45%, а въ числѣ женщинъ — 30%.

Эти расчеты наглядно показываютъ, какъ различна у насъ организація сельскохозяйственной и промышленной дѣятельности: въ первой наемные рабочіе не составляютъ и 10% всего числа трудящихся, а въ послѣдней имъ принадлежитъ почти половина всего мужского персонала.

Относительно всего, что нами говорено о распредѣленіи населенія по занятіямъ, мы должны высказать слѣдующее замѣчаніе. Сводъ данныхъ нашей переписи, которымъ мы пользовались въ

своемъ изложеніи, по образцу всѣхъ переписей, группируя населеніе по профессіямъ, имѣетъ въ виду главное занятіе каждаго лица. Но вѣдь многіе, кромѣ главнаго, прибѣгаютъ и къ дополнительнымъ заработкамъ, совершенно отличнымъ отъ ихъ главной профессіи, и эти подсобныя занятія населенія должны найти себѣ мѣсто въ изданіи, представляющемъ Сводъ собраннаго матеріала. Въ нашемъ Сводѣ данныхъ переписи это условіе соблюдено наполовину; въ немъ приведены свѣдѣнія о побочныхъ заработкахъ земледѣльческаго населенія (да и то не о всѣхъ), и отсутствуютъ данныя о подсобныхъ занятіяхъ другихъ классовъ общества. Въ числѣ этихъ занятій на первомъ планѣ стоитъ, вѣроятно, земледѣліе.

Что касается побочныхъ заработковъ населенія, получающаго главныя средства существованія отъ сельскаго хозяйства, то торгово-промышленные заработки имѣютъ 3.575 тыс. мужчинъ и 2 милл. женщинъ. Въ число побочныхъ занятій земледѣльческаго населенія входятъ и кустарные промыслы, и лѣсные, и строительныя работы, и извозъ, и торговля и т. д. Въ числѣ лицъ, обращающихся къ такимъ заработкамъ, имѣются, конечно, и лица, работающія по найму предпринимателей.

V. Факторы капиталистической эволюціи промышленности.

Изъ двухъ крупныхъ отдѣловъ хозяйственной дѣятельности населенія—земледѣлія и промышленности—первая роль въ новѣйшей исторіи цивилизованныхъ государствъ принадлежитъ измѣненіямъ въ области индустріи. О промышленномъ развитіи Россіи мы и будемъ поэтому вести сейчасъ рѣчь.

Несмотря на общій натуральный характеръ быта древней Руси, въ ней очень рано развилась живая торговая дѣятельность. Условіемъ, благопріятствовавшемъ раннему развитію у насъ торговли, было то обстоятельство, что славянскія племена, образовавшія русское государство, заняли мѣста, находившіяся на пути торговыхъ сношеній норманновъ съ Византіей (по р. Днѣпру) и болгаръ съ арабами (по р. Волгѣ), и сами были вовлечены въ международный торговый оборотъ. Непосредственнымъ результатомъ сказаннаго было

развитіе сношеній между различными областями самой Руси, въ цѣляхъ пріобрѣтенія экспортируемыхъ русскихъ произведеній (частью путемъ покупки, частью какъ подать, уплачиваемая правительству мѣхами и другими продуктами мѣстной природы) и передачи по назначенію товаровъ, привозимыхъ изъ-за границы. Это, конечно, способствовало обмѣну товаровъ и между различными мѣстностями самой Россіи.

Описанныя условія были очень благопріятны для развитія промышленной дѣятельности въ подмосковномъ районѣ, который, какъ мы видѣли, призывался къ тому и большой густотой его населенія, и близостью къ правительственному центру, и удобствомъ расположенія относительно водяныхъ путей сообщенія. Живыя торговыя сношенія представляли готовые пути для распространенія мѣстныхъ издѣлій въ отдаленные районы страны. Разбросанность населенія этихъ районовъ и колонизаціонный характеръ исторіи русскаго народа представляли, въ свою очередь, благопріятныя условія для развитія торговли.

Въ силу перваго обстоятельства лица, нуждавшіяся въ болѣе искусномъ ремесленникѣ, рѣдко могли встрѣтить такового въ малолюдномъ районѣ своихъ повседневныхъ сношеній. И теперь еще во многихъ мѣстахъ не находится такихъ ремесленниковъ, и населеніе пользуется отхожими мастерами, посѣщающими повременамъ своихъ отдаленныхъ кліентовъ. А въ прежнее время, когда отхожіе промыслы не имѣли такого развитія, населеніе охотно покупало привозныя готовыя издѣлія. Постоянный отливъ населенія во вновь колонизуемыя страны создавалъ новые рынки для внутренней торговли продуктами промышленной дѣятельности. Такимъ образомъ, Россія прежняго времени представляла рѣдкій случай сочетанія натуральнаго хозяйства съ довольно живыми торговыми сношеніями. А образовавшаяся при описанныхъ условіяхъ привычка пріобрѣтать нужные продукты на рынкѣ и дешевизна продажныхъ предметовъ обычнаго потребленія служили нѣкоторымъ препятствіемъ широкому распространенію заказовъ и въ то время, когда ослабѣли препятствія, задерживавшія ихъ развитіе. „Внутри Россіи — говоритъ одинъ иностранный писатель конца XVIII вѣка — очень рѣдко можно что-нибудь сдѣлать на заказъ; въ случаѣ какой-нибудь надобности нужно идти въ лавки или магазины, помѣщающіеся обыкновенно въ одномъ мѣстѣ. Но зато въ этихъ лавкахъ можно найти

все, что угодно и къ тому же на треть дешевле, чѣмъ у ремесленниковъ, берущихъ работу на заказъ".

Но еще ранѣе, чѣмъ во внутренней торговлѣ, русскія произведенія обращались въ торговлѣ международной. Больше всего вывозились за границу сырые продукты добывающей промышленности: мѣха, медъ, воскъ, позже—ленъ, конопля. Затѣмъ Россія стала отпускать за границу нѣкоторое количество своихъ обработанныхъ издѣлій. Первоначально это были холсты и сукна; впослѣдствіи къ нимъ были присоединены выдѣланныя кожи, канаты, рогожи, смола, поташъ, сѣмянныя масла; а съ XVIII вѣка, послѣ энергичныхъ мѣръ правительства для развитія горнаго дѣла, Россія стала отправлять за границу желѣзо и мѣдь.

Экспортъ грубыхъ продуктовъ обработки сырыхъ матеріаловъ, доставляемыхъ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ, былъ возможенъ потому, что въ Западной Европѣ, какъ и въ Россіи, предметы потребленія производились въ описываемое время ручнымъ трудомъ, и западно-европейскій ремесленникъ мало возвышался надъ русскимъ въ отношеніи производительности своего труда. Экспортъ ткацкихъ и другихъ издѣлій мѣстной промышленности явился, слѣдовательно, результатомъ не особеннаго искусства русскихъ ремесленниковъ, а изобилія и дешевизны сырыхъ сельскохозяйственныхъ произведеній, превращаемыхъ въ издѣлія.

Вывозъ издѣлій за границу, равно какъ и широкое распространеніе внутренней торговли, развившейся на почвѣ мелкаго производства, составляло, казалось бы, благопріятное условіе для обращенія нашей мелкой промышленности въ крупную, потому что ими былъ уже приготовленъ рынокъ для сбыта произведеній. Но сумма другихъ неблагопріятныхъ условій для крупнаго производства парализовала вліяніе указаннаго обстоятельства, и наша обрабатывающая промышленность продолжала долгое время сохранять свой прежній кустарный характеръ.

Серьезный шагъ къ водворенію въ Россіи крупной промышленности сдѣланъ былъ при Петрѣ I, имѣвшемъ въ виду, главнымъ образомъ, обезпечить войско предметами потребленія и военными принадлежностями внутренняго приготовленія. При пособіи и поощреніи правительства устраивались горныя предпріятія, оружейные заводы, суконныя, полотняныя, парусинныя фабрики и проч. Но эти мѣры правительства имѣли, какъ мы видѣли, результатомъ развитіе

не крупнаго, а кустарнаго производства. Лишь въ новѣйшее время, подъ вліяніемъ высокаго развитія промышленности въ Западной Европѣ, наши промышленныя предпріятія стали принимать типическій характеръ капиталистическихъ фабрикъ и заводовъ. Остановимся подробнѣе на развитіи главнѣйшихъ отраслей и начнемъ съ самой древней русской промышленности—льняной.

Результатомъ многолѣтнихъ заботъ правительства о развитіи этой отрасли промышленности было усовершенствованіе кустарнаго льняного ткачества, именно распространеніе выдѣлки тонкихъ полотенъ, которой кустари научились на фабрикахъ. Что же касается фабричнаго ткачества, то оно развивалось туго, и въ XIX столѣтіи фабрика должна была даже уступить мѣсто кустарной свѣтелкѣ. Мы имѣли уже случай объяснить, что подобное явленіе было возможно потому, что на прежнихъ фабрикахъ, какъ и въ кустарномъ производствѣ, господствовалъ ручной трудъ. Фабрика имѣла преимущество передъ ручнымъ трудомъ въ первой отрасли процесса обработки льна—обращеніи волокна въ пряжу, и когда съ 1830 года у насъ стало распространяться механическое прядѣніе, ручное приготовленіе пряжи было оставлено, и кустари начали выдѣлывать льняныя ткани изъ пряжи, производимой фабричнымъ путемъ.

Во второй половинѣ истекшаго вѣка обработка льна, какъ и прочія отрасли нашей промышленности, стала совершенствоваться; капиталистическія предпріятія начали примѣнять машины и механическіе двигатели; и кустарное ткачество льняныхъ издѣлій стало быстро сокращаться. Такой же процессъ наблюдался и въ другихъ отрасляхъ нашей крупной промышленности. Но это развитіе русской капиталистической промышленности не могло идти ни въ какое сравненіе съ промышленностью западно-европейской и потому параллельно съ усовершенствованіемъ нашего производства экспортъ издѣлій не только не увеличивался, но сильно сокращался, и правительство должно было воздвигать таможенныя стѣны, чтобы оберегать русскій капитализмъ отъ разрушенія капитализмомъ иноземнымъ.

Дѣйствительно, ничто такъ не рисуетъ нашей отсталости въ промышленномъ отношеніи, какъ сокращеніе вывоза продуктовъ самыхъ древнихъ нашихъ промышленныхъ отраслей, перерабатывающихъ къ тому же сырые матеріалы, доставляемые самымъ главнымъ промысломъ нашего населенія—сельскимъ хозяйствомъ. Судьба са-

мыхъ старыхъ статей экспорта нашихъ издѣлій въ теченіе послѣдняго столѣтія рисуется слѣдующими цифрами.

Вывезено на сумму тысячъ рублей:

	Въ 1802 г	Въ 1900 г.
Кожи выдѣланныя	2.837	766
Льняныя и пеньковыя издѣлія .	4.367	729
Веревки и канаты . . .	889	386
Мѣдь, желѣзо . .	5 604	469
Поташъ	1 243	250
Конопляное масло	1 872	9
Рогожи .	218	210
Смола .	418	694

Исключая рогожи и смолу, вывозъ продуктовъ нашей индустріи, составлявшихъ съ давнихъ временъ предметъ нашего экспорта, сократился за истекшее столѣтіе въ нѣсколько разъ.

Было время, когда наша желѣзная промышленность стояла выше иностранной. Въ концѣ XVIII вѣка въ Россіи выплавлялось около 10 милліоновъ пудовъ чугуна, а въ Англіи и во Франціи—вдвое менѣе. Въ это время мы вывозили за границу 3—4 милліона пудовъ чугуна въ годъ, т.-е. наше производство этого металла на $^1/_3$—$^1/_2$ поддерживалось вывозомъ его за границу. Но, достигнувъ извѣстныхъ успѣховъ, наша металлургическая промышленность застыла въ одномъ положеніи, а англійское производство стало быстро совершенствоваться. Русскій чугунъ потерялъ, такимъ образомъ, возможность конкурировать на внѣшнихъ рынкахъ съ продуктомъ иностраннаго производства, и нашъ экспортъ чугуна въ первой четверти XIX вѣка опустился до $1^1/_4$ милліоновъ пудовъ.

Приблизительно то же самое надлежитъ сказать и о нашей льняной промышленности. Въ началѣ прошлаго вѣка вывозъ ея издѣлій былъ настолько значителенъ, что экспортъ составлялъ около $^1/_3$ части фабричнаго производства льняныхъ тканей: нѣкоторые фабрики всецѣло работали для вывоза. Но затѣмъ, когда усовершенствованіе иностраннаго производства коснулось и тѣхъ грубыхъ издѣлій, какія поставляла за границу Россія—нашъ экспортъ сталъ падать и теперь выражается суммою въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ. Такимъ образомъ, несмотря на древность нашей льняной промышленности, на то, что сырымъ матеріаломъ для нея служитъ дешевый продуктъ мѣстнаго сельскаго хозяйства высокаго

натуральнаго достоинства, что Западная Европа нуждается въ льняныхъ издѣліяхъ и привыкла выписывать ихъ изъ Россіи,—капиталистическое производство льняныхъ тканей развито у насъ очень мало, и, вмѣсто снабженія иностранцевъ фабрикатами, мы способствуемъ развитію льняного ткачества у своихъ конкурентовъ, отправляя за границу для переработки большую часть добываемаго у насъ льняного волокна. Дѣйствительно, вывозъ за границу нашего льна колеблется въ послѣдніе годы около 14 — 15 милліоновъ пудовъ въ годъ, между тѣмъ какъ перерабатывается на русскихъ фабрикахъ нѣсколько болѣе 3 милліоновъ пудовъ, т.-е. почти въ 5 разъ менѣе. Выручка наша отъ экспортируемаго льна (около 70 милл. руб.) почти въ $1^1/_2$ раза превышаетъ стоимость всѣхъ продуктовъ, приготовленныхъ на нашихъ льняныхъ фабрикахъ.

Характернымъ для нашего капитализма является и то обстоятельство, что крупный капиталъ не беретъ на себя даже обращенія льняной тресты въ волокно, и тогда какъ въ Западной Европѣ роль земледѣльца въ дѣлѣ полученія льняного волокна заканчивается уборкой льна съ поля, а дальнѣйшая его отдѣлка производится фабричнымъ путемъ—въ Россіи и операціи мочки, трепанья и чесанія льна лежатъ, главнымъ образомъ, на крестьянахъ. Крестьяне не выпускаютъ изъ своихъ рукъ этихъ операцій потому, что онѣ даютъ имъ возможность производительнаго примѣненія ихъ труда послѣ окончанія полевыхъ работъ; и такъ какъ выращиваютъ ленъ у насъ почти исключительно мелкіе земледѣльцы, то они и пускаютъ въ продажу не льняную тресту, а вылущенныя изъ нея волокна. Возможность удержать въ рукахъ мелкихъ производителей эти операціи объясняется тѣмъ, что мочка тресты въ крупныхъ размѣрахъ не даетъ экономіи расходовъ; а при трепаніи льна экономія обусловливается лишь большей быстротой работы при примѣненіи механической силы. Но крестьяне соглашаются лучше выручать ничтожную сумму на своей малопроизводительной работѣ, нежели совершенно утратить источникъ заработка въ теченіе времени, свободнаго отъ сельскохозяйственныхъ занятій.

Такая организація приготовленія льняного волокна вредно отражается на достоинствѣ послѣдняго, такъ какъ крестьяне, предоставленные въ этомъ дѣлѣ исключительно своимъ силамъ и незнакомые съ требованіями внутренняго и внѣшняго рынковъ, употребляютъ самые первобытные пріемы, дающіе неудовлетворительное

волокно. Послѣднее окончательно портится вслѣдствіе организаціи льняной торговли, такъ какъ отъ крестьянъ волокно попадаетъ въ руки мелкихъ скупщиковъ, сильно эксплоатирующихъ крестьянъ и обманывающихъ своихъ покупателей, всячески фальсифицируя товаръ. Это создало очень плохую репутацію нашему льну на заграничныхъ рынкахъ, и за свой хорошій по натуральнымъ свойствамъ продуктъ Россія имѣетъ поэтому сравнительно незначительную выручку.

Начавъ прогрессировать въ то время, когда западная промышленность достигла значительнаго совершенства, наша льняная промышленность нуждалась, конечно, въ дѣятельной охранѣ отъ иностранной конкуренціи. Въ теченіе истекшаго столѣтія, подъ вліяніемъ мѣняющихся взглядовъ правящихъ сферъ, таможенныя пошлины на льняныя издѣлія и другіе предметы то возвышались, то опускались, и всякое ослабленіе таможеннаго покровительства вело тотчасъ къ усиленному ввозу иностранныхъ издѣлій. Только съ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія, когда таможенная пошлина на льняныя издѣлія была назначена въ 70 к. съ фунта,—что равносильно обложенію высшихъ сортовъ издѣлій на 20% ихъ цѣнности, среднихъ—на 40—50% и низшихъ еще болѣе, и послѣ того какъ эта пошлина два раза возвышалась на 20%—ввозъ заграничныхъ произведеній сталъ уменьшаться, и мы теперь получаемъ только батисты и другіе высшіе сорта льняныхъ тканей на сумму около одного милліона рублей въ годъ. Наши льняныя фабрики не могутъ производить самыхъ тонкихъ издѣлій, равно какъ и тонкихъ номеровъ льняной пряжи, которая и ввозится къ намъ, впрочемъ, всего только на нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ. По незначительности сбыта высшихъ сортовъ льняныхъ тканей капиталистамъ нѣтъ разсчета приспособлять свои заведенія къ приготовленію соотвѣтствующихъ продуктовъ въ то время, когда, благодаря высокой таможенной стѣнѣ, имъ обезпечены крупные барыши отъ производства среднихъ и низшихъ сортовъ издѣлій. Вывозимъ мы за границу льняныя издѣлія на сумму въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ.

Останавливаясь на современномъ состояніи нашей крупной льняной промышленности, мы не можемъ не подчеркнуть жалкихъ итоговъ многолѣтнихъ заботъ о ея процвѣтаніи особенно, если сравнить ее съ положеніемъ другой, родственной отрасли производства—обработки хлопка.

Въ 1900 году въ крупныхъ заведеніяхъ по обработкѣ льна, конопли и джута зянято было 80 тыс. рабочихъ, а въ предпріятіяхъ по обработкѣ хлопка 400 тыс. рабочихъ или въ 5 разъ болѣе; число механическихъ двигателей въ первой группѣ было 280, во второй 1900 или въ 7 разъ болѣе; механическихъ силъ въ нихъ 32 тыс. и 280 тыс.; въ хлопчатобумажной промышленности, слѣдовательно, въ 9 разъ болѣе; сумма выработки въ первой группѣ 67 милл. руб., во второй 531 милл. руб. или почти въ 8 разъ болѣе. Характеризуя среднее заведеніе той и другой отрасли мануфактурной промышленности, мы увидимъ слѣдующее между ними различіе.

Среднее заведеніе по обработкѣ льна, пеньки и конопли имѣетъ 178 рабочихъ, 80 паровыхъ силъ и вырабатываетъ въ теченіе года издѣлій на 168 тыс. рублей; среднее заведеніе по обработкѣ хлопка занимаетъ 550 рабочихъ, имѣетъ механическіе двигатели на 385 паровыхъ силъ, и стоимость его фабрикатовъ равняется 727 тыс. рублей. По всѣмъ важнѣйшимъ признакамъ хлопчатобумажная фабрика значительно превосходитъ заведеніе по обработкѣ другихъ волокнистыхъ матеріаловъ. Соотвѣтственно сказанному и производительность труда въ ней выше: стоимость выпускаемыхъ съ фабрики произведеній по расчету на одного рабочаго составляетъ въ льняномъ (и т. п.) дѣлѣ 840 руб., а въ обработкѣ хлопка 1.333 руб. или слишкомъ въ $1^1/_2$ раза больше. Судьба льняного и хлопчатобумажнаго производства въ Россіи хорошо иллюстрируетъ условія широкаго развитія капиталистической промышленности въ Россіи.

Обработка льна есть самый старый нашъ промыслъ; поощреніе фабричной формы производства началось еще при Петрѣ Великомъ; сырой матеріалъ высокихъ натуральныхъ качествъ приготовляется внутри страны и стоитъ очень дешево. Несмотря на всѣ эти благопріятныя условія, крупное производство льняныхъ издѣлій занимаетъ у насъ болѣе чѣмъ второстепенное мѣсто, и всѣ наши капиталистическія предпріятія вырабатываютъ пряжу и полотна на сумму не болѣе 50 милл. руб. въ годъ. Хлопчатобумажное дѣло появилось у насъ въ сколько-нибудь замѣтномъ размѣрѣ лишь въ XVIII вѣкѣ, развивалось на привозномъ матеріалѣ, не пользовалось активной поддержкой правительства въ видѣ казенныхъ заказовъ на ея издѣлія, и несмотря на это сдѣлалось одной изъ важнѣйшихъ на-

шихъ промышленныхъ отраслей, и стоимость всѣхъ его издѣлій, превышая 500 милл. рублей, въ 10 разъ превосходитъ стоимость издѣлій, вырабатываемыхъ въ теченіе года на всѣхъ крупныхъ льнопрядильныхъ и льноткацкихъ фабрикахъ. Это различіе судьбы той и другой промышленности находитъ себѣ объясненіе въ неодинаковомъ ихъ положеніи относительно сбыта издѣлій.

За неимѣніемъ внѣшнихъ рынковъ для своихъ произведеній, и та, и другая отрасли крупной мануфактурной промышленности могли у насъ основаться лишь при условіи широкаго распространенія ихъ издѣлій внутри страны. И хотя высокими таможенными пошлинами внутренній рынокъ былъ закрѣпленъ за обѣими отраслями, но объемъ его для продуктовъ льняной и хлопчатобумажной промышленности былъ очень различенъ.

Обѣ эти отрасли приготовляютъ предметы массового потребленія народа, которые въ прежнее время выдѣлывались частью домашнимъ, частью кустарнымъ путемъ. Широкое развитіе крупнаго капиталистическаго производства и возможно лишь на почвѣ массового потребленія. Въ данномъ случаѣ это развитіе достигалось путемъ вытѣсненія фабричнымъ издѣліемъ продукта мелкой промышленности. Такое вытѣсненіе было возможно при значительномъ удешевленіи фабричнаго издѣлія вслѣдствіе широкаго примѣненія въ производствѣ машинъ и механическихъ двигателей.

Если, послѣ сдѣланнаго разъясненія, мы обратимся къ исторіи крупной нашей льняной промышленности, то увидимъ, что въ первое время по возникновеніи крупныхъ фабрикъ по обработкѣ льна, въ XVIII и даже въ первой половинѣ XIX вѣка, онѣ не могли заставить замолчать мелкое производство и даже должны были пасовать передъ нимъ потому, что на фабрикахъ, какъ и въ мелкомъ производствѣ, издѣлія вырабатывались ручнымъ трудомъ. Когда же во второй половинѣ XIX столѣтія введено было механическое ткачество, и фабричныя льняныя ткани становились значительно дешевле предметовъ ручной выдѣлки, льняная капиталистическая промышленность встрѣтила на рынкѣ сбыта сильнаго себѣ соперника, также хорошо вооруженнаго въ техническомъ отношеніи—капиталистическое хлопчатобумажное производство.

Хлопчатобумажное производство водворилось у насъ путемъ, отличнымъ отъ льняного. Льняныя издѣлія начали приготовляться самими земледѣльцами изъ волокна, полученнаго въ собственномъ

хозяйствѣ. Хлопчатобумажное производство основывалось на привозномъ матеріалѣ, и водвореніе его въ Россіи не могло поэтому совершиться безъ участія торговца. И, дѣйствительно, около середины XVIII вѣка кущы и зажиточные крестьяне Московской и Владимірской губерній покупали заграничную бумажную пряжу и раздавали ее для тканья по деревнямъ, гдѣ было развито кустарное ткачество льняныхъ издѣлій. Благодаря сравнительной дешевизнѣ хлопка передъ льномъ, ткани изъ этого матеріала понемногу вытѣсняли льняныя издѣлія. Выгодность новаго промысла обратила вниманіе производителей на усовершенствованіе отдѣлки тканей, и хотя эти усовершенствованія производились капиталистами, устраивавшими фабрики, но такъ какъ основой этихъ послѣднихъ былъ ручной трудъ, то въ этой области, какъ и въ льноткацкой, фабрика повела къ большому распространенію кустарнаго производства. Фабричное производство бумажной ткани въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка не имѣло такихъ преимуществъ сравнительно съ кустарнымъ, чтобы заставить замолчать послѣднее. Значеніе указаннаго періода въ исторіи хлопчатобумажнаго производства въ Россіи заключается въ томъ, что въ это время бумажныя ткани кустарнаго производства, благодаря ихъ дешевизнѣ, болѣе и болѣе вытѣсняли въ потребленіи ткани льняныя кустарной и домашней выдѣлки.

Распространеніе типической фабричной формы обработки волокнистыхъ матеріаловъ сдѣлалось у насъ возможнымъ около средины истекшаго столѣтія, когда—вслѣдствіе отмѣны запрещенія вывоза изъ Англіи машинъ—наши капиталисты получили возможность свободно пользоваться всѣми завоеваніями техники, которыя съ такою быстротою совершались въ названной странѣ. Въ послѣдующее время обработка волокнистыхъ матеріаловъ на крупныхъ фабрикахъ стала распространяться больше и больше, а кустарное производство льняныхъ и бумажныхъ тканей, равно какъ и домашняя обработка (для потребленія семьи работающихъ) льняного волокна—болѣе и болѣе сокращалась. Выгодами этого процесса, однако, далеко не одинаково воспользовались оба подраздѣленія текстильной нашей промышленности. Хотя фабричное производство значительно удешевило и льняныя, и бумажныя ткани, и фабричное полотно и ситецъ успѣшно побивали соотвѣтственные продукты кустарнаго производства, но вслѣдствіе того обстоятельства, что бумажная ткань

болѣе и болѣе удешевлялась сравнительно съ льняною, вмѣстѣ съ процессомъ замѣны ручныхъ льняныхъ и бумажныхъ тканей машинными, совершался и процессъ замѣщенія въ потребленіи народныхъ массъ льняныхъ тканей бумажными. Въ настоящее время льняныя ткани потребляются почти исключительно зажиточными классами общества и тѣми крестьянскими семьями, которыя пользуются продуктами домашней выдѣлки. Масса же населенія, облекающаяся въ покупную ткань, пріобрѣтаетъ почти исключительно бумажныя матеріи.

Мы остановились на исторіи нашей льняной и хлопчатобумажной промышленности, потому что ею наглядно выясняются внутреннія условія широкаго распространенія у насъ капиталистической формы производства. При отсутствіи внѣшняго рынка для продуктовъ нашей крупной промышленности—послѣдняя можетъ получить широкое распространеніе лишь при условіи обширнаго внутренняго рынка для ея произведеній. Такой рынокъ имѣютъ бумажныя ткани, но его не имѣютъ ткани льняныя; и это несходство условій выразилось крупными различіями въ современномъ положеніи капиталистической хлопчатобумажной и льняной промышленности и въ отношеніи распространенія той и другой, и въ смыслѣ техническаго совершенства хлопчатобумажныхъ и льняныхъ фабрикъ.

Условіями внутренняго сбыта въ значительной мѣрѣ объясняется и застой нашей металлургіи въ теченіе первой половины XIX вѣка.

Выплавка металла требуетъ извѣстныхъ приспособленій, и тѣ пріемы, которые примѣнялись первыми нашими горнопромышленниками—крестьянами, могли давать лишь самое ограниченное количество желѣза. Поэтому, пока у насъ не были устроены, по иниціативѣ правительства, желѣзодѣлательные заводы на европейскій образецъ (полученіе изъ руды чугуна и обращеніе послѣдняго въ желѣзо), правительство, для своихъ надобностей, выписывало желѣзо изъ-за границы. Послѣ устройства такихъ заводовъ, благодаря обилію нашихъ залежей желѣзныхъ рудъ, Россія сама стала, какъ намъ извѣстно, экспортировать этотъ металлъ, и въ наличности внѣшняго рынка заключается одна изъ причинъ сравнительно значительнаго развитія въ концѣ XVIII вѣка нашей желѣзодѣлательной промышленности, потому что спросъ внутри Россіи на желѣзо, идущее, главнымъ образомъ, на промышленныя сооруженія, на сложныя приспособленія производства и т. п.,—за неразвитіемъ

крупной промышленности — былъ крайне ограниченъ. Въ такомъ же положеніи находилась въ то время желѣзодѣлательная промышленность и за границей. Крупная промышленность была и тамъ основана на ручномъ трудѣ, механическими двигателями были естественныя силы вѣтра и воды, и искусственныя приспособленія производства строились, главнымъ образомъ, изъ лѣсныхъ матеріаловъ. По высказаннымъ причинамъ спросъ на желѣзо былъ ограниченъ, и пріемы его добычи оставались неизмѣнными. Эти пріемы были затѣмъ усвоены Россіей, и потому-то мы и могли помѣщать избытки производимаго нами желѣза на внѣшніе рынки.

Положеніе стало измѣняться послѣ того, какъ главнымъ механическимъ двигателемъ сдѣлался паръ, и ручное производство разныхъ предметовъ стало замѣняться машиннымъ. Приспособленія производства, вызываемыя этими нововведеніями, требовали значительнаго количества желѣза; спросъ на послѣднее увеличился, и техника направила свои усилія на удешевленіе добычи этого металла. Усилія эти скоро увѣнчались успѣхомъ: желѣзо за границей стало производиться дешевле, спросъ внѣшняго рынка на нашъ металлъ сократился, вывозъ послѣдняго въ Европу упалъ. А такъ какъ техническая организація нашей промышленности не слѣдовала за тѣми измѣненіями, которыя совершались на Западѣ, то внутренняя потребность въ желѣзѣ оставалась неподвижной; неподвижной должна была быть поэтому и техника его добыванія. На протяженіи чуть не цѣлаго столѣтія (до половины XIX вѣка) наши заводы выплавливали почти одно и то же количество металла — около 10 милліоновъ пудовъ.

Дѣло могло измѣниться лишь послѣ того, какъ, благодаря техническому преобразованію промышленности, у насъ увеличится спросъ на машины, паровые двигатели, рельсы и т. п. Такое преобразованіе началось, какъ извѣстно, лишь въ срединѣ истекшаго столѣтія. Но и начало этого преобразованія мало отразилось на технической сторонѣ металлургіи потому, что, въ интересахъ всей нашей промышленности, фабрики, заводы и строющіяся желѣзныя дороги нужно было оборудовать готовыми приспособленіями, получаемыми изъ-за границы. Почва для сколько-нибудь широкаго развитія русской металлургической промышленности найдена была послѣ того, какъ мы научились сами строить приспособленія для оборудованія крупныхъ и сложныхъ промышленныхъ и транспортныхъ

предпріятій, и когда развитіе промышленности привело къ предъявленію большого спроса на приспособленія для такого оборудованія. Это случилось, однако, лишь очень недавно, да и то своими успѣхами наша металлургія обязана не столько ея собственнымъ усиліямъ, сколько поддержкѣ правительства, сооружавшаго массу желѣзныхъ дорогъ и заказывавшаго рельсы и другія принадлежности этого дѣла русскимъ заводамъ и предоставлявшаго всевозможныя льготы иностраннымъ капиталистамъ, чтобы побудить ихъ затрачивать свои средства на устройство въ Россіи, по иностраннымъ образцамъ, крупныхъ заводовъ.

Иллюстраціей всего сказаннаго могутъ служить слѣдующія данныя о послѣдовательной выплавкѣ въ Россіи чугуна. Выплавлялось у насъ милліоновъ пудовъ: въ 1767 г.—10; въ 1806—12; въ 1826 г.—10; въ 1856 г.—11; въ 1846 г.—13; въ 1856 г.—17; въ 1866 г.—19; въ 1876 г.—25; въ 1886 г.—32; въ 1896 г.—98; въ 1904 г.—180 мммліоновъ пудовъ.

Эти данныя показываютъ, что сколько-нибудь значительное развитіе русская металлургическая промышленность получила лишь въ послѣднія 15—20 лѣтъ. Съ 1890 по 1900 гг., выплавка чугуна съ 57 милл. пуд. поднялась до 179 милл. пуд., т.-е. увеличилось на 122 милл. пуд.; среднее ежегодное возрастаніе составляетъ, слѣдовательно, 12 милліоновъ пудовъ.

Россіи, какъ молодой странѣ, приходится учиться у своихъ цивилизованныхъ сосѣдей болѣе совершеннымъ способамъ удовлетворенія ея умственныхъ, общественныхъ и матеріальныхъ потребностей. Это обученіе заключается въ заимствованіи чужихъ идей, знаній, практическихъ пріемовъ, готовыхъ орудій и другихъ приспособленій военнаго дѣла, промышленности и т. д. и, наконецъ, свѣдущихъ лицъ для организаціи, по западнымъ образцамъ, новыхъ учрежденій и предпріятій. Иностранное вліяніе играло огромную роль и въ развитіи нашего капиталистическаго производства.

Если остановиться на исторіи того содѣйствія, какое оказывала Западная Европа развитію нашей индустріи, то мы увидимъ, что формы этого содѣйствія не оставались все время неизмѣнными. Первоначально Россія заимствовала у иностранцевъ преимущественно мастеровъ, техниковъ, организаторовъ новыхъ промышленныхъ предпріятій; затѣмъ, видную роль въ этихъ заимствованіяхъ начали играть машины и другія приспособленія для организаціи высшихъ

образцовъ промышленныхъ предпріятій; потомъ она стала занимать за границей денежныя средства для оборудованія своей промышленности, и, наконецъ, она открываетъ свои двери для широкаго пріема иностранныхъ промышленныхъ капиталовъ. Такая послѣдовательность въ развитіи иностраннаго вліянія на русскую промышленность находитъ себѣ объясненіе въ слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Первоначально, когда повсюду въ производствѣ имѣлъ преобладаніе ручной трудъ, и различіе произведеній разныхъ странъ обусловливалось различіемъ искусства ремесленника,—отсталая страна, для поднятія своей промышленности, нуждалась, главнымъ образомъ, въ лицахъ, которыя могли бы научить ее лучшимъ пріемамъ ручного труда; поэтому, молодая Россія приглашала изъ-за границы мастеровъ и ремесленниковъ. Но когда ручной трудъ уступилъ мѣсто машинѣ,—матеріальной основой промышленности сдѣлались сложныя приспособленія, которыя умѣли производить лишь тѣ страны, гдѣ онѣ были изобрѣтены. Въ это время успѣхи промышленнаго развитія отсталой страны зависѣли отъ возможности полученія изъ-за границы, вмѣстѣ съ руководителями по организаціи новаго типа промышленныхъ предпріятій, и тѣхъ матеріальныхъ предметовъ (машинъ и другихъ приспособленій производства), безъ которыхъ невозможно устройство послѣднихъ. Въ это время и Россія не только приглашала изъ-за границы техниковъ, но—какъ только въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія было отмѣнено запрещеніе вывоза англійскихъ машинъ—получала оттуда и послѣднія.

Съ теченіемъ времени культурный уровень нашей страны поднимался, были приняты мѣры къ развитію общаго и спеціальнаго образованія, и постепенно создавался контингентъ свѣдущихъ техниковъ и инженеровъ. Потребность Россіи въ иностранныхъ техникахъ послѣ этого ослабѣла; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, создавались новыя формы зависимости нашей промышленности отъ Запада. Оборудованіе современныхъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій стоитъ такъ дорого, что для быстраго промышленнаго развитія отсталой страны нельзя обойтись безъ займовъ у богатыхъ передовыхъ націй, имѣющихъ всегда избытки капиталовъ. Къ займамъ собственно денежныхъ суммъ Россія (какъ и другія государства, находившіяся въ аналогичныхъ условіяхъ) обращалась преимущественно съ цѣлью сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ, безъ широкаго распространенія которыхъ невозможно и широкое развитіе крупной промышленности.

Но занимаемые съ этой цѣлью у иностранцевъ капиталы обращались на пріобрѣтеніе за границей же рельсовъ, локомотивовъ и другихъ приспособленій желѣзнодорожнаго дѣла, потому что, при слабомъ развитіи соотвѣтствующихъ отраслей въ Россіи, задача быстраго сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ могла быть выполнена лишь при условіи употребленія иностранныхъ строительныхъ матеріаловъ и другихъ принадлежностей.

Хотя огромное большинство предпринимателей по сооруженію русскихъ желѣзныхъ дорогъ были русскіе, и огромное большинство инженеровъ, строившихъ русскія желѣзныя дороги, получили образованіе въ Россіи, но на этомъ основаніи нельзя утверждать, что осуществленіе плана оборудованія нашей страны желѣзными дорогами обязано исключительно русскимъ исполнителямъ. Гораздо болѣе трудной операціей, чѣмъ проложеніе полотна дороги и проведеніе рельсоваго пути, было приготовленіе самихъ рельсовъ, локомотивовъ, мостовыхъ частей и т. п., и насколько эти матеріалы и приспособленія получались изъ-за границы, настолько иностранные промышленники и техническіе дѣятели должны считаться участниками въ проведеніи нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Различіе ихъ участія въ этомъ дѣлѣ отъ участія русскихъ инженеровъ и промышленныхъ дѣятелей заключалось въ томъ, что одни работали для нашихъ дорогъ за границей, а другіе—въ Россіи. Это различіе изгладилось на слѣдующей стадіи эволюціи русской промышленности, когда правительство въ управленіе финансами Вышнеградскимъ и Витте, задалось цѣлью вызвать, во что бы то ни стало, быстрое развитіе русской промышленности и приступило къ форсированному сооруженію желѣзныхъ дорогъ не съ цѣлью только оборудованія страны хорошими путями сообщеній, но и для того, чтобы открыть рынокъ для русскихъ фабрикъ и заводовъ и вызвать умноженіе этихъ послѣднихъ. Новѣйшій періодъ нашего желѣзнодорожнаго строительства отличается поэтому отъ прежнихъ въ томъ отношеніи, что строительные матеріалы и другія принадлежности не выписывались изъ-за границы, а производились въ Россіи. Производство того огромнаго количества матеріаловъ, какое требовалось для сооруженія въ теченіе какихъ-нибудь 10—12 лѣтъ новыхъ 30 тысячъ верстъ рельсовыхъ путей, не могло быть выполнено старыми немногочисленными и плохо оборудованными нашими фабриками и заводами. Для этого требовалось быстрое сооруженіе цѣлой серіи новыхъ предпріятій, удовле-

творяющихъ всѣмъ требованіямъ современной техники. Поэтому иностранные капиталы привлекались къ намъ въ это время не только для непосредственной затраты на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ; они требовались для того, чтобы воздвигать фабрики и заводы.

Привлеченіе иностранныхъ капиталовъ къ непосредственному сооруженію рельсовой сѣти производилось у насъ путемъ займовъ подъ гарантію государства, которому принадлежитъ высшее руководство желѣзнодорожной политикой и контроль надъ финансовымъ хозяйствомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Капиталы, требующіеся для сооруженія и веденія частныхъ промышленныхъ предпріятій, не могли придти въ Россію подъ формою правительственныхъ займовъ. Правительство привлекало эти капиталы, заинтересовывая ихъ владѣльцевъ крупными барышами отъ помѣщенія ихъ въ русскія промышленныя предпріятія. Эти капиталы являлись поэтому въ Россію не сами по себѣ, какъ въ случаѣ правительственныхъ займовъ, а вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами, прибывавшими къ намъ для устройства новыхъ промышленныхъ предпріятій. Эти предпріятія, отъ того или иного веденія коихъ зависѣли барыши или убытки ихъ хозяевъ, должны были, конечно, устраиваться по мысли и разумѣнію послѣднихъ. А это значитъ, что иностранные капиталисты обращались въ непосредственныхъ дѣятелей русской промышленности.

Соотвѣтственно описанному на предыдущихъ страницахъ измѣненію и усложненію формъ участія цивилизованныхъ націй въ развитіи русской промышленности, измѣняется и глубина воздѣйствія западнаго промышленнаго строя на строй русскій.

Когда мы приглашаемъ къ себѣ только иностранныхъ техниковъ, мы используемъ научныя пріобрѣтенія цивилизаціи въ томъ видѣ и объемѣ, какъ это предопредѣляется накопленіемъ мѣстныхъ капиталовъ. Когда мы занимаемъ у иностранцевъ деньги, мы избавляемся въ своихъ промышленныхъ дѣлахъ отъ ограниченія, налагаемаго недостаткомъ мѣстныхъ капиталовъ; но мы оперируемъ приливающими изъ-за границы суммами соотвѣтственно своему пониманію очередныхъ задачъ, своей предпріимчивости, своему умѣнію и т. д. Но когда мы открыли свои двери для промышленнаго капитала, то получили въ свое пользованіе не только матеріальные факторы производства, для употребленія ихъ въ дѣло сообразно нашему пониманію послѣдняго и нашей предпріимчивости. Вмѣстѣ съ этимъ въ ряды русскихъ промышленныхъ дѣятелей вступаютъ иностранные

предприниматели—наиболѣе предпріимчивые, сильные своей технической опытностью, знаніемъ коммерческихъ отношеній и дѣловыми связями съ различными странами. Здѣсь мы получаемъ изъ чужой страны не только голые факторы производства (капиталъ и трудъ), которые мы могли бы комбинировать по-своему, но и промышленно-коммерческій геній высшаго порядка, который будетъ дѣйствовать у насъ по-своему.

Въ Россіи можно различать нѣсколько главныхъ промышленныхъ районовъ, развившихся подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ иностранцевъ.

Великороссійскій районъ, представляемый преимущественно московскимъ промышленнымъ округомъ, есть самый древній и характеризуется высокимъ состояніемъ мануфактурной промышленности; уральскій горный районъ, основаніе которому положено мѣрами правительства конца XVII и начала XVIII вѣка; бакинскій нефтепромышленный районъ, видная исторія котораго начинается съ 60 — 70-хъ годовъ; горный донецкій районъ, развившійся еще позже, и польскій районъ смѣшанныхъ производствъ.

Наибольшей постепенностью и, такъ сказать, органичностью развитія отличается мануфактурный, центральный районъ. Данная промышленность имѣетъ здѣсь самостоятельное происхожденіе и первоначально, какъ намъ извѣстно, возникла въ формѣ домашняго, а затѣмъ кустарнаго производства льняныхъ и пеньковыхъ тканей. Мѣры правительства къ насажденію у насъ крупнаго производства привели, какъ мы знаемъ, къ распространенію и усовершенствованію мелкаго производства. Во второй половинѣ XVIII вѣка и въ первой половинѣ XIX столѣтія мелкая льняная промышленность, мало-по малу, замѣщается мелкимъ же хлопчатобумажнымъ производствомъ, а съ половины истекшаго вѣка обнаруживается быстрое развитіе крупныхъ фабрикъ и соотвѣтствующее сокращеніе мелкой формы производства. Московскій мануфактурный районъ приготовлялъ издѣлія для отдаленныхъ районовъ. Поэтому необходимымъ звеномъ въ его организаціи явился торговецъ. Понемногу въ его руки переходило и доставленіе кустарямъ сырого матеріала, особенно послѣ того, какъ стало распространяться кустарное ткачество хлопчатобумажныхъ издѣлій изъ привозной пряжи. Это содѣйствовало обращенію самостоятельнаго кустарнаго промысла въ домашнюю систему капиталистической промышленности, превращенію торговца въ про-

мышленнаго предпринимателя. Такимъ образомъ, въ центральномъ мануфактурномъ районѣ давно образовались классы предпринимателей и рабочихъ; первые эксплуатировали вторыхъ и наживали крупные капиталы.

Благодаря описанному положенію дѣлъ, мануфактурная промышленность, для ея превращенія въ систему крупныхъ фабричныхъ предпріятій, не нуждалась въ иностранныхъ капиталахъ, и западное вліяніе оказало ей крупную услугу доставленіемъ свѣдущихъ лицъ, усовершенствованныхъ машинъ и другихъ принадлежностей крупныхъ предпріятій. Такъ, усовершенствованіе нашей льноткацкой промышленности связано съ именемъ иностранца Томеса, устраивавшаго въ первой половинѣ XVIII вѣка, единолично или въ союзѣ съ русскими капиталистами, полотняныя фабрики въ Москвѣ, Ярославлѣ, близъ с. Иванова Владимірской губерніи. Въ половинѣ того же столѣтія основаны были первыя ситцевыя фабрики англичанами Чемберленомъ и Козенсомъ въ Петербургѣ, нѣмцемъ Лейманомъ въ Шлиссельбургѣ. На фабрикѣ Леймана научились новымъ пріемамъ набивки ситцевъ промышленники извѣстнаго села Иванова Владимірской губерніи, — сдѣлавшагося затѣмъ однимъ изъ главныхъ центровъ хлопчатобумажнаго производства. Послѣ отечественной войны усовершенствованію ситцепечатанія способствовали военноплѣнные французы. Но наибольшую услугу этой операціи хлопчатобумажной промышленности оказали эльзасецъ Циндель и Гюбнеръ, примѣнившіе къ производству машины. Основанныя ими фабрики существуютъ и по настоящее время. Другія отрасли мануфактурной промышленности развились также при участіи иностранцевъ. Первыя канатныя фабрики учреждены англичанами. Первая механическая льнопрядильная была сооружена (въ Польшѣ) подъ руководствомъ изобрѣтателя механическаго пряденія льна — Филиппа де-Жирара. Англичанинъ Торнтонъ открылъ въ 1841 году суконную фабрику въ Петербургѣ; Губардъ въ 1844 году основалъ тамъ же бумагопрядильню; братья Шау—бумагопрядильню и ткацкую фабрику и т. д.

Когда, послѣ отмѣны запрещенія вывоза англійскихъ машинъ, русской мануфактурной промышленности открылась возможность сдѣлать крупный шагъ на пути усовершенствованія и капиталистической концентраціи производства и замѣнить ручное ткачество машиннымъ — оборудованіе русскихъ фабрикъ иностранными машинами удобнѣе было взять на себя иностранцамъ. Этотъ фазисъ развитія

мануфактурной промышленности центральнаго района, дѣйствительно, связанъ съ именемъ иностранца. Иностранецъ этотъ — Людвигъ Кнопъ, прибывшій въ Россію въ 1839 году въ качествѣ представителя англійской торговой фирмы, вывозившей въ Россію англійскую пряжу. Кнопъ нашелъ здѣсь себѣ болѣе широкую дѣятельность, чѣмъ посредничество между производителями и потребителями англійской хлопчатобумажной пряжи. Близко сойдясь съ московскими промышленниками и имѣя широкія связи съ дѣловыми сферами Англіи, Кнопъ сдѣлался спеціалистомъ по оборудованію нашихъ мануфактурныхъ предпріятій на заграничный манеръ. Такъ какъ, благодаря запрещенію вывоза англійскихъ машинъ, бумаготкацкій промыселъ (основанный, главнымъ образомъ, на ручномъ трудѣ) пользовался у насъ преимущественно англійской пряжей и послѣ отмѣны этого запрещенія у насъ предстояла оживленная дѣятельность именно по развитію механическаго пряденія, то Кнопъ, прибывшій въ Россію наканунѣ этой отмѣны, началъ свою дѣятельность съ помощи этому именно дѣлу. Имъ были построены и оборудованы рядъ бумагопрядиленъ, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, а такъ какъ Россія того времени не имѣла достаточнаго контингента искусныхъ рабочихъ, мастеровъ и инженеровъ, то Кнопъ, вмѣстѣ съ англійскими машинами, выписывалъ и англійскихъ служащихъ и рабочихъ и какъ бы цѣликомъ переносилъ изъ Англіи въ Россію отдѣльныя промышленныя предпріятія.

„Въ это же время происходилъ переходъ отъ ручной къ механической работѣ и нашего ткацкаго дѣла, и тотъ же Кнопъ явился оборудователемъ механическихъ ткацкихъ фабрикъ въ области обработки хлопка, льна и шерсти. Еще позже онъ оказался такимъ же дѣятельнымъ посредникомъ по выпискѣ изъ-за границы принадлежностей для другихъ отдѣловъ текстильной промышленности: крашенія, отбѣлки, набивки и т. д. О значеніи Кнопа для мануфактурной промышленности центральнаго района можно судить потому, что имъ было основано 122 прядильныхъ фабрики. Признаніе такого значенія Кнопа мѣстнымъ населеніемъ выразилось въ сложившейся о немъ поговоркѣ: „гдѣ церковь — тамъ попъ, а гдѣ фабрика — тамъ Кнопъ“.

Но кромѣ тѣхъ иностранцевъ, имена которыхъ приведены на страницахъ нашего труда, въ организаціи русской мануфактурной промышленности принимало участіе множество иностранныхъ выход-

цевъ, устраивавшихъ фабрики при участіи русскихъ капиталистовъ, управлявшихъ заведеніями, основанными на русскія деньги, работавшими на фабрикахъ въ качествѣ инженеровъ, мастеровъ, надсмотрщиковъ и т. п. Значеніе иностранцевъ въ исторіи нашей мануфактурной промышленности обусловливалось тѣми знаніями и навыками, которыя приносились ими въ Россію, и съ этой точки зрѣнія учителями и воспитателями русской промышленности, кромѣ лицъ, имена которыхъ занесены на страницы исторіи, являются еще тысячи неизвѣстныхъ иностранныхъ инженеровъ, руководившихъ и продолжающихъ по сей день руководить технической частью на русскихъ фабрикахъ.

„Благодаря иностранцамъ—говоритъ В. Н. Оглоблинъ—русскія хлопчатобумажныя фабрики быстро и безъ особыхъ затрудненій ввели у себя всѣ тѣ техническіе пріемы, аппараты, машины, которые заграничныя фабрики получали послѣ продолжительнаго времени и упорнаго труда. Еще недалеко то время, когда директорами, мастерами, техниками, рисовальщиками и т. п. на прядильныхъ, ткацкихъ и ситцевыхъ фабрикахъ петербургскаго, московскаго и новки-иваново-кинешемскаго районовъ приглашались исключительно иностранцы. Англичане не мало построили здѣсь и оборудовали прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ“. Русская мануфактурная промышленность до сихъ поръ не освободилась отъ техническаго руководства иностранцевъ. „На ситцевыхъ фабрикахъ не только крупныхъ, но даже среднихъ приглашаются очень часто иностранные техники въ директоры, колористы, химики, рисовальщики мастера: печатные, граверные, красильные, отдѣлочные и др. Введя усовершенствованные пріемы производства и строго придерживаясь системы „секретовъ“, заграничные техники продолжительное время отстраняли русскихъ отъ практическаго изученія хлопчатобумажнаго производства“. И только въ видѣ рѣдкихъ исключеній крупныя фабрики принимали русскихъ техниковъ и давали имъ возможность изучить эту важнѣйшую нашу отрасль промышленности [1]).

Въ развитіи капиталистической мануфактурной промышленности центральнаго района западное вліяніе проявлялось доставленіемъ образцовъ для ея организаціи, свѣдущихъ лицъ, осуществлявшихъ необходимыя преобразованія, машинъ и другихъ приспособленій для оборудованія крупныхъ предпріятій. Что же касается капиталовъ,

[1]) Вѣстникъ Финансовъ, промышленности и торговли. 1906 г

то русскій мануфактурный районъ обходился своими собственными. Равнымъ образомъ и фабриканты-предприниматели въ огромномъ большинствѣ были русскіе. Развитіе мануфактурной промышленности въ центральномъ районѣ можно поэтому считать органическимъ продуктомъ русской жизни, сложившимся, однако, подъ сильнымъ вліяніемъ иностранцевъ.

Такимъ же органическимъ продуктомъ русской исторіи нужно считать и образованіе уральскаго горнопромышленнаго района.

Исторія нашей металлургической промышленности, тѣмъ не менѣе, рѣзко отличается отъ мануфактурной въ томъ отношеніи, что первая не была, подобно послѣдней, преимущественно связана съ мелкой формой производства. Первыя наши попытки добычи желѣза имѣли, правда, кустарный характеръ: крестьяне получали желѣзо изъ глыбовой руды, которую они плавили въ кузнечныхъ горнахъ. Но этотъ способъ производства доставлялъ лишь самое ничтожное количество металла. А когда правительству понадобилось для военныхъ цѣлей значительное количество послѣдняго, ему пришлось устраивать металлургическія заведенія по образцу иностранныхъ. Попытки этого рода относятся еще къ XVI вѣку, и металлургическіе заводы устраивались въ Вологодской губ., въ Тульской, Олонецкой и, наконецъ, на Уралѣ. Вслѣдствіе богатства залежами минераловъ, Уралъ скоро превратился въ спеціальный горнопромышленный округъ.

Начало металлургической промышленности на Уралѣ положено было, главнымъ образомъ, мѣрами Петра I. Онъ строилъ здѣсь заводы и передавалъ ихъ предпріимчивымъ людямъ вмѣстѣ съ огромными площадями земли (въ томъ числѣ лѣса) и жившими на нихъ крестьянами, которые обязывались выполнять разныя работы на заводахъ и для заводовъ. Другимъ лицамъ прямо отводилась земля съ обязательствомъ разыскивать на ней руду, строить заводы, добывать желѣзо, лить изъ него пушки и т. п. Такимъ путемъ образовались огромныя посессіонныя владѣнія Демидовыхъ, Строгановыхъ. Турчаниновыхъ, Шуваловыхъ и т. д. Первые шаги уральской промышленности связаны съ именемъ иностранца Геннина, назначеннаго для управленія горнымъ дѣломъ на Уралѣ. Но послѣдующая исторія уральской промышленности знаетъ почти исключительно русскихъ предпринимателей, и до самаго послѣдняго времени иностранцы къ ней почти не прикасались.

Слабое участіе иностранцевъ въ развитіи уральской промышленности объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, за отсутствіемъ сколько-нибудь широкаго спроса на желѣзо внутри страны, доведеніе этой промышленности до высокаго ея уровня на Западѣ представлялась ненужнымъ и невозможнымъ. Дѣйствительно, производство въ Россіи чугуна къ концу царствованія Петра I достигло $6^1/_2$ милл. пуд.; послѣ того оно поднялось до 10 милл. пудовъ и стояло на этой цифрѣ до средины XIX столѣтія. Но и этого количества было много для внутренняго рынка, и отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ годового производства чугуна Россія отправляла за границу.

Дореформенная Россія съ ея грунтовыми дорогами, деревянными постройками и орудіями производства, употребляемыми мелкими промышленниками и при возможности полученія сложныхъ металлическихъ приспособленій изъ-за границы—мало нуждалась въ желѣзѣ. Значительный спросъ на желѣзныя издѣлія могъ возникнуть лишь съ сооруженіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, т.-е. послѣ реформы. Правительство, дѣйствительно, и предполагало воспользоваться этимъ для развитія внутренней промышленности и обязывало строющіяся дороги употреблять матеріалы внутренняго производства. Но такъ какъ строгое выполненіе такихъ распоряженій имѣло бы послѣдствіемъ крайне медленное и неудовлетворительное въ техническомъ отношеніи исполненіе задачи оборудованія страны рельсовыми путями, то пришлось примириться съ многочисленными отступленіями отъ этихъ предположеній, и можно сказать, что до конца 70-хъ годовъ желѣзныя дороги сооружались, главнымъ образомъ, изъ иностранныхъ матеріаловъ. Уральская же металлургическая промышленность пребывала на низкой ступени развитія.

Энергичныя заботы о развитіи русской металлургической промышленности правительство проявило, какъ намъ уже извѣстно, лишь въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, когда оно начало форсированнымъ темпомъ сооружать рельсовую сѣть. Но въ это время уральскій горный районъ получилъ опаснаго соперника въ донецкомъ районѣ, который и воспользовался представившейся возможностью широкаго развитія горной и каменноугольной промышленности, причемъ иностранцы сыграли здѣсь еще болѣе видную роль, нежели та, какая принадлежала имъ въ исторіи нашей мануфактурной промышленности.

Прежде, однако, чѣмъ излагать исторію донецкаго горнопро-

мышленнаго района, нужно сказать нѣсколько словъ о польской промышленности, представляющей образецъ новой формы западнаго вліянія.

Главныя отрасли промышленности Царства Польскаго — мануфактурная, затѣмъ каменноугольная и металлургическая.

Мануфактурная промышленность здѣсь — болѣе старая, но она не находится, какъ въ центральномъ нашемъ районѣ, въ преемственной связи съ мѣстнымъ производствомъ тканей. Первые зачатки этой промышленности положены иностранными ремесленниками, нарочно для этого приглашавшимися изъ-за границы въ первой четверти XIX вѣка. Въ послѣдующемъ ея развитіи первенствующую роль играли также иностранцы. Благопріятнымъ условіемъ для развитія этой промышленности, которымъ воспользовались иностранные капиталисты, было уничтоженіе въ 1850 г. таможенной пошлины, взимавшейся при ввозѣ польскихъ издѣлій въ Россію; этимъ для польскихъ издѣлій былъ открытъ огромный рынокъ сбыта, образуемый многочисленнымъ населеніемъ Россіи. Послѣ этого въ названномъ краѣ стали открываться (тоже иностранцами) и крупные металлургическіе заводы. Новый еще болѣе рѣшительный толчокъ развитію польской промышленности данъ былъ сильнымъ возвышеніемъ таможенныхъ пошлинъ на иностранныя издѣлія въ концѣ 70-хъ годовъ. При прежнихъ умѣренныхъ тарифахъ, въ Германіи у польской границы возникъ рядъ фабрикъ и заводовъ, производившихъ товары для Россіи. Послѣ возвышенія пошлины на эти товары, нѣмецкіе капиталисты перенесли свои предпріятія черезъ границу и основали ихъ въ польскомъ краѣ. Новое поднятіе таможенныхъ пошлинъ въ 1892 г. усилило приливъ въ этотъ край иностранныхъ предпринимателей и дало новый толчокъ развитію польской промышленности.

Все вышеизложенное хорошо иллюстрируется слѣдующими данными о развитіи польской промышленности. Въ 1860 году, т.-е. черезъ десять лѣтъ послѣ уничтоженія таможенной стѣны между Польшей и Россіей, сумма польскихъ производствъ оцѣнивалась въ 32 милл. руб.; въ теченіе слѣдующихъ 10 лѣтъ производство возросло на 35 милл. руб., въ слѣдующія 10 лѣтъ—на 100 милл. руб., отъ 1880 до 1893 г. производительность польскихъ фабрикъ поднялась на 60 милл. руб., а съ 1893 по 1897 г. она увеличилась на 200 милл. руб., и въ 1897 г. составляла уже 426 милл. рублей.

Итакъ, польская промышленность есть всецѣло созданіе иностранцевъ. Западная Европа дала польскому краю не только техниковъ и машины, но и капиталы и самихъ предпринимателей.

Приблизительно то же самое слѣдуетъ сказать и о донецкомъ горнопромышленномъ районѣ. Но отличіе этого района отъ польскаго состоитъ въ томъ, что тогда какъ польская промышленность не только не получала активной поддержки со стороны правительства. но, подъ вліяніемъ жалобъ на ея конкуренцію московскихъ мануфактуристовъ, принимались мѣры стѣсненія прилива въ Польшу иностранцевъ – иностранная донецкая промышленность получала всяческую поддержку и поощреніе правительства. Польская промышленность являетъ поэтому образецъ перенесенія въ Россію иностранной промышленности, при условіи свободной конкуренціи между промышленными предпріятіями. Донецкая же промышленность есть образецъ комбинаціи частнаго предпринимательства съ правительственнымъ поощреніемъ. По ея происхожденію ее можно считать полугосударственнымъ учрежденіемъ.

Минеральныя богатства юга Россіи обратили на себя вниманіе правительства еще въ концѣ XVIII вѣка, и съ тѣхъ поръ неоднократно предпринимались попытки развить тамъ на казенный счетъ чугуноплавильное производство. Попытки эти, однако, оканчивались неудачно, и въ шестидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія рѣшено было предоставить это дѣло частному капиталу. Первоначально за него взялись русскіе предприниматели. Въ 1866 году кн. Кочубею была выдана концессія на устройство на югѣ заводовъ для выдѣлки рельсовъ изъ туземныхъ матеріаловъ, а въ 1869 г. такое же обязательство было возложено на строителя курско-харьково-азовской желѣзной дороги, Полякова. Послѣдній совершенно не выполнилъ этого обязательства, а первый тщетно пытался основать въ Россіи общество для осуществленія концессіи и, въ концѣ концовъ, переуступилъ свои права англичанину Юзу, который выхлопоталъ себѣ у правительства большія привилегіи. Основанное Юзомъ „Новороссійское общество каменноугольнаго, желѣзнаго и рельсоваго производства“ получило отъ правительства безвозмездно землю съ залежами рудъ и угля, заказъ на три милліона пудовъ рельсовъ, премію въ 50 копѣекъ за каждый пудъ этихъ рельсовъ и концессію на желѣзную дорогу въ 85 верстъ, долженствующую прорѣзать районъ. Такимъ образомъ, въ 1872 году

возникъ въ донецкомъ районѣ первый чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ, который оставался здѣсь единственнымъ (былъ еще почти недѣйствовавшій заводъ Пастухова) до начала восьмидесятыхъ годовъ. Замедленіе дѣла дальнѣйшаго распространенія на югѣ металлургическаго производства зависѣло, между прочимъ, отъ бѣдности донецкаго района желѣзною рудою.

Русской предпріимчивости скоро представился новый случай показать себя и поработать на пользу промышленнаго развитія страны. Екатеринославскій помѣщикъ А. Н. Поль занялся изученіемъ рудныхъ богатствъ въ мѣстности Кривой Рогъ Херсонской губерніи и, наткнувшись здѣсь въ половинѣ 1860-хъ годовъ на желѣзную руду, потратилъ все свое состояніе на изслѣдованіе, при помощи русскихъ и иностранныхъ инженеровъ, ея залежей. Когда богатство рудныхъ мѣсторожденій было этими изслѣдованіями твердо установлено, Поль началъ пріискивать капиталистовъ для ихъ разработки. Но на свои предложенія въ Россіи онъ встрѣчалъ отказъ, а за свою энергію получилъ отъ соотечественниковъ прозвище „чудака“. Въ концѣ 1870-хъ годовъ Поль рѣшилъ, наконецъ, обратиться къ иностранцамъ. Результатомъ этого было основаніе въ 1880 г. „Французскаго общества криворожскихъ рудъ“, выстроившаго одинъ заводъ; въ 1887 г. на югѣ былъ выстроенъ другой заводъ и въ 1891 году — третій.

Изъ сказаннаго видно, что въ то время, когда главными мѣрами правительства, поощрявшаго развитіе металлургической промышленности, была выдача премій за выдѣлку рельсовъ изъ туземнаго чугуна, распространеніе этой промышленности въ донецкомъ районѣ шло очень медленно, можно сказать даже, что оно только начиналось. Быстрое же оборудованіе обширнаго южнаго горнопромышленнаго района совершилось въ теченіе девяностыхъ годовъ истекшаго столѣтія, когда правительство не щадило средствъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, а приготовленіе для нихъ рельсовъ и другихъ принадлежностей поручало иностраннымъ капиталистамъ съ тѣмъ, чтобы они устраивали для этого заводы въ Россіи.

Бельгійскіе и французскіе капиталисты не замедлили воспользоваться представившимся имъ случаемъ перенести свою дѣятельность въ новый край, открывавшій возможность наживать безъ всякаго риска крупные барыши. О результатахъ такой политики какъ для нашей металлургической промышленности вообще, такъ и для

относительнаго участія въ производствѣ различныхъ горнопромышленныхъ районовъ въ частности можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Съ 1890 по 1900 г. производство въ Россіи чугуна увеличилось съ 56 до 180 милл. пудовъ, т.-е. возросло слишкомъ втрое. При этомъ въ старомъ, Уральскомъ районѣ выплавка чугуна поднялась съ 28 до 50 милліоновъ пудовъ или на 80%: въ Польскомъ районѣ, гдѣ орудовалъ иностранный капиталъ, не получавшій отъ правительства особыхъ льготъ, выплавка чугуна поднялась съ 8 до 18 милл. пуд., т.-е. на 125%; въ Донецкомъ же районѣ, куда иностранные капиталы усиленно привлекались властью, выплавка чугуна увеличилась съ 13 до 92 милл. пуд., т.-е. почти въ 8 разъ. Въ 1890 году южный районъ давалъ $^1/_5$ часть выплавляемаго въ Россіи чугуна, а въ 1900 г.— половину.

Привлеченіе къ участію въ нашемъ промышленномъ развитіи въ истекшее десятилѣтіе крупныхъ иностранныхъ капиталовъ дало возможность капиталистической промышленности сдѣлать въ это время, сравнительно, очень крупный шагъ впередъ. Объ этомъ можно судить потому, что съ 1890 по 1900 г. производительность нашихъ фабрикъ и заводовъ увеличилась вдвое. Съ нѣрымъ преувеличеніемъ можно на этомъ основаніи полагать, что за указанное десятилѣтіе какъ бы создано столько производительныхъ средствъ, сколько было ихъ накоплено за все предшествующее время. Такой результатъ могъ быть достигнутъ только потому, что, кромѣ мѣстныхъ, медленно накопляющихся капиталовъ, къ устройству новыхъ фабрикъ и заводовъ были привлечены иностранныя средства.

Другимъ послѣдствіемъ быстраго оборудованія, при помощи иностранныхъ капиталовъ, русской промышленности, было сильное увеличеніе производительности промышленнаго труда. Расширеніе производства при помощи мѣстныхъ капиталовъ будетъ происходить, главнымъ образомъ, путемъ усовершенствованія существующихъ заведеній и въ меньшей степени устройствомъ новыхъ фабрикъ и заводовъ, потому что ни одинъ фабрикантъ не пожелаетъ закрыть свою еще приносящую доходъ старую фабрику для того, чтобы выстроить болѣе совершенную. Но когда является иностранный капиталистъ, онъ устраиваетъ новое, наиболѣе крупное и совершенное заведеніе, потому что отъ величины и техническаго совершен-

ства предпріятія зависятъ высота его прибылей и успѣхъ въ борьбѣ съ конкурентами. Поэтому приливъ иностранныхъ капиталовъ повышаетъ производительность промышленныхъ предпріятій, и районы, оборудованные иностранными капиталистами, отличаются болѣе высокой производительностью труда. Такъ какъ польскій и донецкій районы оборудованы иностранными предпринимателями, то производительность труда въ этихъ районахъ выше, нежели въ московскомъ мануфактурномъ и уральскомъ горнопромышленномъ. Разница между польскимъ и московскимъ районами не можетъ быть, впрочемъ, очень значительной, потому что, если бы московскіе фабриканты не старались идти въ уровень съ польской промышленностью, ихъ издѣлія были бы вытѣснены польскими съ общихъ для нихъ рынковъ. Усовершенствованіе польской промышленности побуждало поэтому и московскихъ фабрикантовъ улучшать свои заведенія. Тѣмъ не менѣе, въ 1897 г. одинъ рабочій въ мануфактурной промышленности Польши вырабатывалъ издѣлій въ среднемъ на 1.780 руб., а въ остальной Россіи на 1.400 рублей.

Появленіе новаго металлургическаго, донецкаго района не оказало подобнаго возбуждающаго вліянія на усовершенствованіе уральской промышленности, потому что рынки сбыта того и другого района были совершенно различны. Уральскій районъ приготовлялъ металлическія издѣлія для потребленія массы населенія, а донецкій работалъ для желѣзныхъ дорогъ. Значеніе въ смыслѣ вліянія на производительность труда быстраго созданія новыхъ предпріятій въ нашей металлургической промышленности проявляется поэтому яснѣе, чѣмъ въ мануфактурной. Одинъ рабочій на Уралѣ въ 1895 году выплавлялъ въ среднемъ 5 тыс. пудовъ чугуна, въ Польшѣ — 10 тыс. пуд., а въ донецкомъ районѣ 14 тыс. пуд. Въ послѣдніе годы, впрочемъ, когда казенные заказы южнымъ заводамъ сильно сократились, донецкому району приходится также переходить къ производству предметовъ общаго потребленія и вступать въ конкуренцію съ Ураломъ. Это явилось побудительной причиной для послѣдняго усовершенствовать свое производство, и тогда какъ въ 1895 году одна доменная печь на Уралѣ давала 295 тыс. пудовъ чугуна, черезъ пять лѣтъ въ ней выплавлялось уже, въ среднемъ, 400 тысячъ пудовъ.

VI. Экономическая политика правительства въ концѣ XIX вѣка.

Говоря объ исторіи русской капиталистической промышленности, нельзя не остановиться подробнѣе на успѣхахъ ея въ концѣ истекшаго столѣтія, прославленныхъ апологетами нашего правительства и нашего капитализма, какъ „гигантскіе“, „колоссальные“, „безпримѣрные въ исторіи“, и завершившихся промышленнымъ кризисомъ. За оживленнымъ состояніемъ крупной капиталистической промышленности всегда слѣдуетъ періодъ ея угнетенія. Такая послѣдовательность явленій обусловливается тѣмъ, что избыточные капиталы, въ коихъ нѣтъ недостатка въ богатыхъ странахъ, пользуются живымъ спросомъ на товары, чтобы найти себѣ выгодное помѣщеніе и затрачиваются въ такихъ количествахъ на новыя предпріятія, что когда послѣднія окажутся выстроенными и пущены въ ходъ—на рынкѣ не находится мѣста для помѣщенія всѣхъ производимыхъ въ странѣ продуктовъ, и многія предпріятія должны закрываться [1]).

Различіе отдѣльныхъ такихъ циклическихъ періодовъ въ различныхъ государствахъ и въ одной и той же странѣ заключается въ конкретныхъ причинахъ, вызывающихъ оживленіе, въ продолжительности періодовъ оживленія и застоя и въ преобладающемъ характерѣ того и другого. Въ этихъ отношеніяхъ послѣдній циклъ оборота нашей промышленности рѣзко отличается отъ предыдущихъ.

Въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ наша промышленность переживала нѣсколько разъ смѣну періодовъ оживленія и застоя. Эти ея колебанія совпадали съ подобными же колебаніями промышленныхъ дѣлъ въ Западной Европѣ и находились вмѣстѣ съ тѣмъ въ связи съ нѣкоторыми важными фактами русской государственной жизни. Промышленное оживленіе въ Россіи во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ сопровождалось такимъ же оживленіемъ промышленности на Западѣ, а русскому кризису 1858 - 59 гг. предшествовалъ и кризисъ 1857 г. въ Западной Европѣ. Промышленное оживленіе и послѣдующій застой въ Россіи въ началѣ семидесятыхъ годовъ совпадаетъ съ подобнымъ же циклическимъ обо-

[1]) См. объ этомъ подробнѣе „Очерки теоретической экономіи“ и „Производство и потребленіе въ капиталистическихъ обществахъ“.

ротомъ на Западѣ, вызваннымъ, между прочимъ, тѣми капиталами, которые въ качествѣ контрибуціи были получены Германіей отъ Франціи и выброшены на рынокъ. Точно также и эпоха циклическаго оборота русской промышленности въ концѣ семидесятыхъ—началѣ восьмидесятыхъ годовъ совпадаетъ съ аналогичными колебаніями промышленныхъ дѣлъ въ Англіи, Франціи, Соединенныхъ Штатахъ [1]). И наконецъ промышленное оживленіе истекшаго десятилѣтія коснулось не только Россіи, но и большей части другихъ цивилизованныхъ государствъ. Внутреннія причины колебаній русской промышленности заключаются главнымъ образомъ въ обстоятельствахъ военнаго времени и прекращенія военныхъ дѣйствій съ одной стороны и въ условіяхъ сооруженія рельсовой сѣти—съ другой. Война, вообще, оживляетъ на первое время промышленную дѣятельность, потому что для военныхъ дѣйствій требуются большія добавочныя количества военныхъ принадлежностей и припасовъ. Она тѣмъ скорѣе производитъ подобное дѣйствіе, если, какъ у насъ, война сопровождается чрезмѣрными выпусками бумажныхъ денегъ, и упадкомъ ихъ курса на золото. Послѣднее обстоятельство оказываетъ двумя путями возбуждающее вліяніе на мѣстную промышленность. При низкомъ курсѣ невыгодно покупать иностранные товары, ввозъ послѣднихъ сокращается и ихъ мѣсто занимаютъ товары внутренняго приготовленія. За вывозимые заграницу товары, при низкомъ курсѣ, получается напротивъ того больше денегъ (въ мѣстной валютѣ), и тѣ классы общества, которые работаютъ для вывоза (въ Россіи преимущественно крупные и мелкіе сельскіе хозяева), получая за свой товаръ даже прежнюю цѣну золотой монетой, оказываются обладателями большей суммы бумажныхъ денегъ, большей суммы покупательныхъ средствъ и предъявляютъ повышенный спросъ на мѣстные фабрикаты. Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ вызываетъ оживленіе промышленности требованіями строительныхъ принадлежностей, усиленнымъ запросомъ на рабочія руки, сопровождающимся повышеніемъ заработной платы и т. п. Указанные факторы оживленія промышленности играли важную роль и въ происхожденіи тѣхъ циклическихъ движеній промышленности, какіе наблюдаются въ новѣйшей исторіи нашей страны.

„Оживленіе промышленности и коммерческихъ дѣлъ съ оконча-

---

[1]) Туганъ-Барановскій. „Русская фабрика“, изд. второе, с. 326—329.

ніемъ крымской войны было такъ очевидно, что нѣтъ надобности доказывать его—писалъ въ 1863 г. В. П. Безобразовъ. Оно началось еще до заключенія мира и проявлялось чрезвычайнымъ усиленіемъ фабричной дѣятельности, необычайной бойкостью оборотовъ на ярмаркахъ и др. Апогей этого движенія внутри Россіи былъ въ 1855 и 1856 гг., о которомъ рѣшительно всѣ участники промышленной и коммерческой дѣятельности, говорятъ, какъ о золотомъ времени... Послѣ промышленнаго оживленія настала другая эпоха, съ совершенно противоположными признаками: всеобщій промышленный и коммерческій застой, дающій положенію нашихъ дѣлъ въ 1858 и 1859 гг. характеръ кризиса... Крушеніе акціонерныхъ компаній излишне описывать: оно всѣмъ извѣстно... Но акціонерный кризисъ дѣйствовалъ болѣе или менѣе на поверхности общества и на верхушкахъ народнаго хозяйства. Во всемъ внутреннемъ его организмѣ произошли затрудненія гораздо болѣе глубокія, болѣе продолжительныя и болѣе опасныя".

Второй періодъ оживленія и слѣдующаго за нимъ застоя промышленности обнаружился въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ и находился въ связи съ усиленіемъ и послѣдующимъ замедленіемъ желѣзнодорожнаго строительства: тогда какъ до 1868 г. у насъ ежегодно сооружалось нѣсколько сотъ верстъ рельсовыхъ путей, въ 1868—71 гг. ихъ было выстроено болѣе восьми тысячъ верстъ, а въ теченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ—четыре тысячи верстъ. „Громадный оборотъ желѣзнодорожнаго строительства вездѣ вызывалъ кризисы,—писалъ внутренній обозрѣватель „Вѣстника Европы" въ 1877 году.—У насъ же, въ странѣ крайне медленнаго экономическаго развитія, онъ представлялъ нѣчто въ родѣ „золотого дождя", какой явился въ Германіи съ пятью милліардами франковъ французской контрибуціи. Вѣдь основной капиталъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ—1.544 милліона кредитныхъ рублей—также недалекъ до пяти милліардовъ франковъ. Сокращеніе строительства повліяло на возникновеніе чего-то въ родѣ краха" [1]).

Третій разъ промышленное оживленіе проявилось у насъ въ концѣ 70-хъ гг., въ связи съ турецкой войной. Оживленіе это началось еще въ концѣ 1877 г., до окончанія военныхъ дѣйствій и усилилось въ послѣдующее время. „Первая послѣ войны съ Тур-

[1]) Туганъ-Барановскій, „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ". Изд. второе, стр. 326—329.

ціей нижегородская ярмарка 1878 г. разыгралась необычайно блистательно во всѣхъ отношеніяхъ,—сообщаетъ В. П. Безобразовъ.—Подобной ярмарки не запомнятъ въ лѣтописяхъ Макарія... Она усилила до нельзя возбужденіе въ нашемъ промышленномъ мірѣ. Въ нѣкоторой части нашей печати раздавались даже громкіе голоса, еще болѣе подстрекавшіе это возбужденіе; говорили, что война обогатила Россію, произвела могучій подъемъ всѣхъ ея производительныхъ силъ и создала новую эру для ея промышленности и торговли. Это возбужденіе, какого давно не запомнятъ—необыкновенное усиленіе производства во всѣхъ прежнихъ фабрикахъ и заводахъ и размноженіе новыхъ — достигло своего апогея въ срединѣ 1879 г., что продолжалось до 1880 г.“ [1]). Оживленіе смѣнилось кризисомъ и застоемъ, продолжавшимся до конца восьмидесятыхъ годовъ; затѣмъ послѣдовалъ новый подъемъ промышленности, на которомъ мы и остановимся.

Это послѣднее оживленіе промышленныхъ дѣлъ и послѣдующій застой промышленности отличаются отъ предшествующихъ прежде всего въ томъ отношеніи, что и тотъ и другой моментъ промышленнаго цикла наиболѣе отразились на отрасляхъ, приготовляющихъ не предметы непосредственнаго потребленія человѣка, а такъ сказать, основной капиталъ страны; и въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ уподобляется новѣйшимъ промышленнымъ кризисамъ въ Западной Европѣ. Оживленіе пятидесятыхъ годовъ, по словамъ Безобразова, „проявилось чрезвычайнымъ усиленіемъ фабричной дѣятельности, преимущественно въ *сѣверной промышленной полосѣ* (районѣ мануфактуръ), быстрымъ увеличеніемъ сбыта какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ *мануфактурныхъ товаровъ*“. Главная причина упадка торговли и послѣ промышленнаго оживленія начала семидесятыхъ годовъ, по словамъ Я. Гарелина, заключалась въ томъ, что „ситцевъ было наработано громадное количество и ихъ нужно было сбыть во что бы то ни стало“. „Цѣны мануфактурныхъ товаровъ быстро упали,—объясняетъ отчетъ московскаго отдѣленія совѣта торговли и мануфактуръ за 1876 г.,—производство сократилось и послѣдовалъ цѣлый рядъ банкротствъ, отъ которыхъ особенно пострадали *мануфактурныя* фирмы“. Оживленіе конца семидесятыхъ годовъ, по словамъ Безобразова, коснулось всего болѣе

[1]) Народное хозяйство въ Россіи, т. I, с. 276—277.

хлопчато-бумажной промышленности. Въ 1879 г. было поставлено, напр., до милліона новыхъ прядильныхъ веретенъ. „Это расширеніе, когда все количество веретенъ исчислялось у насъ до $3^1/_2$ милл., даетъ понятіе о томъ необыкновенномъ полетѣ, который приняла вся наша промышленность въ эту эпоху, хотя хлопчатобумажное дѣло превзошло въ этомъ отношеніи всѣ прочіи“ [1]).

Въ связи съ указаннымъ фактомъ оживленія преимущественно отраслей, выдѣлывающихъ предметы общаго потребленія, находится другой фактъ, заслуживающій быть отмѣченнымъ: непродолжительность описанныхъ періодовъ промышленнаго расцвѣта. Оживленное состояніе промышленныхъ дѣлъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ концѣ шестидесятыхъ—началѣ семидесятыхъ годовъ и вслѣдъ за послѣдней русско-турецкой войной, продолжалось каждый разъ не болѣе четырехъ лѣтъ. Если исходной точкой расширенія промышленности служитъ увеличенный спросъ на предметы непосредственнаго потребленія и если этотъ поднявшійся въ данный моментъ спросъ не поддерживается дальнѣйшимъ возвышеніемъ народнаго потребленія, открытіемъ новыхъ рынковъ сбыта и т. д., то спекуляція, привлекающая къ производству свободные капиталы, имѣетъ узкія границы для своего разгула, такъ какъ время, требующееся для того, чтобы расширить мануфактуры, сахарные заводы, сапожныя мастерскія и другія заведенія, соотвѣтственно возросшему спросу на ихъ продукты, не особенно продолжительно, и излишне затраченные на сооруженіе фабрикъ капиталы быстро приведутъ къ перепроизводству ситца, мебели, сахара и другихъ предметовъ потребленія, къ паденію на нихъ цѣнъ и къ прочимъ явленіямъ, характеризующимъ кризисъ. Иное дѣло, если первый толчокъ къ оживленію дается усиленнымъ спросомъ на строительные матеріалы; если исходнымъ моментомъ оживленія служитъ, напр., сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, для котораго требуется много кирпича, рельсовъ, локомотивовъ и т. д., приготовленіе коихъ въ требуемыхъ размѣрахъ невозможно безъ предварительнаго сооруженія новыхъ заводовъ кирпичныхъ, металлургическихъ, вагоностроительныхъ и т. д. „Пока идетъ постройка названныхъ сооруженій, до тѣхъ поръ на рынкѣ возникаетъ новый и новый запросъ какъ на рабочія руки, такъ и на различные матеріалы, машины и т. п. Этотъ новый спросъ под-

[1]) М. Туганъ-Барановскій. Русскія фабрики, стр. 326—330.

нимаетъ цѣны и труда, и спрашиваемыхъ товаровъ, что въ свою очередь увеличиваетъ запросъ рынка на новые предметы (напр. потребленія рабочихъ) и привлекаетъ къ ихъ производству новые капиталы“ [1]). При такомъ происхожденіи промышленнаго оживленія увеличенный спросъ на предметы непосредственнаго потребленія, какъ результатъ возросшихъ заработковъ рабочаго класса, играетъ, конечно, извѣстную роль въ дѣлѣ подъема промышленности; но эта роль придаточная, лишь усиливающая общее возбужденіе, питательные соки котораго истекаютъ изъ другихъ источниковъ. Источники эти—новыя капитальные сооруженія, для выполненія которыхъ нуженъ гораздо болѣе продолжительный періодъ времени сравнительно съ тѣмъ, въ теченіе котораго можно расширить старыя и построить новыя фабрики для удовлетворенія возросшаго почему-либо спроса на предметы общаго потребленія.

Такой именно характеръ носило послѣднее наше промышленное оживленіе. Въ это время мы наблюдаемъ очень быстрое развитіе рельсовой сѣти и вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе тѣхъ отраслей промышленности, которыя изготовляютъ различныя строительныя принадлежности. Усиленное сооруженіе желѣзныхъ дорогъ служило, какъ намъ извѣстно, основаніемъ и промышленнаго оживленія въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Но это послѣднее не повело къ крупному развитію индустріализма, потому что постройка желѣзныхъ дорогъ производилась въ то время изъ иностранныхъ матеріаловъ и не требовала новыхъ значительныхъ сооруженій въ Россіи различныхъ фабрикъ и заводовъ, изготовляющихъ строительныя принадлежности. Усиленное сооруженіе рельсовой сѣти въ началѣ семидесятыхъ годовъ отражалось на состояніи промышленности не столько прямо, сколько косвенно—путемъ увеличенія заработковъ населенія и облегченія товарнаго обмѣна. Промышленное оживленіе описываемаго времени выразилось поэтому, какъ мы видѣли, преимущественно развитіемъ отраслей, изготовляющихъ предметы общаго потребленія. Успѣхи же промышленности въ теченіе послѣдняго нашего оживленія выражаются главнымъ образомъ въ развитіи рельсовой сѣти и отраслей, изготовляющихъ строительные матеріалы и принадлежности. Апологеты капитализма говорятъ, что послѣднее, самое видное и продолжительное оживленіе промышленности было естественнымъ про-

[1]) Очерки теоретической экономіи, стр. 164.

явленіемъ созрѣванія нашего промышленнаго капитализма. Эта идея требуетъ развитія и доказательства. Но что представляется яснымъ безъ всякихъ доказательствъ, это—тѣсная связь оживленія промышленности съ нѣкоторыми правительственными мѣропріятіями. Въ виду этого намъ нельзя теперь избѣжать краткаго очерка экономической политики правительства въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ.

Въ прежнія времена на постъ министра финансовъ назначались государственные сановники, близко стоявшіе къ дѣлу и пріобрѣтшіе, конечно, нѣкоторыя познанія по теоріи и практикѣ государственныхъ финансовъ. Съ начала-же восьмидесятыхъ годовъ на эту должность стали призываться лица изъ „общества“. Первымъ такимъ лицомъ былъ извѣстный ученый, профессоръ политической экономіи, Н. Х. Бунге. Забота всѣхъ руководителей нашихъ финансовъ въ пореформенное время направлялась непосредственно на устраненіе двухъ явленій: низкаго курса бумажнаго рубля и дефицитовъ въ государственномъ хозяйствѣ. Эти явленія остановили на себѣ вниманіе и Бунге.

Въ качествѣ образованнаго экономиста, знакомаго къ тому-же съ исторіей нашихъ государственныхъ финансовъ, Бунге однако понималъ, что неудача попытокъ его предшественниковъ возстановить у насъ золотое обращеніе на мѣсто бумажнаго, обусловливается низкимъ состояніемъ производительности страны, упадкомъ благосостоянія ея населенія и разстроенными ея финансами. Ближайшей задачей финансовой политики Бунге ставилъ поэтому упорядоченіе финансовъ, облегченіе податного бремени, лежавшаго на низшихъ классахъ населенія и привлеченіе къ налогамъ классовъ болѣе состоятельныхъ. Этотъ путь улучшенія финансовъ и системы денежнаго обращенія могъ привести къ желательнымъ результатамъ лишь по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. На первыхъ же порахъ онъ требовалъ скорѣе жертвъ, нежели обѣщалъ барышей, потому что для улучшенія благосостоянія крестьянъ нужно было не только снять съ нихъ часть податнаго бремени, но и производить затраты на возвышеніе производительности народнаго труда. Не будемъ строить предположеній о томъ, насколько успѣшна была-бы политика Бунге; достаточно сказать, что черезъ 6 лѣтъ управленія финансами, въ 1887 г., Бунге оставилъ постъ министра финансовъ, и его мѣсто занялъ Вышнеградскій, талантливый дѣя-

тель въ сферѣ частнаго предпринимательства, но полный невѣжда въ наукѣ о финансахъ.

Частный предприниматель привыкаетъ оцѣнивать различныя мѣропріятія съ точки зрѣнія ихъ непосредственнаго вліянія на интересы даннаго дѣла и ближайшихъ, поставляемыхъ имъ, цѣлей, и не задумывается о томъ, какъ отразятся эти мѣры въ болѣе широкой сферѣ явленій и каковы могутъ быть ихъ болѣе отдаленныя послѣдствія, предоставляя себѣ разрѣшать новыя затрудненія по мѣрѣ ихъ возникновенія. Продолжительное обращеніе въ сферѣ частнаго предпринимательства создаетъ поэтому типъ дѣльца, быстро оріентирующагося въ сферѣ конкретныхъ явленій, легко улавливающаго ту комбинацію средствъ, при помощи которой скорѣе всего можно удовлетворить требованіямъ даннаго момента,—дѣльца, способнаго бороться съ другими такими же дѣльцами и управлять механизмомъ непосредственныхъ практическихъ мѣропріятій. Эту способность и точку зрѣнія дѣльца И. А. Вышнеградскій перенесъ въ область государственной политики.

Его уму были мало доступны задачи разрѣшенія государственныхъ вопросовъ путемъ продолжительныхъ подготовительныхъ преобразованій, результаты коихъ обнаружатся лишь впослѣдствіи. Какъ коммерческій дѣятель онъ жаждалъ прямыхъ непосредственныхъ результатовъ своихъ мѣропріятій, и не останавливался на вопросѣ о томъ, насколько прочны такіе результаты. Такъ было и съ вопросомъ о возстановленіи металлическаго обращенія. Въ качествѣ промышленнаго дѣятеля онъ видѣлъ вредные результаты неустойчивости нашей денежной валюты, зависѣвшей отъ того, что вмѣсто опредѣленной цѣнности—золота—мѣриломъ всѣхъ цѣнъ являлась ничего не стоющая кредитная бумажка; и онъ зналъ, что его предшественники по управленію финансами дѣлали попытки возстановить денежное обращеніе. Эту цѣль онъ поставилъ и своему собственному управленію, но осуществленіе ея считалъ „не столько проблемою экономическою (какъ Бунге), сколько задачею финансовой техники, и для быстраго ея рѣшенія готовъ былъ на всякія народнохозяйственныя жертвы“ [1]). Въ началѣ своей государственной дѣятельности онъ плохо, впрочемъ, понималъ и финансово-техническую часть поставленной себѣ цѣли возстановленія металлическаго обра-

[1]) Шванебахъ. Денежное преобразованіе и народное хозяйство, стр. 15.

щенія, и предположилъ приступить прямо къ размѣну кредитокъ на золото по фиксированному курсу, заручившись уже договоромъ съ французскими капиталистами о займѣ для этого $1^1/_2$ милліарда франковъ. Проекту этому не дали осуществиться люди, болѣе его свѣдущіе въ финансахъ, а когда и самъ министръ финансовъ понялъ, что „раньше привлеченія золота займами надо позаботиться объ условіяхъ удержанія его въ странѣ“, онъ и на этотъ вопросъ посмотрѣлъ съ точки зрѣнія исключительно технической и засѣлъ за изученіе тѣхъ экономическихъ явленій, отъ которыхъ предметъ зависитъ непосредственно (торговаго и расчетнаго баланса, заграничной задолженности и т. д.) и „способовъ воздѣйствія противъ враждебныхъ нашему кредиту биржевыхъ маклеровъ. Въ этой области онъ скоро пріобрѣлъ компетентность, передъ которой стали преклоняться руководители европейской биржи“ [1]). Это очень лестно для нашего самолюбія, но для пользы и чести страны было бы желательнѣе, чтобы русскій министръ финансовъ вызывалъ удивленіе европейскихъ государственныхъ людей, а не биржевыхъ дѣльцовъ. Но приходится довольствоваться тѣмъ, что̀ есть, и русскому народу оставалось терпѣливо переносить дѣйствіе мѣръ, направленныхъ къ непосредственному достиженію цѣлей возстановленія металлическаго обращенія и бездефицитнаго сведенія росписей, ради которыхъ министръ готовъ былъ и имѣлъ силу потребовать отъ него „всякихъ жертвъ“. И дѣйствительно имъ принимались или проектировались всякія мѣры, отвѣчающія данной цѣли, безотносительно къ тому, каково было бы значеніе этихъ мѣръ для интересовъ народа, государства, культуры. Русскіе путешественники проживаютъ за границей золото; для обезпеченія же металлическаго обращенія нужно имѣть достаточно золота внутри страны. И вотъ проектируется законъ объ обложеніи заграничныхъ паспортовъ 300-рублевымъ налогомъ. „Къ счастью,—говоритъ г. Шванебахъ,—эта жестокая и немыслимая при современныхъ международныхъ отношеніяхъ мѣра была отклонена“ (государственнымъ совѣтомъ). Ввозъ иностранныхъ товаровъ вызываетъ также отливъ золота за границу, и вотъ вводится новый таможенный тарифъ, настолько высокій, что имъ прямо затрудняется развитіе русской промышленности, не могущей обходиться безъ нѣкоторыхъ предметовъ иностраннаго произ-

[1]) Тамъ же, стр. 16.

водства. Экспортъ русскихъ товаровъ привлекаетъ къ намъ иностранное золото; а главнымъ вывознымъ нашимъ товаромъ былъ хлѣбъ. И вотъ принимаются всевозможныя мѣры увеличенія вывоза хлѣбовъ, начиная съ соотвѣтствующаго данной цѣли построенія желѣзнодорожныхъ тарифовъ (перешедшихъ въ это время въ завѣдываніе государства) и кончая выколачиваніемъ податей и недоимокъ (даже по отмѣненной подати), побуждавшимъ крестьянъ скорѣе реализировать урожай и этимъ не только выбрасывать на иностранные рынки, въ обмѣнъ на золото, огромное количество зерна, но и способствовать возростанію государственныхъ доходовъ,—второй цѣли, поставленной себѣ Вышнеградскимъ. „Унаслѣдованный съ Петровскихъ временъ податной строй и пріемы взысканія онъ, конечно, въ душѣ осуждалъ, какъ всякій другой, но съ нимъ мирился, какъ со зломъ, по его мнѣнію неизбѣжнымъ впредь до возстановленія золотого обращенія, и, не отрицая даже недоѣданія русскаго мужика, онъ этою прискорбною стороной нашего быта пользовался какъ одною изъ пружинъ для привлеченія золота. Не могу забыть, — продолжаетъ г. Шванебахъ,—возгласа, вырвавшагося у него весной 1891 г., когда—при надвигавшемся неурожаѣ—онъ сталъ опасаться отлива золота: „сами не будемъ ѣсть, но будемъ вывозить“ [1]).

Если къ сказанному присовокупить, что при Вышнеградскомъ было введено не мало новыхъ и повышено старыхъ налоговъ, несмотря на общепризнанное въ то время истощеніе народныхъ средствъ, то мы будемъ имѣть достаточно основаній считать образъ дѣйствій этого министра всецѣло пропитаннымъ воззрѣніями и пріемами коммерческихъ дѣльцовъ, а не государственныхъ людей.

Естественнымъ отвѣтомъ на такое перенесеніе способовъ воздѣйствія на экономическую жизнь съ одной сферы отношеній на другую былъ голодъ 1891—92 гг., въ концѣ концовъ заставившій самого Вышнеградскаго усомниться въ цѣлесообразности нѣкоторыхъ своихъ мѣръ; роспись на 1891 г. заключена была съ дефицитомъ въ 74 милл. руб., а во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ на этотъ годъ объяснялось, что усиливать обложеніе для покрытія этого дефицита — при экономическомъ потрясеніи, причиненномъ неурожаемъ,—несвоевременно и небезопасно.

---

[1]) Тамъ же, стр. 20—21.

Преемникъ Вышнеградскаго принадлежалъ къ той же практической школѣ, но имѣлъ передъ нимъ то преимущество, что пятилѣтній опытъ предшествующаго министерства пролилъ нѣкоторый свѣтъ на предстоящія экономическія задачи и заключалъ въ себѣ нѣкоторое предостереженіе. Этотъ опытъ какъ бы говорилъ, что преслѣдовать широкую государственную цѣль при помощи только узкихъ средствъ техническаго характера — значитъ строить зданіе на пескѣ, и это поученіе, въ видѣ голода 1891—92 гг., произвело такое впечатлѣніе, что главная цѣль Вышнеградскаго была на первыхъ порахъ забыта, и вмѣсто продолженія политики прямого подготовленія металлическаго обращенія возникло даже предположеніе о выпускѣ кредитныхъ билетовъ для сооруженія сибирской желѣзной дороги и банкнотъ для расширенія дѣятельности государственнаго банка, т.-е. предположеніе о расширеніи бумажно-денежнаго обращенія. Изъ этого можно было усмотрѣть, что одной изъ первыхъ задачъ, поставленныхъ новымъ министромъ, было воздѣйствіе на производительность страны. Объ этомъ было заявлено и въ первомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи новаго министра, въ которомъ введеніе новыхъ налоговъ мотивировалось, между прочимъ, необходимостью имѣть средства для удовлетворенія назрѣвающихъ потребностей страны и для „разумнаго содѣйствія экономическимъ успѣхамъ и развитію производительныхъ силъ страны“. Земледѣльческій характеръ страны, мелкая форма сельскохозяйственной культуры и доказанное голодомъ разстройство благосостоянія и хозяйства крестьянъ значительныхъ районовъ Россіи, казалось бы, прямо указывали на тѣ сферы народнаго производства, на которыя должно быть обращено преимущественное вниманіе правительства, а учрежденіе министерства земледѣлія и приглашеніе на постъ министра извѣстнаго писателя-агронома А. С. Ермолова показывали, что и въ правительственныхъ сферахъ понята была, наконецъ, настоятельность серьезнаго воспособленія земледѣлію. Но всякое такое воспособленіе связано съ затратою значительныхъ денежныхъ средствъ, ассигнованіе которыхъ зависитъ прежде всего отъ сочувствія къ данному дѣлу министра финансовъ. Обстоятельства показали, что въ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, сочувствіе это было самое скромное, и новое учрежденіе, — въ вѣдѣніи котораго, кромѣ земледѣлія, находились тѣсно связанные съ нимъ и совершенно необходимые для занятія длиннаго зимняго досуга

крестьянъ кустарные промыслы,—получало ничтожныя суммы; всѣ же крупные избытки государственныхъ доходовъ, для полученія которыхъ усиленно надавливался податной прессъ и ограничивалось удовлетвореніе многихъ назрѣвшихъ потребностей страны, обращались на воспособленіе крупной промышленности, въ развитіи которой видѣли все спасеніе Россіи. Но какимъ же образомъ достигнуть этого развитія, когда масса населенія бѣднѣетъ и предъявляетъ поэтому самый ограниченный спросъ на продукты промышленности, а сбытъ послѣднихъ на внѣшніе рынки до крайности стѣсненъ соперничествомъ болѣе цивилизованныхъ народовъ?

Промышленное дѣло находится въ рукахъ частныхъ предпринимателей; а послѣдніе руководятся въ своей дѣятельности коммерческимъ разсчетомъ. Коммерческій человѣкъ готовъ затратить и свои собственныя средства, и занятыя суммы на промышленныя предпріятія, если ожидаетъ оттого для себя выгоду. Возможность же послѣдней зависитъ оттого, имѣется ли новый спросъ на товары. Бѣднѣющее русское населеніе непредъявляло такого спроса. Нужно было искать его внѣ населенія, въ области, подлежащей государственному воздѣйствію. Запросъ на продукты фабрикъ и заводовъ и былъ найденъ въ сферѣ желѣзнодорожнаго строительства: правительство приступило къ сооруженію нужныхъ и ненужныхъ желѣзныхъ дорогъ. Чтобы построить желѣзную дорогу нужно предварительно приготовить рельсы, мостовыя части, другія строительныя принадлежности, вагоны, локомотивы и т. п. Сооруженіе рельсовой сѣти создаетъ поэтому спросъ на разнообразные матеріалы и строительныя принадлежности, расширяетъ поле приложенія къ промышленности новыхъ капиталовъ, вызываетъ промышленное оживленіе. Объемъ этого послѣдняго будетъ зависѣть оттого, какъ широко поставлено дѣло желѣзнодорожнаго строительства, а это въ свою очередь обусловливается количествомъ привлекаемыхъ къ этому дѣлу капиталовъ. Но добровольно капиталы не обращаются въ сферу желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи, потому что бѣдная и промышленно мало развитая страна не обѣщаетъ достаточнаго количества грузовъ для питанія сколько-нибудь широкой рельсовой сѣти. Чтобы создать быстро такую сѣть нужно было поэтому привлечь къ этому дѣлу капиталы обѣщаніемъ всякихъ льготъ или заставить ихъ какъ-либо обратить вниманіе на эту сферу промышленной дѣятельности. У насъ были принимаемы мѣры и того, и дру-

гого рода. Кромѣ сооруженія рельсовой сѣти на счетъ сбереженій изъ государственныхъ доходовъ, полученныхъ съ одной стороны путемъ непомѣрнаго возвышенія налоговъ и выколачиванія естественно-накоплявшихся недоимокъ, съ другой—путемъ всевозможнаго сокращенія расходовъ государства на цѣли культурнаго и общенароднаго характера (въ теченіе десятилѣтія на желѣзнодорожное строительство было затрачено 700 милл. рублей казенныхъ денегъ)—правительство заняло еще для этой цѣли 1,5 милліарда рублей и почти всю эту сумму передало частнымъ предпринимателямъ для затраты на сооруженіе новыхъ линій. Оно кромѣ того затратило изъ государственныхъ ресурсовъ почти 650 милл. р. на улучшеніе и усиленіе старыхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Всего слѣдовательно за десятилѣтіе желѣзнодорожной горячки подъ отвѣтственностью государства вложено въ желѣзнодорожное дѣло безъ малаго 3 (2,7) милліарда рублей: 45% этой суммы получено сборами съ бѣднѣющаго населенія страны, а 55% — путемъ займовъ внутри страны и заграницей. Половина этой послѣдней суммы, собранная внутри страны, можетъ, впрочемъ, только условно именоваться „займомъ“: большая часть помѣщенныхъ внутри страны желѣзнодорожныхъ облигацій была прямо обмѣнена на деньги государственныхъ сберегательныхъ кассъ, собранныя съ населенія-же.

Передавая постройку желѣзныхъ дорогъ частнымъ лицамъ на средства, гарантированныя государствомъ, и одной рукой крайне расточая эти средства, другой рукой министерство финансовъ принимало мѣры къ тому, чтобы эта гарантія меньше ему стоила. Въ этихъ видахъ оно предлагало строить новыя линіи старымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ, получающимъ порядочные доходы и могущимъ покрывать ими недовыручку по вновь выстроеннымъ бездоходнымъ участкамъ. При полной свободѣ дѣйствія желѣзнодорожныя общества не согласились бы, конечно, на подобныя предложенія; но въ рукахъ правительства находилось дѣйствительное средство сломить ихъ упорство, заключающееся въ угрозѣ выкупа въ казну принадлежавшихъ имъ дорогъ или въ обѣщаніи отсрочки такого выкупа въ случаѣ согласія ихъ на данное предложеніе. Дѣйствительность этого средства поддерживилась иногда тѣмъ извѣстнымъ явленіемъ, что сооруженіе даже бездоходной линіи выгодно лицамъ, стоящимъ во главѣ дѣла, потому что даетъ возможность наживаться при строительствѣ. Кромѣ того, пока идетъ сооруженіе но-

выхъ линій—выигрываютъ часто и акціонеры, такъ какъ при этомъ усиливается движеніе грузовъ (принадлежностей строительнаго дѣла) по линіямъ старымъ и такъ какъ при помощи разнаго рода бухгалтерскихъ пріемовъ, часть расходовъ эксплоатаціи этихъ линій можно—къ выгодѣ акціонеровъ—отнести на строительные капиталы новыхъ дорогъ въ тѣхъ случаяхъ, когда проценты на эти капиталы уплачиваются не изъ доходовъ общества, а изъ суммъ реализированныхъ для постройки. Когда же дороги будутъ построены—можетъ оказаться, что онѣ не имѣютъ достаточно грузовъ и что содержаніе ихъ убыточно. Убытки могутъ оказаться настолько значительны, что поглотятъ доходы акціонеровъ, и тогда, при гарантированныхъ капиталахъ, акц. обществу не остается ничего другого, какъ стремиться къ новымъ сооруженіямъ, поднимающимъ на время доходы общества. Къ такому положенію и были приведены многія наши крупныя желѣзнодорожныя общества.

Приступая къ сооруженію обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, какъ простѣйшему средству вызвать промышленное оживленіе, наше министерство финансовъ могло себя обольщать и до извѣстной степени оправдывать соображеніемъ о томъ, что благоустройство путей сообщенія составляетъ необходимое условіе здороваго промышленнаго развитія и что, заботясь о такомъ благоустройствѣ, правительство идетъ по правильному пути. Такъ именно и старались мотивировать политику финансоваго вѣдомства офиціозные его литературные защитники. Эта мотивировка заслуживала бы полнаго довѣрія, если бы правительство заботилось не только о желѣзныхъ дорогахъ, требующихъ огромныхъ затратъ и способныхъ поэтому вести къ значительному оживленію крупной, капиталистической промышленности, но и о болѣе скромныхъ въ этомъ отношеніи грунтовыхъ и водныхъ путяхъ сообщенія, улучшеніе коихъ у насъ быть можетъ еще болѣе необходимо, чѣмъ расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ. Сооружая желѣзныя дороги, какъ предварительное условіе будущаго промышленнаго развитія, правительство, кромѣ того вело бы это дѣло неторопясь, въ извѣстной постепенности, и сообразуя затраты на него съ другими требованіями государственнаго быта. Но когда данная частная государственная цѣль преслѣдуется, какъ это было у насъ, во что бы то ни стало; когда платежныя силы населенія напрягались до крайности; удовлетвореніе культурныхъ потребностей страны ограничивалось до-нельзя, и достигаемые такими мѣрами

бюджетные избытки затрачивались на желѣзнодорожное строительство — мы не можемъ признать, чтобы сооруженіе желѣзныхъ дорогъ привлекало вниманіе власти, какъ удобное средство передвиженія. При такомъ отношеніи къ предмету желѣзныя дороги теряютъ значеніе подсобнаго средства экономическаго развитія, распространеніе котораго должно идти параллельно развитію другихъ общественныхъ отношеній, а является чѣмъ-то желательнымъ само по себѣ, и желѣзнодорожная политика утрачиваетъ естественную связь съ общей политикой государства, направляемой на планомѣрное удовлетвореніе потребностей страны.

Другія мѣры экономической политики, принимавшіяся въ тоже время, лишь подтверждаютъ высказанное выше соображеніе о томъ, что эта политика какъ бы оторвалась отъ общаго теченія народной жизни и быстро неслась къ какой то особой самостоятельной цѣли. Мѣры эти заключались въ лихорадочныхъ усиліяхъ привлечь въ Россію иностранные капиталы и конвертировать наши государственные займы; въ возбужденіи спекулятивной учредительной горячки, биржевой игры и т. п.

Разныя лица объясняютъ такую политику мин. фин. Витте тѣмъ, что онъ вдругъ возымѣлъ мысль быстро ввести у насъ металлическое обращеніе, а такъ какъ государственный совѣтъ не сочувствовалъ его плану устроить это путемъ закрѣпленія пониженной цѣнности кредитнаго рубля, то онъ провелъ эту реформу (въ 1897 г.) помимо государственнаго совѣта, путемъ непосредственнаго доклада Государю. Поддержать металлическое обращеніе при условіяхъ экономической жизни Россіи врядъ ли можно безъ принятія спеціальныхъ мѣръ полученія золота изъ-за границы. А когда реформа произведена за личный страхъ министра и ея сохраненіе составляетъ какъ бы вопросъ чести для послѣдняго,—энергія въ дѣлѣ примѣненія средствъ привлеченія иностраннаго золота и созданія условій (между прочимъ богатой промышленности) для удержанія послѣдняго внутри страны можетъ быть удвоена и утроена. Намъ кажется впрочемъ не особенно благодарной темой доискиваться доподлинныхъ причинъ даннаго направленія экономической политики министерства финансовъ въ теченіе истекшаго десятилѣтія. Когда во главѣ вѣдомства стоитъ не государственный мужъ, не чуждый сознанія отвѣтственности передъ страной,—а человѣкъ случайный—трудно имѣть надежныя данныя для сужденія о побудительныхъ

Архивъ Государств.
при Госуд. Моск. Универ

причинахъ его дѣятельности, да такое изслѣдованіе не особенно и интересно. Въ данномъ случаѣ намъ достаточно знать, что правительство принимало въ описываемое время самыя энергичныя мѣры для развитія русской капиталистической промышленности и что главнѣйшей изъ этихъ мѣръ, по дѣйствительному значенію, было сооруженіе обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ. Въ этомъ фактѣ мы и найдемъ объясненіе необыкновеннаго для Россіи оживленія промышленности въ истекшемъ десятилѣтіи.

Освобожденная на время отъ зависимости отъ постояннаго внутренняго рынка,—который расширяется у насъ крайне медленно,—будучи поощряема къ устройству новыхъ заводовъ казенными заказами на желѣзнодорожныя принадлежности, наша крупная (преимущественно металлургическая) промышленность обнаружила въ истекшемъ десятилѣтіи лихорадочное стремленіе къ расширенію производства. Новые заводы строились одинъ за другимъ, преимущественно на средства бельгійскихъ, французскихъ и другихъ иностранныхъ предпринимателей. Этому усиленному строительству не грозило бы, можетъ быть, въ будущемъ серьезной опасности, если бы поощряющая его власть сообразовалась при этомъ съ дѣйствительными потребностями страны въ продуктахъ даннаго рода и съ реальными нуждами желѣзнодорожнаго дѣла. Но такъ какъ главной задачей было увеличеніе въ странѣ золота и по преобладавшимъ въ обществѣ взглядамъ лучше имѣть избытокъ, чѣмъ недостатокъ фабрикъ и заводовъ, то, при поощреніи промышленности, не обращалось вниманія на то обстоятельство, что вновь построенный заводъ будетъ нуждаться въ работѣ послѣ выполненія даннаго ему казеннаго заказа; что найти такую работу сразу—если заводовъ откроется много—представится весьма затруднительнымъ, и что предусмотрительно, поэтому, распредѣлять сооруженіе предполагаемыхъ путей во времени такимъ образомъ, чтобы обезпечить работу опредѣленному числу заводовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и дать имъ такимъ образомъ возможность укрѣпиться и понемногу перейти къ производству предметовъ общаго потребленія.

Вмѣсто того, финансовое вѣдомство заботилось лишь о томъ, чтобы полнѣе использовать въ своихъ цѣляхъ стремленіе иностранцевъ помѣщать свои капиталы въ Россіи, и ускоряло сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, не думая о томъ, что ускореніе желѣзнодорожнаго строительства—да еще на занятые капиталы—не можетъ про-

должаться безгранично, а всякое его замедленіе поведетъ къ пріостановкѣ дѣятельности и вызванныхъ имъ къ жизни производительныхъ предпріятій.

VII. Промышленное оживленіе конца XIX вѣка.

Въ основѣ послѣдняго нашего промышленнаго оживленія лежала, какъ мы видѣли, строительная дѣятельность вообще, усиленное сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ частности. Главнѣйшимъ же строительнымъ матерьяломъ въ наше время служитъ желѣзо. На металлургической промышленности прежде и больше всего и должна была отразиться наша строительная горячка.

Началомъ широкаго развитія нашей металлургіи можно считать 1890 г., когда выплавка чугуна поднялась съ 45 до 56 милл. пуд., т.-е. увеличилась въ одинъ годъ на 11 милл. пуд., или на 25%. Это возрастаніе цѣликомъ, вѣроятно, обязано желѣзнодорожнымъ заказамъ,—судя, по крайней мѣрѣ, по тому, что производство рельсовъ увеличилось въ этомъ году на 5 милл. пуд. (съ 5 до 10 милл. пуд.), что̀ соотвѣтствуетъ почти 7 милл. пуд. чугуна, и что параллельно съ заказами рельсовъ выросли, конечно, и заказы другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Увеличеніе заказа рельсовъ сдѣлано было, вѣроятно, въ виду приступа къ усиленному сооруженію желѣзныхъ дорогъ, о ходѣ котораго можно составить понятіе по слѣдующимъ даннымъ относительно числа верстъ, открывавшихся для движенія и находившихся въ постройкѣ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія истекшаго столѣтія (нужно помнить, что каждая верста рельсоваго пути строится нѣсколько лѣтъ).

Въ 1893 г. было открыто для движенія 1,6 тысячъ верстъ новыхъ желѣзныхъ путей,—въ 1894 г.—1,8 тыс. верстъ. въ 1896 г.—2,3 тыс. верстъ, въ 1897 г. 1,6 тыс. верстъ, въ 1898 г.—3,9 тыс. и въ 1899 г.—5 тыс. верстъ. Къ началу 1891 г. въ постройкѣ находилось 411 верстъ желѣзныхъ дорогъ, а къ концу его уже 3 тыс. верстъ. Въ слѣдующіе годы число строящихся верстъ было уже 4—6—10 тыс., и наконецъ въ 1897 г. протяженіе строящихся линій достигло максимальной цифры—12 тыс. верстъ. Послѣ того сооруженіе рельсовыхъ путей пошло на убыль. Въ 1900 г. открыто было для движенія лишь

3 тыс. верстъ новыхъ путей, въ 1901 г.—столько же, въ 1902 г.—слишкомъ вдвое меньше, а въ слѣдующіе годы еще меньше. Въ 1898 и 99 гг. въ постройкѣ находилось 10 тыс. верстъ, а въ слѣдующіе три года 8—9 тыс. верстъ. Всего за десятилѣтіе 1890—1900 г. закончено сооруженіемъ 30 тыс. верстъ рельсовыхъ путей; и для ихъ сооруженія согласно разсчету С. А. Щепотьева [1]), потребовалось горныхъ и механическихъ издѣлій на сумму 700 милліоновъ рублей. Кромѣ того, израсходовано 700 тыс. руб. на улучшеніе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Металлургическая промышленность, поэтому, прежде и больше всѣхъ остальныхъ почувствовала оживляющую силу государственно-строительныхъ плановъ, и на первыхъ порахъ эта сила притекала къ ней въ видѣ настоящаго золотого дождя.

Хотя производство стальныхъ рельсовъ въ промышленныхъ странахъ настолько технически подвинулось впередъ, что пудъ рельсовъ въ Сѣверо-Американскихъ, напр., Штатахъ, продается по 50 коп., и хотя, при оборудованіи заново южнаго металлургическаго района, слѣдовало ожидать, что заводы будутъ здѣсь сооружены съ примѣненіемъ всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій, такъ что расходы производства издѣлій мало будутъ отличаться отъ того, что представляютъ въ этомъ отношеніи другія страны,—но до 1896 г. министерство финансовъ платило за русскіе рельсы 1 р. 84 к. за пудъ, въ 1896—1897 г.—по 1 р. 56 к. и лишь въ концѣ 1897 г., угрозой выписать рельсы изъ-за границы, оно заставило заводчиковъ довольствоваться 1 р. 18 к. за пудъ. Согласно разсчету С. А. Щепотьева переплата заводчикамъ за рельсы до послѣдняго соглашенія съ ними о цѣнѣ въ 1 р. 18 к. составляетъ 50 милл. руб. Эта сумма поднимется до 100 милл. руб., если сосчитать то, что переплачено по осталянымъ металлическимъ издѣліямъ. А такъ какъ общій расходъ строившихся въ 1891—97 гг. желѣзныхъ дорогъ на издѣлія горныхъ и механическихъ заводовъ, составлялъ 500 милл. руб. [2]), и предприниматели покрыли бы расходы производства и получили достаточную прибыль, получивъ за исполненную работу сотней милліоновъ рублей менѣе, то эта сотня милліоновъ, или 25% стоимости произведенныхъ издѣлій, соста-

---

[1]) Стат. итоги промышленнаго развитія Россіи. Изд. В. Эк Общ. стр. 65.
[2]) Стат. итоги пром. развитія Россіи, с. 65—66.

вляетъ дополнительный доходъ, полученный металлургическими заводчиками, благодаря щедрости заказчика. При такомъ золотомъ дождѣ, ниспадавшемъ на металлургическіе заводы, неудивительно, если предприниматели спѣшили какъ-нибудь соорудить заводъ и начать скорѣе загребать деньгу. Заводы неизбѣжно, поэтому, должны были строиться въ избыткѣ и безъ надлежащей заботы о совершенствѣ сооруженія.

Въ 1889 г.,—моментъ, предшествующій усиленному желѣзнодорожному строительству,—на всѣхъ нашихъ заводахъ было выплавлено 45 милл. пуд. чугуна. Черезъ десять лѣтъ, въ разгаръ этого строительства, выплавка чугуна возросла до 165 милл. пуд., т.-е. увеличилась на 120 милл. пуд. Въ суммѣ 165-ти милл. пуд. выплавки 1899 г. находилось 72 милл. пуд. чугуна, необходимаго для удовлетворенія заказовъ желѣзныхъ дорогъ на рельсы, паровозы, вагоны и другія принадлежности желѣзнодорожнаго строительства [1]); на всѣ остальныя нужды страны остается, слѣдовательно, 93 милл. пуд., или 55% общей выплавки чугуна. Сколько чугуна употреблялось на желѣзнодорожныя принадлежности десять лѣтъ назадъ—мы сказать не можемъ. Намъ извѣстно лишь, что рельсовъ въ 1889 г. на нашихъ заводахъ выдѣлано было 5,4 милл. пуд. Полагая, что отношеніе между количествомъ заказанныхъ рельсовъ и другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей въ 1889 г. было приблизительно таково же, какъ и въ 1899 г., т.-е. что рельсы составляли нѣсколько больше половины желѣзнодорожныхъ заказовъ [2]) (хотя, по причинѣ худшей оборудованности заводовъ, заказы сложныхъ частей, вѣроятно, отдавались за границу), можно принять, что въ 1889 г. желѣзнодорожныхъ металлическихъ принадлежностей приготовлялось на нашихъ заводахъ около 9 милл. пуд., что, въ переводѣ на чугунъ, составляло 12 милл. пуд., или 25—30% общей выплавки этого металла. Въ 1899 г. желѣзныя дороги потребляли уже, какъ мы видѣли, 72 милл. пуд. чугуна, или 45% общей добычи послѣдняго. Желѣзнодорожные заказы металлическихъ частей увеличились, такимъ образомъ, въ теченіе десяти лѣтъ абсолютно въ 6 разъ, а относительно (по сравненію съ общей добычей чугуна)—почти въ $1\frac{3}{4}$ раза. Работа металлурги-

[1]) А. Матвѣевъ. Желѣзнодорожное дѣло Россіи въ 1901 г., стр. 2.
[2]) А. Матвѣевъ, Желѣзнодорожное дѣло Россіи въ 1900 г., стр. 6.

ческихъ заводовъ въ 1889 г. распредѣлялась между заказами желѣзнодорожныхъ принадлежностей и производствомъ для прочихъ нуждъ такимъ образомъ, что на первые тратилось 12 милл. пуд. чугуна, а на вторые—33 милл. пуд. Въ 1899 г. желѣзнодорожныя нужды поглощали 72 милл. пуд., а прочія потребности страны — 93 милл. пуд. Къ концу разсматриваемыхъ десяти лѣтъ поэтому расходъ металла на желѣзнодорожныя цѣли увеличился на 60 милл. пуд. (72 минусъ 12 милл. пуд.), а на прочія нужды тоже на 60 милл. пуд. (93 минусъ 33 милл. пуд.). Изъ приведенныхъ разсчетовъ читатель можетъ усмотрѣть, что возростаніе къ концу десятилѣтія, отличавшагося форсированнымъ сооруженіемъ у насъ желѣзныхъ дорогъ, выплавки чугуна на 120 милл. пуд., распредѣляется поровну между непосредственными требованіями желѣзныхъ дорогъ и остальными нуждами страны. Потребленіе чугуна желѣзными дорогами увеличивалось въ это время, въ среднемъ, на 6 милл. пудовъ въ годъ; расходъ металла на всѣ прочія нужды страны (въ томъ числѣ и на военныя надобности) возросталъ ежегодно тоже на 6 милл. пуд. Таково непосредственное участіе желѣзныхъ дорогъ въ развитіи промышленной отрасли, обнаружившей наибольшіе успѣхи.

Но не малую долю этихъ успѣховъ слѣдуетъ отнести на счетъ тѣхъ же желѣзныхъ дорогъ, но требовавшихъ металлъ посредственно. Мы имѣемъ въ виду производство тѣхъ металлическихъ частей, какія нужны были для оборудованія новыхъ заводовъ, рудниковъ и фабрикъ, сооружаемыхъ для нуждъ желѣзнодорожнаго дѣла: чтобы давать желѣзнымъ дорогамъ, въ видѣ рельсовъ, мостовыхъ частей, паровозовъ и т. п., тѣ новые милліоны пудовъ чугуна, какіе требовались для строящихся линій и которыя въ 1899 г. выражались суммою 60 милл. пуд. Какъ велико должно быть это количество чугуна, видно изъ того, что все производство послѣдняго въ начальный моментъ разсматриваемаго нами періода равнялось 45 милл. пуд., а одно непосредственное потребленіе этого металла желѣзными дорогами возросло къ 1899 г. до 72 милл. пуд., т.-е. на 60% превосходило общую выплавку чугуна въ 1889 г. Можно считать, что для удовлетворенія одного желѣзнодорожнаго требованія на чугунъ нужно было удвоить число металлургическихъ приспособленій и на это оборудованіе страны пошла не малая доля того приращенія (на 6 милл. пуд. въ годъ) выплавки чугуна, ко-

торое не было использовано желѣзными дорогами непосредственно. Желѣзныя дороги требовали и другихъ принадлежностей строительнаго дѣла, какъ-то кирпича, цемента, деревянныхъ частей вагоновъ, зданій и т. п. Для отвѣта на эти требованія нужно было тоже сооружать соотвѣтствующія заведенія и оборудовать ихъ металлическими частями, т.-е. предъявлять новый спросъ на металлургическія издѣлія. Крупные фабрики и заводы примѣняютъ механическую двигательную силу, т.-е. расходуютъ большія массы топлива и все болѣе и болѣе переходятъ къ употребленію минеральнаго топлива—каменноугольнаго и нефтянаго. Тотъ же видъ топлива распространяется и на желѣзныхъ дорогахъ, старыхъ и новыхъ. Усиленіе желѣзнодорожнаго строительства—помимо сооруженія заведеній для приготовленія нужныхъ для новыхъ дорогъ матеріаловъ и другихъ принадлежностей—вызывало поэтому новое оборудованіе въ каменноугольной и нефтяной промышленности, т.-е. опять-таки новый запросъ на металлическія издѣлія и т. д.

Учесть хотя бы приблизительно размѣръ посредственнаго вліянія желѣзныхъ дорогъ на развитіе металлургической промышленности мы не можемъ. Мы должны поэтому ограничиться приведеніемъ нѣсколькихъ фактовъ, косвенно опредѣляющихъ значеніе рельсовой сѣти для этой промышленности. Желѣзныя дороги непосредственно потребляютъ 230 милл. пуд., или почти одну четвертую часть добываемаго въ Россіи каменнаго угля, и до 100 милл. пуд., или 25%, вырабатываемыхъ нефтяныхъ остатковъ. Южный металлургическій районъ почти цѣликомъ является дѣтищемъ послѣднихъ 10—15 лѣтъ; а какое количество металлическихъ частей понадобилось для его оборудованія, видно изъ того, что этотъ районъ выплавляетъ большую половину чугуна Россіи. Всѣ же почти металлургическіе заводы этого района сооружались для выполненія заказовъ желѣзныхъ дорогъ.

Форсированное желѣзнодорожное строительство воздѣйствовало на металлургическую промышленность и другими, болѣе окольными путями. Давая рабочему населенію новые заработки, т.-е. новыя средства удовлетворенія его потребностей, оно увеличивало запросъ рынка на разные предметы потребленія, содѣйствовало расширенію производства этихъ предметовъ, для чего нужно было расширять старые фабрики и заводы, строить новые и оборудовать ихъ, т.-е. давать работу, въ числѣ прочихъ, и металлургическимъ предпрія-

тіямъ. О тѣхъ доходахъ, которые получило рабочее населеніе, благодаря собственно сооруженію желѣзныхъ дорогъ, нѣкоторое понятіе могутъ дать слѣдующія цифры.

Согласно свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Брандтомъ, въ суммѣ валового дохода донецкихъ металлургическихъ заводовъ, расходъ на заработную плату, какъ непосредственно уплачиваемую заводами, такъ и заключающуюся въ матеріалахъ, пріобрѣтаемыхъ для переработки, колеблется отъ 25 до 40% [1]). Сообразуясь болѣе съ низшей цифрой этого разсчета и основываясь на томъ, что на металлическія издѣлія для строящихся желѣзныхъ дорогъ истрачено въ теченіе послѣдняго десятилѣтія 700 милл. руб., можно положить, что въ руки рабочихъ изъ этой суммы попало около 200 милл. руб., что составляетъ, въ среднемъ, около 20 милл. рублей въ годъ. Согласно нормамъ г. Щепотьева [2]), изъ 1,5 милліарда рублей, затраченныхъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, — на разные строительные матеріалы (лѣсъ, песокъ, камень, глину, цементъ) и на промысловыхъ рабочихъ пошло 380 милл. руб., а на землекоповъ и чернорабочихъ или на устройство земляного полотна — 200 милл. руб. Полагая (согласно другому разсчету г. Брандта), что заработки рабочихъ составляютъ только половину этихъ суммъ, мы получимъ еще 300 милл. руб., или 30 милл. руб. въ годъ, переходящихъ въ руки рабочихъ, занятыхъ при постройкѣ дорогъ, при выдѣлкѣ для нихъ кирпича, цемента, рубкѣ лѣса и т. п. Сооруженіе рельсовой сѣти, какъ таковое, вливало, слѣдовательно, въ рабочія массы ежегодно 50 милліоновъ рублей. Но ростущая сѣть вызывала новый расходъ на рабочую силу для эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ. По приблизительному разсчету, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ этотъ новый расходъ составилъ 310 милл. руб. [3]),

---

[1]) Иностранные капиталы. Часть вторая, стр. 189—200

[2]) Статистическіе итоги, и пр., стр. 65

[3]) Согласно разсчету г. Щепотьева, изъ числа 200.789 постоянныхъ служащихъ и рабочихъ въ 1895 г. на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ служащихъ было 64.353, рабочихъ, слѣдовательно, 136 436, что составитъ 4,3 рабоч. на версту. Въ теченіе 1892—1901 гг. въ эксплоатаціи находилось, въ среднемъ, на 12 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ болѣе, нежели въ 1891 г., и употреблялось, слѣдовательно, на 51,6 тыс. постоянныхъ рабочихъ болѣе, чѣмъ въ 1891 г. Считая заработокъ одного рабочаго въ 200 руб, это составитъ лишній расходъ 10,3 милл. руб. въ средній годъ, или 103 милл. руб. за все десятилѣтіе. Расходъ на временныхъ служащихъ составилъ въ 1891 г.

или, въ среднемъ, 31 милл. руб. въ годъ, а новый расходъ на рабочихъ вмѣстѣ со служащими—почти 50 милл. руб. въ годъ. Непосредственно желѣзныя дороги производили, слѣдовательно, новый расходъ на рабочую силу (и служащихъ) около 100 милл. р. въ годъ.

Ближайшее посредственное вліяніе желѣзнодорожной горячки послѣдняго десятилѣтія на заработки рабочаго люда обусловливалось тѣмъ, что для отвѣта на возросшія требованія строительныхъ матеріаловъ и другихъ принадлежностей желѣзнодорожнаго дѣла явились новые заводы: металлургическіе, кирпичные, цементные и т. д., сооруженіе которыхъ требовало много рабочихъ рукъ. Мы приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету относительно южнаго металлургическаго района. По свѣдѣніямъ г. Брандта, изъ 15 милл. руб., затраченныхъ на сооруженіе, въ срединѣ истекшаго десятилѣтія, крупнѣйшаго завода на югѣ—Петровскаго, Русско-Бельгійскаго общества,—на вознагражденіе рабочихъ—непосредственно и въ цѣнѣ пріобрѣтаемыхъ матеріаловъ—издержано 3 милл. руб. [1]), или одна пятая часть всего первоначальнаго расхода. Приблизительно таково же, вѣроятно, отношеніе расхода на заработную плату къ суммѣ всѣхъ первоначальныхъ издержекъ и у другихъ заводовъ того же района, среди которыхъ находятся такіе крупные, какъ, напр., Днѣпровскій металлургическій заводъ съ основными затратами въ 20 милл. руб., Таганрогское металлургическое общество съ затратами въ 13 милл. руб., Верхне-Днѣпровское металлургическое общество, затратившее на оборудованіе своихъ заводовъ 14 милл. руб., Никополь-Маріупольское горное и металлургическое общество съ основными затратами въ 11 милл. руб., Донецкое общество желѣзнодорожнаго и сталелитейнаго производства и Генеральное общество съ затратами на обзаведеніе по 10 милл. руб.,

---

2.620 тыс. руб. Въ теченіе послѣдующихъ 10 лѣтъ по этой статьѣ израсходовано 54.500 тыс. руб., въ томъ числѣ 26.200 тыс. (2.620×10) падаетъ на долю расхода, перешедшаго отъ прежнихъ лѣтъ, а 28 милл. составляютъ новый расходъ. На поденныхъ рабочихъ въ 1891 г. израсходовано 19 милл. руб., за послѣдующія 10 лѣтъ—369 милл. руб., изъ коихъ 179 милл. руб (369 минусъ 190) составляютъ новый расходъ. Всего за послѣднія 10 лѣтъ на рабочую силу при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, не считая суммъ, соотвѣтствующихъ расходу 1891 г., истрачено 103+28+179=310 милл. руб. (Вычислено на основаніи „Ст. Сб. Мин. П. С.“).

[1]) Иностранные капиталы, ч. вторая, стр. 178.

Донецко-Юрьевское металлургическое и Голубковское Берестовско-Богодуховское—съ затратами по 7 милл. руб., и т. д. Только девять названныхъ крупныхъ обществъ донецкаго района израсходовали на первоначальное обзаведеніе 110 милл. руб., изъ коихъ на вознагражденіе рабочихъ, по нормѣ Петровскаго завода, должно быть отнесено болѣе 20 милл. руб.

Кромѣ строительной работы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ и заводовъ, вырабатывающихъ принадлежности желѣзнодорожнаго дѣла, проведеніе новыхъ линій и основаніе новыхъ заводовъ ведетъ къ перемѣщенію, ради требованія новыхъ сооруженій, крупныхъ массъ рабочихъ, къ устройству новыхъ поселковъ и расширенію старыхъ, къ возведенію, значитъ, опять новыхъ построекъ, къ расширенію, слѣдовательно, дѣятельности кирпичныхъ и всякихъ другихъ заводовъ, къ увеличенному спросу на рабочія руки, къ возрастанію заработковъ населенія. Новыя суммы, вливаемыя въ рабочую массу сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ, связанныхъ съ ними промышленныхъ предпріятій и вызываемыхъ тѣми и другими жилыхъ, торговыхъ и всякихъ другихъ помѣщеній, равно какъ и суммы, поступающія въ руки разнаго рода руководителей и служащихъ при строительныхъ работахъ, расходуются на различные предметы потребленія. Этотъ добавочный спросъ вызываетъ добавочное производство, для осуществленія коего требуется расширеніе фабрикъ и заводовъ, т.-е. новый спросъ на кирпичъ, цементъ, металлическія части строеній, машины и т. п. Сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, заводовъ вело къ значительному передвиженію населенія и болѣе отдаленнымъ путемъ оживленія промышленной дѣятельности вообще и облегченіемъ процесса самого передвиженія. Послѣднее усилилось въ описываемое время еще вслѣдствіе возростающаго разоренія земледѣльческаго класса, обостреннаго неурожайными годами, и пониженія въ 1894 г. пассажирскихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. О развитіи отхожихъ промысловъ въ описываемое время можно судить потому, что тогда какъ число ежегодно выдаваемыхъ паспортовъ съ 3,7 милліоновъ въ семидесятыхъ годахъ поднялось до 5 милл. въ восьмидесятыхъ,—въ девяностыхъ годахъ ежегодно выдавалось болѣе 7 милліоновъ паспортовъ [1]).

---

[1]) Матеріалы по движенію благосостоянія сельскаго населенія Европейской Россіи.

Сельское населеніе стремилось преимущественно въ города, и для его пріема нужно было увеличивать размѣры послѣднихъ. Въ дополненіе къ промышленному строительству развилось, поэтому, строительство городское. Строительная дѣятельность въ городахъ была усилена еще приведеніемъ ихъ въ благоустроенное состояніе сооруженіемъ водопроводовъ, электрическаго освѣщенія, трамваевъ, чему не мало содѣйствовали иностранные предприниматели, выискивавшіе заказы повсюду и предлагавшіе городамъ свои услуги на болѣе или менѣе соблазнительныхъ условіяхъ. Наконецъ, не малые расходы производились въ это десятилѣтіе на сооруженіе военныхъ судовъ. Производство строительныхъ матеріаловъ, принадлежностей и предметовъ для оборудованія желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, заводовъ, городовъ составляетъ, поэтому, самую выдающуюся черту послѣдняго оживленія нашей промышленности, о чемъ можно судить, между прочимъ, по даннымъ о перевозкѣ желѣзными дорогами разныхъ грузовъ.

Съ 1893 по 1897 г. количество поступавшихъ на рельсовую сѣть грузовъ увеличилось на 741 тыс. пуд., или на 34%. При этомъ продукты непосредственнаго потребленія возрастали гораздо медленнѣе этого средняго отношенія, а грузы, состоящіе изъ строительныхъ принадлежностей и предметовъ оборудованія заводовъ и желѣзныхъ дорогъ, росли гораздо быстрѣе. Перевозка рельсовъ увеличилась—на 55%, металлическихъ строительныхъ принадлежностей—на 60%, строительныхъ матеріаловъ, принадлежащихъ къ группѣ керамическихъ производствъ (кирпичъ, известь и др.)—на 93%, желѣзнодорожныхъ шпалъ—на 95%, принадлежностей подвижного состава желѣзныхъ дорогъ—на 380% и т. д.

То, что было изложено на предыдущихъ страницахъ, объясняетъ главныя причины и источники послѣдняго промышленнаго оживленія. Исходной точкой его служило государственное (прямо или косвенно) сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. За нимъ слѣдовало, прямо или косвенно съ нимъ связанное, сооруженіе новыхъ фабрикъ и заводовъ. Толчкомъ къ такому сооруженію служилъ увеличенный спросъ на принадлежности строительнаго дѣла и на предметы общаго потребленія. Границы же сооруженія новыхъ фабрикъ и заводовъ опредѣлялись не размѣрами спроса, а наличностью капиталовъ, ищущихъ помѣщенія. Кромѣ того капитала, который обращается въ промышленности въ обыкновенное время, къ участію въ

учредительствѣ привлечены были частныя сбереженія,—обратившіяся къ этому подъ вліяніемъ уменьшенія дохода процентныхъ бумагъ, вслѣдствіе конверсіи государственныхъ и банковыхъ займовъ и спекулятивной игры дивидендными бумагами. Привлеченію капиталовъ къ горнозаводской промышленности прямо содѣйствовало правительство, предлагая устраивающимся акціонернымъ обществамъ заказы на желѣзнодорожныя принадлежности по крайне высокимъ, какъ мы видѣли, цѣнамъ, обезпечивая имъ такимъ образомъ заранѣе извѣстный доходъ и какъ бы избавляя ихъ отъ заботы искать рынокъ для своихъ издѣлій. Этотъ способъ примѣнялся преимущественно къ иностраннымъ капиталамъ, и учредительная дѣятельность проявлялась поэтому съ удвоенной энергіей. Сколько было затрачено въ это время въ Россіи иностранныхъ капиталовъ—сказать трудно; но, судя потому, что желѣзнодорожные займы помѣщены были за границей на сумму около 700—800 милл. руб., и что по разсчету Поля Лавелэ однихъ только бельгійскихъ капиталовъ затрачено было въ русскихъ промышленныхъ предпріятіяхъ 275 милл. руб., можно сказать, что приливъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію въ теченіе истекшаго десятилѣтія составлялъ, вѣроятно, около 1,5 милліарда рублей. Новая фабрика и новый заводъ сооружались, конечно, соотвѣтственно новѣйшимъ требованіямъ техники. Они поэтому оказывались совершеннѣе многихъ старыхъ заведеній и побѣждали ихъ въ борьбѣ за рынки. Описываемый періодъ явился, поэтому, моментомъ промышленнаго переоборудованія страны, происходившаго въ это время быстрѣе обыкновеннаго.

Все это отразилось прежде всего на состояніи металлургической, а затѣмъ каменноугольной и нефтяной промышленности. Выплавка чугуна съ 1889 по 1900 гг. возросла съ 45 до 178 милл. пуд., т.-е. на 133 милл. пуд. или почти въ четыре раза; добыча каменнаго угля увеличилась съ 380 до 985 милл. пуд., т.-е. на 605 милл. пуд., или слишкомъ въ $2^1/_2$ раза, а добыча нефти поднялась съ 200 до 600 милл. пуд., или въ три раза. Нефть добывается у насъ преимущественно для переработки въ топливо (нефтяные остатки); развитіе двухъ послѣднихъ отраслей промышленности означаетъ, поэтому, быстрое распространеніе ископаемаго топлива. Увеличенный расходъ топлива является естественнымъ слѣдствіемъ расширенія строительной дѣятельности—будетъ ли это возведеніе фабрикъ, жилыхъ домовъ или сооруженіе желѣзныхъ до-

рогъ. Во всѣхъ случаяхъ новое сооруженіе потребуетъ затраты горючаго матеріала — для отопленія домовъ, фабрикъ, желѣзнодорожныхъ станцій, для снабженія двигательной силой заводовъ, фабрикъ и локомотивовъ. Увеличеніе добычи минеральнаго топлива было у насъ, однако, послѣдствіемъ и другого явленія, а именно, сокращенія потребленія дровъ. Замѣна древеснаго топлива нефтянымъ и каменноугольнымъ наблюдается преимущественно въ области промышленности и транспорта, но она происходитъ въ нѣкоторой степени и въ сферѣ народнаго потребленія. Для иллюстраціи сказаннаго ограничимся двумя фактами: колебаніями отправленія рельсовыми путями различныхъ видовъ топлива, находящагося въ зависимости отъ ихъ производства, и развитіемъ потребленія топлива желѣзными дорогами. Съ 1893 по 1900 г. перевозка рельсовыми путями нефтяныхъ остатковъ возросла съ 58 до 131 милл. пуд., а каменнаго угля—съ 343 до 740 милл. пуд., т.-е. увеличилась слишкомъ вдвое; отправленіе же дровъ поднялось съ 143 до 225 милл. пуд., т.-е. увеличилось всего съ небольшимъ въ полтора раза. Потребленіе желѣзными дорогами Европейской Россіи минеральнаго топлива (по переводѣ въ дровяное) возросло за эти десять лѣтъ съ 1.074 до 3.234 тыс. куб. саж., или слишкомъ въ три раза, а потребленіе древеснаго топлива увеличилось съ 620 до 844 куб. саж., или всего на одну треть.

Охватывая приведенныя выше данныя о развитіи металлургической, каменноугольной и нефтяной промышленности общимъ взглядомъ, мы можемъ высказать, что непосредственными источниками наиболѣе выраженнаго въ послѣдніе годы оживленія нашей промышленности были: предпринятое государствомъ форсированное сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и замѣна въ національномъ потребленіи древеснаго топлива минеральнымъ.

Описываемое оживленіе нашей промышленности не могло, конечно, продолжаться безконечно. Для его поддержанія слѣдовало бы болѣе и болѣе быстрымъ темпомъ расширять нашу рельсовую сѣть, а для этого, не говоря о всемъ прочемъ, нужно было имѣть неизсякаемый источникъ капиталовъ для затраты на желѣзнодорожное дѣло. Свободные же капиталы образуются лишь съ извѣстной постепенностью, и къ международному рынку, гдѣ Россія преимущественно и добывала нужныя ей средства, предъявлялись требованія капиталовъ и со стороны другихъ странъ. Рано или поздно, но

желѣзнодорожная горячка должна была у насъ утихнуть, а вслѣдъ за сокращеніемъ желѣзнодорожнаго строительства должно было наступить критическое состояніе и другихъ промышленныхъ отраслей. Моментъ перелома въ положеніи нашей промышленности относится къ самому концу истекшаго десятилѣтія.

Мы видѣли, что максимумъ желѣзнодорожнаго строительства относится къ 1897 г., когда въ постройкѣ находилось 12 тыс. вер. рельсовыхъ путей; что въ 1898 и 1899 г. протяженіе строющихся путей составляло 10 тыс. вер., а въ слѣдующіе годы — 8 тыс. верстъ. Намъ извѣстно также, что съ 1889 по 1899 г. требованіе желѣзныхъ дорогъ на чугунъ поднялось съ 12 милл. пуд. (приблизительно) до 72 милл. пуд.

Эта цифра желѣзнодорожныхъ заказовъ металлическихъ частей въ 1899 г. (по разсчету на чугунъ 72 милл. пуд.) является высшей за разсматриваемый періодъ. Наивысшая валовая выплавка русскими заводами чугуна (въ 1900 г.) составляетъ 178 милл. пуд., а наивысшее потребленіе страной металлическихъ предметовъ (въ переводѣ на чугунъ), считая и прибытіе изъ-за границы, имѣло мѣсто въ 1899 г. и достигало 220 милл. пуд. [1]).

Хотя максимальная потребность Россіи въ чугунѣ опредѣлялась въ разсматриваемый моментъ въ 220 милл. пуд. (полное удовлетвореніе потребности въ металическомъ товарѣ внутреннимъ производствомъ никогда, однако, не будетъ достигнуто по одному тому, что нѣкоторые предметы хорошаго качества будутъ приготовляться лишь за границей), а максимальное производство не достигало 180 милл. пуд., но, благодаря поощрительнымъ мѣрамъ и спекуляціи, ими поддерживаемой, чугуно-плавильныхъ заводовъ въ теченіе разсматриваемаго періода выстроено у насъ столько, что ими могло бы быть приготовляемо 260 милл. пуд. чугуна въ годъ, т.-е. на одну пятую часть больше того, что̀ потреблялось у насъ въ моментъ исключительнаго требованія на металлъ, и почти на 50% болѣе максимальной выплавки послѣднихъ лѣтъ. Приведенныя цифры наглядно показываютъ, какъ неудержимо стремилась въ моменты расцвѣта русская металлургическая промышленность къ такому состоянію, при которомъ производство далеко обгоняетъ требованіе рынка и которое необходимо вело поэтому къ остановкѣ многихъ

[1]) Вѣстникъ Фин., Пром. и Торговли, 1903 г. № 30, стр. 148.

заводовъ и разоренію ихъ владѣльцевъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1900 г., напр., когда кризисъ былъ уже на носу, и южные заводы выплавили максимальное количество чугуна, спеціальная комиссія высчитывала, что, судя по ходу новыхъ заводскихъ сооруженій, слѣдуетъ ожидать, что южный металлургическій районъ выплавитъ въ 1901 г. 125 милл. пуд., въ 1902 г. 140 милл. пуд., въ 1903 г. — 150 милл. пуд. и въ 1904 г. — 160 милл. пуд. Вмѣсто того районъ этотъ произвелъ въ 1901 г. 92 милл. пуд., или 75% назначеннаго количества, въ 1902 г. — 84 милл. пуд. или 60%, а въ 1903 г. 83 милл. пуд. или 55% того количества чугуна, какое могло бы быть получено при существующемъ оборудованіи района. Общая выплавка чугуна достигла въ 1903 г. 148 милл. пудовъ, т.-е. составляла немного болѣе половины производительной способности чугуно-плавильныхъ заводовъ. Считая же и привозъ чугуна, желѣза, стали и издѣлій изъ нихъ (по переводѣ въ чугунъ) изъ-за границы и сокращеніе запасовъ, можно сказать, что емкость русскаго рынка относительно чугуна не превосходила въ 1903 г. 177 тыс. пуд., т.-е. 68% возможной добычи этого металла. Въ 1904 г., при годовой производительности заводовъ на 300 милл. пудовъ, выплавлено чугуна 180 милл. пуд. или 60%.

Ограниченіе производства наблюдается, конечно, и въ другихъ близкихъ отрасляхъ. Такъ, заводы, оборудованные для годовой выдѣлки 235 милл. пуд. желѣза, выдѣлали въ 1900 г. лишь 122 милл. пуд. или нѣсколько больше половины того, что они могли дать. Кривой Рогъ можетъ доставлять 355 милл. пуд. желѣзной руды въ годъ, а продалъ въ 1902 г. 160 милл. пуд. или 45% возможной добычи [1]).

Соотвѣтственно тому, что было говорено выше, слѣдуетъ заключить, что критическое положеніе металлургической промышленности, вызванное безумной правительственной спекуляціей истекшаго десятилѣтія, всего пагубнѣе должно отразиться на Донецкомъ и всего менѣе на Уральскомъ районѣ. И дѣйствительно, тогда какъ на Уралѣ въ 1903 г. было использовано 70% его способности къ выплавкѣ чугуна, въ Царствѣ Польскомъ использовано лишь 55%, а въ Донецкомъ районѣ—менѣе 50%.

---

[1]) Князь Абамелекъ-Лазаревъ. Вопросъ о нѣдрахъ и развитіи горной промышленности въ XIX столѣтіи, с. 45.

Промышленное оживленіе Россіи разсматриваемаго періода отличается отъ тѣхъ оживленій, какія наблюдались у насъ ранѣе, своей продолжительностью: вмѣсто трехъ-четырехъ лѣтъ, какъ это было въ пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, цвѣтущее состояніе промышленности продолжалось у насъ чуть не цѣлое десятилѣтіе. Это было результатомъ близкаго участія въ оживленіи государства, вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что промышленная дѣятельность послѣдняго десятилѣтія направлялась, главнымъ образомъ, на оборудованіе страны, а не на приготовленіе предметовъ общаго потребленія. Пока идетъ это оборудованіе, т.-е. пока строятся заводы, фабрики, желѣзныя дороги, жилыя помѣщенія въ городахъ и т. п., до тѣхъ поръ рынокъ представляетъ живой спросъ на всѣ товары (преимущественно, конечно, на строительныя принадлежности) и на трудъ, и всѣ чувствуютъ себя хорошо. Но когда заводы и дороги построены и ихъ приходится пустить въ дѣло — оказывается, что на рынкѣ нѣтъ сбыта для всѣхъ тѣхъ товаровъ, которые могутъ быть ими произведены, нѣтъ достаточнаго количества грузовъ для питанія всѣхъ выстроенныхъ дорогъ, и наступаетъ моментъ ликвидаціи предшествующаго оживленія. Моментъ этотъ отдалялся для русской промышленности тѣмъ, что главный потребитель наиболѣе оживившихся отраслей, приготовлявшихъ матеріалы и принадлежности строительнаго дѣла, — желѣзныя дороги, — строились не по коммерческимъ соображеніямъ, а по разсчетамъ финансоваго вѣдомства, бравшаго на себя денежную отвѣтственность за результаты. Не будь этого обстоятельства — ликвидація промышленнаго оживленія наступила бы у насъ гораздо ранѣе. Если не касаться вопроса о скрытомъ желѣзнодорожномъ кризисѣ, то начало промышленнаго кризиса нужно будетъ отнести къ XX-му вѣку. Но если отъ общихъ итоговъ желѣзнодорожнаго строительства, поддерживаемаго суммами государственнаго казначейства, обратиться къ судьбѣ отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, то мы убѣдимся, что при свободномъ теченіи дѣлъ, желѣзнодорожная горячка, а съ ней и общее промышленное оживленіе остыли бы гораздо ранѣе. Два нашихъ крупнѣйшихъ и когда-то богатыхъ желѣзнодорожныхъ общества — юго-восточныхъ и рязанско-уральской желѣзныхъ дорогъ, — обреченныя стать застрѣльщиками промышленнаго оживленія, и на которыя, въ этихъ видахъ, было возложено сооруженіе 4,5 тысячъ верстъ новыхъ рельсовыхъ путей, — изнемогли подъ тяжестью этого

предпочтенія, далеко еще не выполнивъ своей миссіи. Принадлежащія имъ линіи перестали почти приносить акціонерамъ доходъ уже въ 1898 г. (рязанско-уральская дорога до сихъ поръ находится въ такомъ положеніи), да и ранѣе этого момента дивиденды получались, главнымъ образомъ, благодаря бухгалтерскому искусству, не строго отдѣлявшему эксплоатаціонные капиталы отъ строительныхъ. При свободномъ теченіи дѣлъ уже въ это время можно было ожидать рѣзкаго сокращенія желѣзнодорожнаго строительства, а за нимъ и ликвидаціи промышленнаго оживленія, но такъ какъ руководителемъ перваго было государство, то естественное наступленіе промышленнаго кризиса отлагалось до того момента, когда и государственныхъ рессурсовъ оказалось недостаточно, чтобы поглощать все болѣе и болѣе растущую массу желѣза и другихъ строительныхъ матеріаловъ, а денежныя стѣсненія международнаго рынка не представляли возможности занимать за границей такія суммы, чтобы поглощать все предложеніе товаровъ поощряемой промышленности, не находящихъ себѣ мѣста на обычномъ рынкѣ. Но и при нахожденіи такихъ суммъ государство не могло безгранично расширять желѣзнодорожную сѣть для поддержанія никому ненужныхъ фабрикъ и заводовъ, по той причинѣ, что поддержаніе этихъ заводовъ, поглотивъ чистые доходы частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, начало грозить прямыми убытками и государственному казначейству. Желѣзнодорожное дѣло, приносившее казнѣ нѣкоторый доходъ, въ послѣдніе годы стало требовать затраты изъ бюджета для покрытія дефицита. Въ 1901—3 гг. эта затрата колебалась между 30 и 40 милл. руб., а въ 1904 г. превышала 60 милл. руб. Эти суммы возрастутъ на нѣсколько десятковъ милліоновъ, если считать и расходы на улучшеніе казенныхъ жел. дорогъ. Желѣзнодорожное строительство, однако, не сразу прекратилось, потому что остановка этого строительства воочію показала бы всю необоснованность послѣдняго нашего промышленнаго оживленія. Но тѣхъ 8.000 верстъ, которыя ежегодно находились въ постройкѣ въ первые годы новаго столѣтія, было далеко недостаточно для поддержанія промышленности на высотѣ, куда она была вскинута ради опредѣленныхъ финансовыхъ цѣлей, и главнѣйшая вѣтвь этой промышленности (металлургія) давала въ лучшія времена, какъ мы видѣли, всего $^2/_3$ того количества продукта, на производство котораго она разсчитана, а въ 1903 г. добыча въ Россіи чугуна

едва превосходила половину того, что̀ можетъ дать страна. Значительная часть металлургическихъ приспособленій остается у насъ, слѣдовательно, въ бездѣйствіи. Въ концѣ 1903 г. въ южномъ районѣ, напр., работало всего 28 домнъ изъ 56-ти (многія домны, впрочемъ находились въ ремонтѣ). „Правда, во всѣхъ крупнѣйшихъ странахъ съ установившеюся желѣзной промышленностью число дѣйствующихъ домнъ даже въ періодъ промышленной горячки далеко не подходитъ къ числу имѣющихся въ странѣ домнъ, — говоритъ г. А. Вольскій. — Однако разница между Россіей и этими странами велика: въ то время, какъ у насъ почти всѣ до единой домны стоятъ на уровнѣ возможности продолжать работу, въ этихъ странахъ большинство недѣйствующихъ домнъ, по отчисленіи ремонтируемыхъ, представляетъ старый хламъ, неспособный продолжать существованіе даже при улучшенныхъ условіяхъ чугуннаго рынка. У насъ домны стоятъ вслѣдствіе невозможности сбыть выплавленный чугунъ, а за границей вслѣдствіе невозможности ими работать“ [1]).

Общіе итоги промышленнаго развитія въ теченіе истекшаго десятилѣтія можно обрисовать слѣдующими немногими цифрами. Въ 1890 г. передъ началомъ безумно покровительственной политики, сумма производства всѣхъ нашихъ фабрикъ и заводовъ исчислялась въ 1,5 милліардовъ рублей; а въ 1900 г. она равнялась 3 милліард. рублей. Число фабрично-заводскихъ рабочихъ поднялось за десятилѣтіе приблизительно съ $1^1/_4$ до $2^1/_2$ милліоновъ человѣкъ. Въ томъ и другомъ отношеніи крупная капиталистическая промышленность выросла за это время, слѣдовательно, въ два раза. Объ успѣхахъ этой промышленности говорятъ и нѣкоторые другіе факты. Такъ, судя по свѣдѣніямъ относительно 14,5 тыс. промышленныхъ предпріятій, можно сказать, что 40% общаго числа предпріятій возникло именно въ теченіе того десятилѣтія, о коемъ идетъ рѣчь. Иначе говоря, къ 8700 заведеніямъ, существовавшимъ въ 1890 г. и сохранившимся въ теченіе послѣдующихъ 10-и лѣтъ, прибавилось 5800 новыхъ, т.-е. почти 70%. Не лишне однако, присовокупить, что наибольшее число вновь открытыхъ предпріятій относится на долю болѣе мелкихъ (до 50 рабочихъ въ каждомъ) и наименьшее—на долю крупныхъ (отъ 1000 ра-

[1]) Вѣстн Фин., Пром и Торг., 1903 г., № 30 и 48

бочихъ и выше [1]). Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать, что развитіе въ разсматриваемое десятилѣтіе капиталистической промышленности обошло наиболѣе крупныя предпріятія. Это значитъ лишь, что развитіе крупныхъ предпріятій происходило не только путемъ устройства новыхъ заведеній, но и распространеніемъ старыхъ. Но что, говоря вообще, вмѣстѣ съ возрастаніемъ числа фабрично-заводскихъ предпріятій усиливалась и концентрація производства, можно судить потому, что число фабрично-заводскихъ рабочихъ возрастало быстрѣе числа предпріятій; къ старымъ предпріятіямъ прибавилось лишь 70% новыхъ (процентъ этотъ уменьшится, если принять во вниманіе закрытыя заведенія), а число занятыхъ рабочихъ возросло вдвое, т.-е. увеличилось на 100%.

Форсированное сооруженіе на казенныя средства желѣзныхъ дорогъ и быстрое развитіе частью при помощи иностранныхъ капиталовъ, частью на средства нашихъ капиталистовъ, капиталистической промышленности въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ повело къ ненормальному ускоренію процесса уничтоженія натуральнаго хозяйства. Этимъ сразу были выбиты изъ прежней позиціи милліоны мелкихъ производителей, передъ которыми была поставлена задача приспособленія къ быстро измѣнившимся условіямъ хозяйственной жизни страны. Приспособленіе никѣмъ неподдерживаемыхъ мелкихъ производителей къ условіямъ жизни, мѣняющимся по мановенію руки всесильныхъ чиновниковъ—невѣжественныхъ и безотвѣтственныхъ—не могло происходить съ тою быстротою, съ какою измѣнялись эти условія. И въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ, ускорившихъ разстройство крестьянскаго быта, и такъ обнажившихъ ненормальность экономическаго строенія Россіи.

VIII. Современное состояніе крупной индустріи.

Намъ уже извѣстно, что переписью 1897 г. зарегистрировано въ Россійской Имперіи 9,5 милліоновъ лицъ, имѣющихъ главный заработокъ въ области промышленности, торговли и транспорта и $5^1/_2$ милліоновъ земледѣльцевъ, находящихъ въ названныхъ областяхъ труда источникъ дополнительнаго дохода. Всего, слѣдовательно,

[1]) А. В. Погожевъ Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи.

производительной дѣятельности (кромѣ сельско-хозяйственной) отдаютъ у насъ свои силы около 15 милліоновъ человѣкъ. Изъ нихъ собственно производствомъ занято около 10 милліоновъ лицъ, транспортомъ болѣе милліона лицъ, разными видами торговли около 2 миллионовъ и остальными неопредѣленными профессіями (черноработчіе и др.) — около 2 милліоновъ лицъ. 10 милліоновъ лицъ, занимающихся приготовленіемъ различныхъ продуктовъ, распадаются въ свою очередь, на слѣдующія главныя группы.

1. Добычею и обработкой ископаемыхъ занято около	1,3 милл.	рабочихъ.
2. Обработкой животныхъ и растительныхъ матеріаловъ (вмѣстѣ съ заготовкой лѣса). . .	5,2 „	„
3. Шитьемъ одежды и обуви	1,7 „	„
4 Строительной дѣятельностью	1,4 „	„
5. Прочими.	0,4 „	„

Если третью группу рабочихъ соединить со второй, то окажется, что обработкой растительныхъ и животныхъ матеріаловъ, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ, занято у насъ около 7 милліоновъ лицъ или около 70% всего рабочаго персонала мастерскихъ, фабрикъ, заводовъ и копей; а горное дѣло и обработка ископаемыхъ привлекаютъ лишь 13% этого персонала. Эти данныя вполнѣ согласуются съ тѣми заключеніями о земледѣльческомъ характерѣ нашей страны, къ какимъ мы неоднократно приходили на страницахъ этого труда. Чтобы показать, какъ можетъ обстоять это дѣло въ промышленной странѣ, возьмемъ для сравненія Германію. Согласно переписи 1895 года изъ 8 милліоновъ лицъ, находящихъ главный источникъ заработка въ приготовленіи матеріальныхъ предметовъ, обработкѣ растительныхъ и животныхъ матеріаловъ (вмѣстѣ съ шитьемъ одежды) отдаютъ свои силы около 4,2 милліоновъ лицъ или 52%, а добыча и обработка ископаемыхъ даетъ занятіе 2,4 милліонамъ или 30% всѣхъ рабочихъ. При общемъ населеніи (52 милліона человѣкъ) въ $2^1/_2$ раза менѣе многочисленномъ—Германія привлекаетъ къ работѣ въ области минеральнаго царства абсолютно почти вдвое, а относительно — въ $2^1/_2$ раза болѣе рабочихъ силъ, чѣмъ Россія.

Распространеніе добычи и обработки ископаемыхъ является важнымъ показателемъ высоты промышленнаго развитія страны по двумъ причинамъ. Потому, что металлы и камень служатъ въ настоящее время главнѣйшими матеріалами при сооруженіи фабрикъ, желѣз-

ныхъ дорогъ, машинъ и другихъ приспособленій производства, а каменный уголь и нефть являются главнымъ горючимъ матеріаломъ, примѣняемымъ въ промышленности и транспортѣ, и слабое развитіе соотвѣтствующихъ промысловъ указываетъ поэтому на малое число сооруженій и предпріятій, требующихъ этихъ матеріаловъ и этого топлива. И потому, далѣе, что добыча металловъ и превращеніе ихъ въ машины и другія принадлежности производства требуютъ примѣненія наиболѣе сложныхъ техническихъ пріемовъ, доступныхъ въ широкихъ размѣрахъ лишь націямъ, очень развитымъ въ промышленномъ отношеніи.

Но широкое развитіе горной и металлургической промышленности служитъ признакомъ и другой черты хозяйственнаго быта: распространенія капиталистической формы производства; потому что соотвѣтствующія предпріятія, въ ряду другихъ промышленныхъ отраслей, требуютъ затраты особенно крупныхъ капиталовъ. Приведенныя выше данныя переписи Германіи и Россіи свидѣтельствуютъ поэтому не только въ пользу утвержденія о болѣе промышленномъ характерѣ первой страны, но и о болѣе высокомъ развитіи ея капиталистическаго производства. Послѣднее заключеніе подтверждается также сравнительнымъ разсмотрѣніемъ рабочаго состава другихъ крупныхъ промышленныхъ отраслей.

Одна изъ наиболѣе крупныхъ отраслей индустріи въ Германіи и Россіи это — обработка волокнистыхъ матеріаловъ. Въ Германіи этимъ занято около одного милліона, а въ Россіи—больше трехъ милліоновъ лицъ. О высотѣ техническаго развитія нѣмецкой текстильной промышленности можно судить потому, что въ предпріятіяхъ, занимающихъ отъ 1 до 5 рабочихъ, насчитывается около 260 тысячъ рабочихъ, т.-е. 26% всего числа лицъ, отдающихся этому дѣлу, а въ заведеніяхъ съ 50 рабочими и болѣе — около 600 тысячъ рабочихъ, т.-е. 60% общаго числа послѣднихъ. Распредѣленіе по величинѣ русскихъ предпріятій намъ неизвѣстно; но о громадномъ преобладаніи въ данной области труда мелкой формы производства можно судить на основаніи двоякаго рода данныхъ. Одно указаніе на это мы почерпаемъ въ самой переписи; оно заключается въ томъ, что изъ 3 милліоновъ лицъ, занятыхъ въ текстильной промышленности, болѣе 2 милліоновъ (въ числѣ ихъ $1^3/_4$ милліона женщинъ) приходится на долю земледѣльцевъ, обращающихся къ этому занятію, какъ подсобному. Изъ того, что это

занятіе подсобное—, слѣдуетъ, что громадное большинство земледѣльцевъ, прибѣгающихъ къ нему, работаетъ не на фабрикахъ, стремящихся, какъ извѣстно, къ непрерывности дѣйствія своихъ предпріятій, а въ своихъ домахъ или въ кустарныхъ свѣтелкахъ. Другое, болѣе прямое доказательство нашего утвержденія мы находимъ въ свѣдѣніяхъ о крупной нашей промышленности, собираемыхъ министерствомъ финансовъ. Согласно этимъ свѣдѣніямъ въ крупныхъ предпріятіяхъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ въ 1900 г. насчитывалось 675 тысячъ рабочихъ. Это составляетъ менѣе $^1/_4$ части рабочаго персонала, занятаго въ данной области труда.

Еще болѣе широкимъ распространеніемъ мелкаго производства отличается дополнительная отрасль къ текстильной промышленности—производство одежды, занимающее въ Германіи 1,4, а въ Россіи 1,7 милліоновъ человѣкъ (изъ нихъ 500 тыс. прибѣгаютъ къ промыслу, какъ къ побочному при земледѣліи). Повсюду въ этой отрасли господствуетъ такъ назыв. домашняя система капиталистической промышленности, т.-е. работа на дому за счетъ капиталиста. Изъ 1,4 милл. лицъ, занятыхъ этимъ дѣломъ въ Германіи половина принадлежитъ одиночкамъ и $^1/_3$ работаетъ въ предпріятіяхъ, занимающихъ отъ 2 до 5 рабочихъ. Очень большое распространеніе мелкая форма имѣетъ также въ нашей промышленности по обработкѣ дерева. Объ этомъ можно судить уже потому, что изъ милліона почти лицъ, занятыхъ въ этой промышленности, большая половина принадлежитъ земледѣльцамъ, отдающимъ промыслу время, свободное отъ сельскохозяйственной дѣятельности. Механической обработкой дерева, согласно свѣдѣніямъ министерства финансовъ, занято всего 74 тысячи рабочихъ. Въ Германіи 57% рабочихъ этой отрасли промышленноети занято въ мелкихъ предпріятіяхъ (до 5 рабочихъ на каждое) и 43%—въ крупныхъ. Въ дѣлѣ добычи и обработки минераловъ, напротивъ того, значительно преобладаетъ крупная форма производства.

Чтобы дать хотя приблизительный итогъ распредѣленія рабочаго персонала нашихъ промышленныхъ предпріятій между мелкой (включая и домашнюю систему капиталистической промышленности) и типически-крупной формами производства, мы сопоставимъ данныя переписи 1897 г. о занятіяхъ населенія съ оффиціальными свѣдѣніями о рабочемъ персоналѣ крупныхъ предпріятій. Парал-

лельно мы приведемъ и данныя о распредѣленіи между мелкой (относя къ ней предпріятія, занимающія не болѣе 5 рабочихъ) и крупной формами производства рабочаго персонала нѣмецкихъ промышленныхъ предпріятій. Для Россіи мы беремъ свѣдѣнія о главныхъ и побочныхъ промышленныхъ занятіяхъ; для Германіи—только о главныхъ. Но игнорированіе свѣдѣній о побочныхъ промышленныхъ занятіяхъ нѣмецкаго населенія мало отразится на нашихъ заключеніяхъ, потому что къ промышленнымъ заработкамъ, какъ источнику дополнительнаго дохода, прибѣгаетъ здѣсь всего 618 тыс. человѣкъ. Прибавимъ, что такими источниками служатъ преимущественно горнозаводская и строительная промышленность.

Обращаемся къ нашему сопоставленію. Занято тысячъ человѣкъ:

	Россія			Германія		
	всего.	въ крупныхъ	% въ крупныхъ	всего	въ крупныхъ	% въ крупныхъ
Добыча и обработка ископаемыхъ .	1325	900 [1])	68	2430	1925	80
Текстильная.	3010	675	23	995	735	74
Обработка дерева	975	80	10	598	252	42
„ животныхъ матеріаловъ .	305	50	17	160	80	50
Пригот. пищев. продуктовъ.	450	260	58	1020	490	49
Прочіе.	355	150	43	360	290	81
Итого	6420	2115	33	5563	3772	68

Эта табличка показываетъ, что крупному производству принадлежитъ $^1/_3$ части рабочаго персонала нашей индустріи а $^2/_3$ его заняты въ предпріятіяхъ, кои, по ихъ технической организаціи, не могутъ быть отнесены къ типу настоящихъ фабрикъ и заводовъ. Въ Германіи наблюдаются прямо обратныя отношенія между мелкимъ и крупнымъ производствомъ. По отношенію къ этой странѣ слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что въ группу крупныхъ предпріятій вошли и такія мелкія заведенія (6—10 рабочихъ), которыя не учитывались нашей фабричной статистикой. Но если ограничиться для Германіи даже предпріятіями, занимающими болѣе 50 рабочихъ, то и тогда по развитію крупной промышленности она окажется далеко впереди Россіи. Въ этихъ предпріятіяхъ за-

[1]) Безъ вспомогательныхъ.

нято 2555 тыс. рабочихъ, что составляетъ 45% ея промышленнаго населенія. Разсматривая отношеніе между крупной и мелкой формами производства по отдѣламъ промышленности, мы увидимъ, что крупная организація преобладаетъ у насъ въ отрасляхъ по приготовленію питательныхъ продуктовъ и въ сферѣ добычи и обработки ископаемыхъ. Въ питательной промышленности крупныя предпріятія занимаютъ 58% рабочаго персонала; это, главнымъ образомъ, сахарная и водочная промышленность. Въ отрасляхъ по добычѣ и обработкѣ ископаемыхъ крупной промышленности принадлежитъ нѣсколько болѣе $^2/_3$ рабочаго персонала. Въ остальныхъ промышленныхъ отрасляхъ на долю крупной организаціи приходится отъ 10 до 43% занятыхъ въ нихъ лицъ.

Опредѣливъ приблизительно относительное распространеніе въ сферѣ производства крупной и мелкой формъ промышленности, обратимся къ болѣе детальному размотрѣнію нашей крупной промышленности. Слѣдующая таблица заключаетъ нѣкоторыя данныя объ этой промышленности, относящіяся къ 1900 году [1]).

	Число заведеній.	Тысячъ рабочихъ.	Сумма производства милл. руб.	На 1 заведеніе рабочихъ.	На 1 заведеніе сумма произв. тыс. рублей	На 1 рабочаго сумма производства рублей
1. Добыча ископаемыхъ и выплавка металловъ. .	3622	500	484	140	134	970
2. Обработка металовъ. .	1804	240	372	130	206	1550
3. „ прочихъ минераловъ	1747	135	170	80	97	1260
4. Химическія	354	30	94	90	265	3100
Всего 1—4 . . .	7527	905	1120	120	150	1240
5. Текстильное.	2700	675	845	250	313	1250
6. Обработка животныхъ матеріаловъ.	1254	51	112	50	90	2200
7. Обработка питател. веществъ	8945	255	660	30	75	2590
8 Прочія	2870	190	232	70	81	1220
Всего 1—8 . . .	23296	2076	2969	90	130	1430

[1]) См. „Стат. свѣд. о фабрикахъ и заводахъ по производствамъ, не обложеннымъ акцизомъ“, подъ редакціей В. Е. Варзара. А. В. Погожевъ даетъ болѣе высокія цифры числа рабочихъ, преимущественно по обработкѣ металловъ (446 т.), по обработкѣ прочихъ минераловъ (195 т.), по обраб питательныхъ веществъ (301 тыс.), и по химич. произв. (85 тыс.).

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что въ Россіи (исключая Сибирь) въ 1900 году насчитывалось болѣе 23 тысячъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, занимавшихъ болѣе двухъ милліоновъ рабочихъ и вырабатывавшихъ издѣлій на сумму около трехъ милліардовъ рублей. Наибольшее число рабочихъ и наибольшую выработку имѣютъ предпріятія по добычѣ и обработкѣ ископаемыхъ (группы 1—4): 7527 заведеній этой категоріи занимаютъ больше 900 тысячъ рабочихъ, и стоимость ихъ продуктовъ превышаетъ одинъ милліардъ рублей. Число рабочихъ этой категоріи составляетъ 45% всего числа работающихъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, а стоимость ихъ издѣлій равняется почти $^2/_3$ общей цѣнности фабрично-заводской произведеній. Около 100 тысячъ рабочихъ этого отдѣла промышленности занято въ каменноугольныхъ копяхъ, около 150 тысячъ добываютъ изъ нѣдръ земли прочія ископаемыя и около 250 тысячъ человѣкъ принимаютъ участіе въ выплавкѣ металловъ. Стоимость добытыхъ этимъ полумилліономъ рабочихъ металловъ, угля, нефти, поваренной соли и другихъ ископаемыхъ приближается къ 500 милліонамъ рублей. Переработкой металловъ въ издѣлія занято 240 тыс. человѣкъ, а стоимость ихъ произведеній равняется 372 милл. рублей. Обработка прочихъ минераловъ (камня, глины, производство стекла и т. п.) требуетъ 135 тысячъ человѣкъ, вырабатывающихъ товары на сумму 170 милл. руб. Къ этому же отдѣлу отнесена нами и молодая химическая промышленность, занимающая 30 тыс. рабочихъ и производящая цѣнности на 94 милліона рублей.

Продуктами добычи и обработки ископаемыхъ являются преимущественно съ одной стороны—топливо, потребляемое, главнымъ образомъ, въ промышленности и транспортѣ, съ другой—строительные матеріалы, машины, механическіе двигатели и прочія приспособленія для возведенія сооруженій и оборудованія фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и т. п. Этотъ отдѣлъ промышленности производитъ, слѣдовательно, мало предметовъ непосредственнаго потребленія человѣка. Къ послѣднимъ принадлежатъ, напримѣръ, поваренная соль, керосинъ, нѣкоторыя металлическія, стеклянныя и глиняныя издѣлія. Къ предметамъ обычнаго потребленія, впрочемъ, относятся и жилища, выстраиваемыя изъ камня, кирпича и другихъ матеріаловъ, изготовляемыхъ предпріятіями данной категоріи промышленности.

Слѣдующія отрасли промышленности составляютъ, напротивъ того, категорію производствъ, доставляющихъ по преимуществу предметы потребленія человѣка. На первый планъ здѣсь слѣдуетъ поставить 2700 заведеній текстильной промышленности, дающихъ занятіе 675 тыс. рабочихъ и вырабатывающихъ издѣлій на 845 милл. рублей. Эта отрасль занимаетъ, слѣдовательно, $^1/_3$ часть всего числа фабричнозаводскихъ рабочихъ и даетъ цѣнность, превышающую $^1/_4$ часть общей выработки фабрикъ и заводовъ. Главный отдѣлъ текстильной промышленности составляетъ обработка хлопка. Здѣсь находятъ приложеніе своихъ силъ 400 тысячъ человѣкъ, и общая цѣнность вырабатываемыхъ издѣлій 530 милл. руб. За нею слѣдуетъ 916 предпріятій по обработкѣ шерсти, привлекающихъ 137 тыс. рабочихъ и выпускающихъ издѣлій на сумму 180 милл. рублей. Затѣмъ идетъ 403 предпріятія по обработкѣ льна, пеньки и джута, занимающихъ 80 тыс. рабочихъ и производящихъ издѣлія на 70 милл. рублей, 309 заведеній шелковаго производства съ 32 тыс. рабочихъ и 30 милл. рублей выработки и 341 заведеніе смѣшаннаго характера съ 27 тыс. рабочихъ и 35 милліонами стоимости издѣлія.

Въ противоположность отраслямъ промышленности, обрабатывающимъ растительные матеріалы, обработка животныхъ продуктовъ (кожи, сало, кости и т. п.) занимаетъ мало рукъ (50 тысячъ) и даетъ сравнительно незначительную сумму цѣнности (на 112 милл. руб.). Болѣе крупный отдѣлъ по приготовленію предметовъ потребленія человѣка составляетъ отдѣлъ производства питательныхъ или пищевыхъ продуктовъ. Въ немъ находятъ занятіе 255 тысячъ лицъ, вырабатывающихъ товары на сумму 660 милліоновъ рублей. Число рабочихъ этой отрасли составляетъ 12% всего фабричнозаводскаго персонала, а вырабатываютъ они болѣе $^1/_5$ общей цѣнности продуктовъ фабричнозаводской дѣятельности. Первое мѣсто по числу рабочихъ принадлежитъ здѣсь варкѣ и очисткѣ сахара. Эта отрасль привлекаетъ 120 тыс. рабочихъ и выпускаетъ продуктовъ на 160 милліоновъ рублей. Первое мѣсто по суммѣ производства принадлежитъ мукомольной промышленности, дающей, при 30 тысячахъ занимаемыхъ ею рабочихъ, продукты стоимостью въ 200 милл. руб. Высокая стоимость продуктовъ мукомолья сравнительно съ числомъ занятыхъ рукъ объясняется тѣмъ, что паровыя мельницы (составляющія главную часть заведеній, вошедшихъ въ

подсчетъ) перемалываютъ, при слабомъ участіи человѣческаго труда, очень большія количества зерна, цѣна котораго и составляетъ главную часть стоимости продуктовъ мукомольной промышленности. Изъ остальныхъ подраздѣленій промысловъ по приготовленію питательныхъ и вкусовыхъ предметовъ слѣдуетъ назвать производство спиртныхъ напитковъ, занимающее 65 тысячъ рабочихъ и дающее продукты на сумму 75 милліоновъ рублей. Прочіе отдѣлы этой группы производствъ (крупяное, маслодѣліе, крахмальное, консервное и т. п.) даютъ занятіе 40 тысячамъ лицъ и приготовляютъ товары на 230 милл. рублей.

Группа „прочихъ“ производствъ, обнимающая такія разнообразныя отрасли труда, какъ обработка табаку, дерева, производство писчей бумаги, полиграфическіе промыслы, приготовленіе спичекъ и т. д., состоитъ изъ 2870 заведеній, занимающихъ 190 тысячъ рабочихъ и дающихъ издѣлія на сумму 232 милліона рублей.

Для характеристики капиталистической промышленности недостаточно знать степень распространенія отдѣльныхъ ея отраслей; важно имѣть также свѣдѣнія о составѣ послѣднихъ по величинѣ входящихъ въ нихъ предпріятій. Соотвѣтствующія данныя, однако, не разрабатываются у насъ съ желательной полнотой, и оффиціальная статистика даетъ за новѣйшее время лишь распредѣленіе по величинѣ предпріятій общаго итога заведеній, подчиненныхъ фабричному надзору, который не распространяется, какъ извѣстно, на горное дѣло и металлургію. Обращаясь же къ свѣдѣніямъ о заведеніяхъ, подчиненныхъ фабричному надзору, мы увидимъ, что въ 1902 г. этотъ надзоръ распространялся на 17724 заведенія съ 1710773 рабочими. Средній размѣръ одного заведенія опредѣляется, такимъ образомъ, въ 97 рабочихъ; но этой скромной цифрой покрываются самыя разнообразныя предпріятія: отъ 20 рабочихъ и менѣе до 1000 рабочихъ и болѣе на одно предпріятіе. Распредѣленіе разсматриваемыхъ отраслей по величинѣ составляющихъ ихъ заведеній рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

	Менѣе 20 раб.	21—50 рабоч.	51—100 рабоч.	101—500 рабоч.	501—1000 рабоч.	Свыше 1000 раб.	Всего.
1. Число заведеній .	6647	5671	2403	2327	440	236	17724
2 % заведеній. . .	39,4	30,9	13,4	12,7	2,3	1,3	100
3. Тысячъ рабочихъ.	68,1	171,9	167,7	497,7	291,5	513,9	1710,8
4. % рабочихъ. .	4,0	10,1	9,8	29,1	17,0	30,0	100

Разсмотрѣніе 1 и 2 строкъ, касающихся числа заведеній, показываетъ, что количество предпріятій, входящихъ въ составъ каждой группы, уменьшается по мѣрѣ роста самой группы. Группа самыхъ мелкихъ предпріятій (до 20 рабочихъ въ каждомъ) обнимаетъ 39,4% всего числа заведеній; предпріятія съ числомъ рабочихъ отъ 21 до 50 заключаетъ 31% заведеній; предпріятія съ 51—100 рабочими—13,4%; предпріятія съ 101—500 рабочими охватываютъ 12,7% всѣхъ заведеній; двѣ же высшія группы заведеній, съ числомъ рабочихъ 501—1000 и выше 1000, включаютъ всего 2,3% и 1,3% общаго числа предпріятій.

Строки 3 и 4, касающіяся рабочихъ, показываютъ, что число рабочихъ, входящихъ въ каждую категорію фабрикъ и заводовъ, измѣняется въ обратномъ направленіи, хотя и не съ такой правильностью, какъ мѣняется число заведеній. Въ самыхъ мелкихъ предпріятіяхъ, охватывающихъ 39,4% всѣхъ зарегистрованныхъ фабрикъ и заводовъ, находятъ занятіе всего 4% общаго числа рабочихъ; а самыя крупныя (выше 1000 рабочихъ въ каждомъ) заведенія, обнимающія лишь 1,3% усчитанныхъ предпріятій, привлекаютъ 30% всего числа рабочихъ. Почти такое же число рабочихъ (29%) находятъ себѣ занятія въ предпріятіяхъ со 101—500 рабочими; тогда какъ промежуточныя между ними фабрики и заводы, размѣромъ отъ 501 до 1000 рабочихъ, даютъ занятіе всего 17% общаго фабричнозаводскаго рабочаго персонала. Въ заведеніяхъ съ 21—50 рабочими и съ 51—100 рабочими находятъ занятіе по 10% всего числа рабочихъ.

Для сужденія о степени концентраціи отдѣльныхъ отраслей нашей крупной промышленности, мы воспользуемся свѣдѣніями о средней величинѣ соотвѣтствующихъ предпріятій.

Судя по этому признаку (см. таблицу на страницѣ 126), можно сказать, что наибольшей концентраціи достигла текстильная промышленность, среднее заведеніе которой занимаетъ 250 рабочихъ. За нею слѣдуютъ крупные отдѣлы добычи и обработки металловъ, со среднимъ предпріятіемъ въ 130—140 рабочихъ. Въ остальныхъ большихъ отдѣлахъ промышленности среднее число рабочихъ колеблется отъ 30 до 90 на одно заведеніе. Наименьшіе размѣры имѣютъ предпріятія по обработкѣ животныхъ матеріаловъ (50 рабочихъ на одно заведеніе) и по приготовленію питательныхъ продуктовъ (30 рабочихъ), куда на ряду съ крупными, напримѣръ,

сахарными заводами входитъ много мельницъ, хлѣбопекаренъ, маслобоенъ и другихъ подобныхъ промышленныхъ отраслей, занимающихъ лишь небольшое число рабочихъ.

При оцѣнкѣ, на основаніи средней величины заведенія, концентраціи производства въ различныхъ отдѣлахъ промышленности, не слѣдуетъ забывать, что образованныя нами группы обнимаютъ очень большое число отраслей, и промышленныя отрасли, входящія въ составъ данной группы, значительно различаются по степени достигнутой ими концентраціи производствъ. Такъ, въ отдѣлъ обработки металловъ со среднимъ предпріятіемъ въ 130 рабочихъ входятъ и паровозостроительные заводы, со среднимъ числомъ рабочихъ въ 4000 человѣкъ, и бубенчиковыя мастерскія, занимающія въ среднемъ по 20 рабочихъ.

Приведенная выше таблица (страница 126) позволяетъ высказать нѣсколько соображеній еще о двухъ сторонахъ нашей промышленности: о средней производительности (въ рубляхъ) промышленныхъ предпріятій и о средней производительности одного рабочаго въ различныхъ промышленныхъ отрасляхъ. Средняя производительность предпріятія по всѣмъ отдѣламъ—130 тыс. рублей; средняя производительность одного рабочаго—1430 рублей. Наибольшая производительность предпріятія 313 тыс. рублей—наблюдается въ текстильной промышленности, наименьшая (75 тыс. рублей) въ обработкѣ питательныхъ веществъ. Эти цифры производительности предпріятій соотвѣтствуютъ даннымъ о ихъ величинѣ, выражаемой числомъ рабочихъ: одно заведеніе текстильной промышленности занимаетъ наибольшее число рабочихъ, а предпріятіе по обработкѣ питательныхъ продуктовъ—наименьшее. Въ остальныхъ отрасляхъ не существуетъ правильнаго соотношенія между величиной заведенія и суммою производства, такъ какъ послѣдняя обусловливается не только числомъ участвующихъ въ производствѣ рабочихъ, но и производительностью труда работающихъ и цѣнностью обрабатываемаго матеріала.

Послѣдній столбецъ таблицы заключаетъ свѣдѣнія о суммѣ производства, приходящейся на одного рабочаго. Эту денежную производительность рабочаго не слѣдуетъ, однако, смѣшивать съ производительностью труда, потому что цѣнность выработанныхъ однимъ рабочимъ издѣлій зависитъ не только отъ быстроты его работы и обусловленной этимъ обстоятельствомъ переработки большого или

меньшаго количества матеріаловъ, но и отъ дороговизны приспособленій и отъ цѣнности самаго перерабатываемаго матеріала. Самая высокая производительность рабочаго имѣетъ мѣсто въ химической промышленности (3100 рублей) и въ приготовленіи питательныхъ матеріаловъ (2590 рублей). Въ послѣдней она обусловливается дороговизною перерабатываемыхъ матеріаловъ (зерно въ мукомольной промышленности и винокуренной, мука, сахаръ въ кондитерскихъ и булочныхъ и т. д.) и высокою производительностью труда въ мукомольномъ дѣлѣ. Наименьшая производительность (въ деньгахъ) рабочаго наблюдается въ горномъ дѣлѣ вмѣстѣ съ металлургіей, и это объясняется отсутствіемъ того, что называется матеріаломъ въ горномъ дѣлѣ, добывающемъ продукты изъ нѣдръ земли и дешевизною сырого матеріала (руда), изъ котораго выплавляются металлы.

На страницахъ этого труда неоднократно указывались косвенныя свидѣтельства того, что Россія значительно отстала отъ другихъ главнѣйшихъ государствъ въ развитіи своей капиталистической промышленности. Теперь приведемъ нѣсколько прямыхъ подтвержденій этого заключенія.

Одной изъ главныхъ отраслей капиталистической промышленности во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ является обработка хлопка. Объясняется это тѣмъ, что эта промышленность вырабатываетъ предметы повседневнаго всеобщаго потребленія; что хлопокъ, какъ матеріалъ для одежды, болѣе и болѣе вытѣсняетъ прочіе волокнистые матеріалы, и что, вслѣдствіе дешевизны фабричнаго издѣлія, производство бумажныхъ тканей домашнимъ способомъ для потребленія семей работающихъ представляется почти невозможнымъ. По этимъ причинамъ, по мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства, хлопчатобумажныя ткани получаютъ болѣе и болѣе широкое распространеніе, а высоко развитыя капиталистическія страны пріобрѣтаютъ огромный внутренній и внѣшніе (мало-культурныхъ государствъ) рынки для сбыта своихъ произведеній. По численности своего населенія Россія превосходитъ всѣ прочія наиболѣе передовыя государства. Она имѣетъ вдвое больше жителей, чѣмъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ Германія, въ три раза больше, чѣмъ Франція или Великобританія, въ 4 раза больше, чѣмъ Италія. Внутренній рынокъ для продуктовъ хлопчатобумажной промышленности она имѣетъ поэтому наибольшій. Она

воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, и, какъ намъ извѣстно, ея хлопчатобумажная промышленность достигла такого развитія, что занимаетъ почти $^1/_5$ часть общаго числа фабричнозаводскихъ рабочихъ и $^1/_6$ суммы производства всѣхъ капиталистическихъ предпріятій. Посмотримъ же, насколько развита у насъ эта промышленность сравнительно съ другими цивилизованными государствами.

Для сужденія о распространеніи хлопчатобумажной промышленности мы возьмемъ два признака: число прядильныхъ веретенъ и ткацкихъ станковъ. По количеству тѣхъ и другихъ Россія занимаетъ четвертое мѣсто въ міровомъ производствѣ; въ 1900 году она имѣла 6555 тыс. веретенъ и 155 тыс. ткацкихъ станковъ. Германія, стоящая тотчасъ впереди нея, располагаетъ 8,4 милл. веретенъ и 212 тыс. станковъ. Что-же касается двухъ другихъ государствъ, то по развитію хлопчатобумажной промышленности они находятся внѣ всякаго сравненія. На фабрикахъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ насчитывается 22,2 милліона прядильныхъ веретенъ и 503 тысячи ткацкихъ станковъ, а на фабрикахъ Великобританіи около 50 милл. веретенъ и 720 тыс. ткацкихъ станковъ. Еще болѣе прямымъ показателемъ высоты капиталистическаго развитія страны служатъ добыча нѣкоторыхъ ископаемыхъ и выплавка нѣкоторыхъ металловъ. Это—потому, что продукты минеральнаго царства требуютъ для ихъ добычи и обработки приложенія крупныхъ капиталовъ, и что въ потребленіи общества они болѣе и болѣе замѣняютъ продукты царства растительнаго и животнаго. Такъ, постройки въ прежнее время сооружались, главнымъ образомъ, изъ дерева, орудія производства—тоже; теперь матеріаломъ для нихъ служатъ преимущественно камень и желѣзо. Отапливались жилыя и промышленныя сооруженія въ прежнее время дровами, а теперь—каменнымъ углемъ и нефтью; освѣтительнымъ и смазочнымъ матеріаломъ служили растительные масла и животные жиры, а теперь служатъ газъ и минеральныя масла. Особенно важнымъ показателемъ промышленнаго строенія общества служитъ количество выплавляемаго желѣза (или чугуна, какъ матеріала для его добычи). Желѣзо настолько теперь входитъ составной частью въ промышленныя сооруженія, машины и разныя другія приспособленія для производства какихъ бы то ни было продуктовъ, что его безъ преувеличенія можно считать главнымъ матеріаломъ для образованія, такъ сказать, скелета капиталистической промышлен-

ности. Добыча и обработка этого матеріала требуетъ, съ своей стороны, весьма крупныхъ капиталовъ и сложныхъ приспособленій. Поэтому, приготовленіе крупныхъ массъ чугуна можетъ, такъ сказать, вдвойнѣ характеризовать высоту капиталистическаго развитія страны: и потому, что само это приготовленіе требуетъ сложныхъ приспособленій, и по той причинѣ, что оно указываетъ на большую потребность въ чугунѣ, и, слѣдовательно, на большое количество въ странѣ крупныхъ промышленныхъ предпріятій и сооруженій. Кромѣ того, металлическія издѣлія служатъ, какъ и другіе продукты, предметомъ вывоза въ чужія страны, и такъ какъ обработка металла въ предметы для построекъ. машинъ и другихъ промышленныхъ приспособленій требуетъ особеннаго техническаго искусства и концентраціи капиталовъ, то развитіе экспорта произведеній этого рода служитъ наилучшимъ доказательствомъ успѣховъ капиталистической организаціи промышленности.

Въ виду этихъ соображеній мы обратимся къ даннымъ о выплавкѣ чугуна въ главнѣйшихъ государствахъ, замѣтивъ, предварительно, что широкое распространеніе добычи этого металла можно ожидать лишь въ странахъ съ богатыми залежами желѣзныхъ рудъ.

По выплавкѣ чугуна выдѣляются 5 государствъ Европы и одно—Америки. Изъ 2,5 милліардовъ пудовъ міровой выплавки чугуна въ 1900 г. на эти страны приходилось больше 2,3 милліардовъ пудовъ или 92%. По количеству же выплавленнаго металла эти страны располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ. Россія получила 180 милл. пудовъ чугуна, что составляетъ 7% общей его выработки. Позади нея въ этомъ отношеніи (изъ шести разсматриваемыхъ государствъ) стоятъ двѣ страны: крошечная Бельгія, выплавившая 63 милл. пудовъ или почти втрое меньше Россіи, и бѣдная ископаемыми Франція, получившая 167 милл. пудовъ, т.-е. немного только меньше Россіи. Далеко впереди Россіи по развитію данной промышленности стоятъ три государства. Германія выплавила въ 1900 году 522 милл. пуд. чугуна, т.-е. почти втрое больше, чѣмъ Россія, Англія—522 милл. пул. или тоже втрое больше и Соединенные Штаты Сѣверной Америки—855 милліоновъ пудовъ или въ 4—5 разъ болѣе. Если принять во вниманіе богатство нашихъ залежей желѣзныхъ рудъ, то нельзя не вывести заключеніе, что приведенныя данныя весьма мало говорятъ въ пользу

высоты нашего развитія: промышленнаго вообще и капиталистическаго въ частности.

Промышленная отсталость нашей страны выразится еще ярче, если сопоставить количество выплавляемаго чугуна съ численностью населенія. Тогда Россія окажется далеко позади не только тѣхъ странъ, которыя выдѣлены особо, потому что производятъ значительныя количества даннаго матеріала, но и позади нѣкоторыхъ государствъ, не указанныхъ выше. А именно, въ 1900 г. въ Россіи выплавлено въ среднемъ 1,4 пуда на одного жителя, въ Австріи выплавлено его 1,9 пудовъ на человѣка, во Франціи—4,3 пуда, въ Швеціи 6,4 пуда, въ Бельгіи и Германіи по 9 пудовъ, въ Соединенныхъ Штатахъ почти 11 пуд. и въ Англіи 13,5 пуд. на одного жителя.

Въ дополненіе указанныхъ данныхъ, характеризующихъ широту капиталистическаго развитія Россіи со стороны того матеріала, который служитъ для образованія скелета промышленности, приведемъ свѣдѣнія о сравнительной производительности различныхъ государствъ въ отношеніи того продукта, который, въ качествѣ горючаго матеріала, какъ бы указываетъ на распространеніе механической энергіи, служащей двигателемъ крупной промышленности.

Въ Россіи въ 1900 г. было добыто около 1 милліарда пудовъ каменнаго угля; въ Бельгіи было добыто его немного больше (1200 милліоновъ пудовъ), во Франціи въ $1^1/_2$ раза больше, въ Германіи въ $5^1/_2$ разъ больше, въ Великобританіи и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки въ 13 разъ больше. Къ сказанному слѣдуетъ, однако, прибавить, что, кромѣ каменнаго угля, въ Россіи есть другой видъ ископаемаго топлива, встрѣчающійся въ большихъ количествахъ лишь въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; это—нефть. Если принять къ учету и этотъ горючій матеріалъ, то производительность нашей страны въ данномъ отношеніи нужно будетъ увеличить слишкомъ въ $1^1/_2$ раза; въ такомъ случаѣ Россія станетъ выше Бельгіи и Франціи, но далеко будетъ уступать Германіи, Англіи и Америкѣ.

Въ заключеніе очерка о современномъ состояніи крупной промышленности въ Россіи приведемъ нѣсколько цифръ о вознагражденіи за трудъ фабричнозаводскихъ рабочихъ. У насъ нѣтъ массовыхъ новѣйшихъ данныхъ о заработной платѣ въ каждой изъ многочисленныхъ профессій, на какія распадается двухмилліонный

рабочій персоналъ нашихъ фабрикъ и заводовъ. И мы ограничимся лишь указаніемъ средняго вознагражденія трудящагося въ крупныхъ отдѣлахъ промышленности, подчиненной фабричному надзору, съ одной стороны, и средняго вознагражденія рабочаго въ отдѣльныхъ фабричныхъ округахъ, безъ подраздѣленія по производствамъ—съ другой. Эти среднія получены путемъ раздѣленія общей суммы уплаченной заработной платы на число занятыхъ рабочихъ.

1343 тысячъ рабочихъ получили въ 1900 г. 278 милліоновъ рублей вознагражденія за свой трудъ. Это составитъ въ среднемъ менѣе 210 руб. на одного рабочаго. Годовая выручка одного рабочаго колебалась, въ зависимости отъ рода промышленности, между 130 и 338 рублями. Низшая цифра относится къ вознагражденію средняго рабочаго въ предпріятіяхъ по обработкѣ льна, пеньки и джута; высшую получали рабочіе, занятые обработкою металловъ. Рабочій послѣднихъ отраслей промышленности получаетъ, такимъ образомъ, въ $2^1/_2$ раза болѣе за свой трудъ, чѣмъ рабочій первой отрасли. Это обусловливается бо́льшимъ искусствомъ, требуемымъ для обработки металловъ, и почти полнымъ отсутствіемъ здѣсь примѣненія женскаго труда, оплачиваемаго, какъ извѣстно, хуже труда мужского. Въ текстильной же промышленности, напротивъ того, трудъ женщинъ и малолѣтнихъ имѣетъ особенно широкое примѣненіе, и потому среднее вознагражденіе рабочаго оказывается сравнительно низшимъ во всѣхъ подраздѣленіяхъ текстильной промышленности. Такъ, въ производствахъ по обработкѣ шелку среднее годовое вознагражденіе рабочаго опредѣлилось въ 155 руб., въ хлопчатобумажной промышленности въ 165 руб., и въ шерстяной въ 167 руб.

Слѣдующее мѣсто за текстильной промышленностью по высотѣ вознагражденія труда занимаетъ промышленность по приготовленію питательныхъ веществъ; средній годовой заработокъ рабочаго опредѣляется здѣсь въ 185 рублей. За ними идутъ заработки рабочихъ по обработкѣ животныхъ продуктовъ—190 рублей въ годъ, камня, глины и т. п.—205 рублей и въ химическихъ производствахъ—220 рублей.

Приведенныя свѣдѣнія относятся къ 12,7 тысячамъ предпріятій болѣе крупныхъ: среднее число рабочихъ на одно заведеніе равняется 106. Нижеприведенныя свѣдѣнія, касающіяся вознагражденія за трудъ въ различныхъ фабричныхъ округахъ, обнимаютъ

бо́льшее число, а именно 16,7 тыс. предпріятій, въ числѣ коихъ находится много мелкихъ, и среднее число рабочихъ на одно предпріятіе равняется 97. А такъ какъ въ мелкихъ заведеніяхъ вознагражденіе труда ниже, чѣмъ въ крупныхъ, то средній заработокъ для всѣхъ подчиненныхъ фабричному надзору заведеній долженъ быть ниже того, который опредѣленъ ранѣе. И, дѣйствительно, 1711 тыс. рабочихъ, состоявшихъ подъ надзоромъ фабричной инспекціи въ 1902 году, получили въ видѣ заработной платы 249 милліоновъ рублей, что составитъ 146 рублей на одного рабочаго. Средній заработокъ одного рабочаго въ различныхъ фабричныхъ округахъ опредѣляется въ слѣдующемъ размѣрѣ.

Наивысшая плата, а именно 222 рубля на человѣка, наблюдается въ петербургскомъ фабричномъ округѣ, въ коемъ фабрично-заводская промышленность сосредоточена преимущественно въ Петербургской, затѣмъ въ Лифляндской губерніяхъ. За Петербургскимъ округомъ по высотѣ вознагражденія труда стоитъ Варшавскій округъ съ 251 тыс. рабочихъ: средняя годовая выработка рабочаго здѣсь 170 рублей. Уже значительно ниже вознагражденіе труда въ Московскомъ фабричномъ округѣ, обнимающимъ 600 тысячъ рабочихъ: средній заработокъ рабочаго опредѣляется здѣсь въ 140 рублей. Въ Харьковскомъ фабричномъ округѣ, охватывающемъ центральныя черноземныя губерніи, Екатеринославскую губернію, Донскую область и Кавказъ, съ 207 тыс. рабочихъ, среднее вознагражденіе опредѣляется въ 111 рублей. Въ Поволжскомъ фабричномъ округѣ рабочій получаетъ въ среднемъ около 100 рублей; всѣхъ фабричнозаводскихъ рабочихъ здѣсь 155 тысячъ. Наконецъ, въ Кіевскомъ округѣ, распространяющемся на малороссійскія, юго-западныя, бѣлорусскія и двѣ новороссійскія губерніи, съ 294 тысячами рабочихъ крупныхъ предпріятій, среднее вознагражденіе труда опускается до 86 рублей на человѣка.

Высокое, сравнительно, вознагражденіе фабричнозаводскаго рабочаго въ Петербургскомъ фабричномъ округѣ (222 руб.) объясняется высокимъ вознагражденіемъ здѣсь труда вообще и значительнымъ развитіемъ въ Петербургской губерніи металлообрабатывающей промышленности, гдѣ заработная плата выше (средній заработокъ фабричнозаводскаго рабочаго въ Петербургской губерніи 255 рублей въ годъ). Низкіе заработки рабочихъ въ Кіевскомъ округѣ (86 рублей) объясняются точно также низкимъ вознагра-

жденіемъ въ западныхъ губерніяхъ труда вообще и распространеніемъ здѣсь такихъ производствъ (свеклосахарное, водочное и т. п.), которыя плохо оплачиваютъ трудъ и работаютъ не круглый годъ. Сравнительно незначительное вознагражденіе фабричнаго рабочаго въ Московскомъ округѣ (140 руб.) зависитъ отъ того, что здѣсь наиболѣе распространена мануфактурная промышленность, привлекающая въ качествѣ рабочаго персонала много женщинъ и дѣтей.

IX. Поземельная собственность въ Россіи.

Изъ предыдущаго намъ извѣстно, какія огромныя перемѣны совершились въ области технической постановки и экономической организаціи нашей индустріи; и мы знаемъ, что рѣшающая роль въ преобразованіи этого отдѣла хозяйственной дѣятельности принадлежитъ техническому превращенію производства изъ простого, мелкаго рукомесла въ сложную систему крупныхъ машинныхъ предпріятій. Въ области русскаго земледѣлія мы не замѣтимъ такихъ рѣзкихъ перемѣнъ въ технической организаціи промысла; и характеристику данной промышленной отрасли намъ придется искать, главнымъ образомъ, въ экономическихъ отношеніяхъ классовъ, владѣющихъ землею и ее обрабатывающихъ.

До 1861 г. въ Европейской Россіи существовало, главнымъ образомъ, два вида поземельной собственности: государственная и дворянская. И та, и другая категорія собственности обнимала, между прочимъ, земли, находившіяся въ пользованіи крестьянъ: государственныхъ, съ одной стороны, помѣщичьихъ — съ другой. Нѣкогда государство считало своею собственностью почти всю территорію Россіи, а дворянскія владѣнія образовались, главнымъ образомъ, путемъ отведенія служилымъ людямъ, вмѣсто жалованья, государственныхъ земель и путемъ пожалованія земельныхъ имуществъ за особыя заслуги государству и услуги правителямъ. Первоначально отводимыя служилому сословію помѣстья находились во временномъ и условномъ его владѣніи, а затѣмъ были обращены въ полную собственность дворянъ, несмотря на то, что сами дворяне были освобождены отъ обязательной службы. Въ послѣдующее время дворянскія имѣнія распространялись путемъ пожалованія населенныхъ казенныхъ имѣній царскимъ фаворитамъ и чиновникамъ. Въ до-

реформенныя времена помѣщичьи имѣнія обрабатывались почти исключительно крѣпостнымъ трудомъ; поэтому ненаселенныя имѣнія цѣнились очень низко. А такъ какъ владѣніе крестьянами было разрѣшено лишь лицамъ дворянскаго сословія, то не-дворяне пріобрѣтали мало земель, и частная недворянская собственность наканунѣ крестьянской реформы не составляла, вѣроятно, и 10 милліоновъ десятинъ.

Какъ сказано выше, государственная и дворянская собственность обнимала и тѣ земли, на которыхъ жили и которыя обрабатывали въ свою пользу крестьяне. Крестьяне помѣщичьи состояли въ крѣпостной зависимости отъ владѣльцевъ. Крестьяне государственные числились свободными, но находились въ большой зависимости отъ административныхъ учрежденій министерства государственныхъ имуществъ, которое считало нужнымъ опекать ихъ, поощрять и даже наказывать, какъ малыхъ, неразумныхъ ребятъ. Въ земельномъ отношеніи положеніе помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ было не одинаково. Законъ не налагалъ на владѣльцевъ крѣпостныхъ никакихъ опредѣленныхъ обязательствъ. Было только запрещено продавать крестьянъ безъ земли и требовать отъ нихъ больше трехъ дней (въ недѣлю) барщины. Но владѣльцы въ собственныхъ интересахъ должны были отводить крѣпостнымъ такое количество земли, чтобы крестьяне могли отъ нея кормиться. А гдѣ владѣльцы не заводили собственной запашки, они предоставляли крѣпостнымъ пользоваться чуть не всѣми своими сельскохозяйственными угодьями. Доходъ владѣльцевъ такихъ имѣній заключался въ денежномъ оброкѣ, который они взимали съ крестьянъ, и размѣры коего не были установлены закономъ. Государственные крестьяне большей части губерній (малоземельныхъ) пользовались почти всѣми сельскохозяйственными казенными угодьями и платили правительству (кромѣ общаго подушнаго налога), какъ бы за пользованіе его землями, опредѣленный, въ предѣлахъ одной губерніи одинаковый, подушный оброкъ.

Когда пробилъ часъ преобразованія крѣпостного быта, крестьяне были освобождены отъ прежней зависимости и обращены въ особое, однородное сословіе. Земли, отведенныя въ ихъ пользованіе, были рѣзко отграничены отъ государственныхъ и помѣщичьихъ, и, на ряду съ двумя вышеназванными категоріями земельной собственности, появилась третья крупная категорія землевладѣнія—надѣль-

ныя крестьянскія земли. Надѣльное землевладѣніе образовалось. слѣдовательно, не путемъ частныхъ гражданскихъ сдѣлокъ. Оно было создано (вѣрнѣе, оформлено и регулировано) властью, руководившеюся при этомъ важными государственными интересами. Участіе правительства въ установленіи надѣльнаго землевладѣнія выразилось въ опредѣленіи нормы надѣла, въ указаніи условій перехода земли изъ рукъ прежнихъ собственниковъ къ крестьянамъ и въ посредничествѣ между сторонами по выкупу одною изъ нихъ земельныхъ угодій.

Принявъ близкое участіе въ образованіи надѣльнаго землевладѣнія—руководствуясь сознаніемъ важности обезпеченія освобождаемому народу условій для самостоятельнаго веденія сельскохозяйственнаго промысла,—правительство, естественно, временно наложило на крестьянъ ограниченія права распоряженія землею и запретило ея продажу. Помимо цѣли предупрежденія обезземеленія крестьянъ въ первое время свободнаго ихъ состоянія, эти ограниченія имѣли еще въ виду обезпечить исправное погашеніе крестьянами правительственной ссуды по выкупу ихъ земель. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій надѣльное крестьянское землевладѣніе представляетъ особую категорію земельной собственности. Ограниченія снимаются съ надѣльныхъ земель послѣ уплаты крестьянами долга правительству по выкупу послѣднихъ. Въ силу закона объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей, ограниченія права собственности крестьянъ на надѣльныя земли упраздняются съ 1907 г. Но какія формы приметъ послѣ того крестьянское землевладѣніе — сказать трудно, несмотря даже на рѣшительныя мѣры правительства, выразившіяся въ рядѣ изданныхъ въ концѣ 1906 г. законовъ и распоряженій. Законы эти требуютъ еще утвержденія Государственной Думы, и какъ они будутъ приняты избранниками народа покажетъ недалекое будущее.

Поземельная собственность крестьянъ создалась постепенно. Первоначальными Положеніями о крестьянахъ установлена была сразу поземельная собственность только удѣльныхъ крестьянъ, которые, по закону 26 іюня 1863 г., по истеченіи 2 лѣтъ послѣ его обнародованія, поступали въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ съ обязательствомъ вносить въ теченіе 49 лѣтъ выкупные за отведенныя имъ земли платежи. Положеніями 19 февраля 1861 г. и 27 іюня 1862 г. о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. земля отводилась крестьянамъ въ постоянное пользованіе

за опредѣленныя помѣщику повинности; обращеніе же ея въ собственность крестьянъ поставлено было въ зависимость отъ согласія владѣльца. Обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами въ литовскихъ, бѣлорусскихъ и юго-западныхъ губерніяхъ съ господствомъ крупнаго польскаго землевладѣнія, въ виду политическихъ условій того времени (польское возстаніе), были прекращены, и крестьяне переведены на выкупъ указами 1 марта, 30 іюля и 2 ноября 1863 г., причемъ отведеніе крестьянамъ земель и выкупная операція были произведены на очень выгодныхъ для крестьянъ условіяхъ. Въ остальной Россіи, гдѣ земля для выкупа (особенно въ нечерноземной полосѣ) была оцѣнена значительно выше ея рыночной стоимости, помѣщики сами спѣшили прекратить временно-обязанныя отношенія къ нимъ своихъ бывшихъ крестьянъ и соглашались на выкупъ послѣдними отведенной имъ земли; помѣщики нечерноземныхъ губерній въ широкихъ размѣрахъ воспользовались при этомъ предоставленнымъ имъ правомъ переводить крестьянъ на выкупъ, не спрашивая ихъ согласія. Около 1 милл. ревизскихъ душъ помѣщичьихъ крестьянъ, еще остававшихся во временно-обязанныхъ отношеніяхъ, были съ 1 января 1883 г. переведены на выкупъ закономъ 28 декабря 1881 г. Государственные крестьяне 9 западныхъ губерній были переведены на выкупъ въ 1867 г., а всѣхъ прочихъ—въ 1887 г.

Результатомъ крестьянской реформы было распредѣленіе главной части территоріи Россіи на три крупныхъ категоріи собственности: государственную, дворянскую и надѣльную крестьянскую. Но этими категоріями не обнимаются всѣ виды поземельной собственности Россіи. Наши казачьи войска имѣютъ крупныя площади земли, бо́льшая часть которыхъ находится въ надѣлѣ казачьихъ станицъ, меньшая часть составляетъ войсковой запасъ, и еще меньшая распредѣлена между казачьими офицерами и чиновниками. Только эта послѣдняя часть войсковой территоріи и можетъ быть отнесена къ категоріи частной поземельной собственности. Земельныя владѣнія имѣютъ наши города, монастыри и церкви. Въ восточныхъ губерніяхъ находятся земли инородцевъ (башкировъ, калмыковъ и др.). Въ Полтавской и Черниговской губ. насчитывается нѣсколько сотъ тысячъ крестьянъ потомковъ казаковъ, владѣющихъ землями. Въ нѣкоторыхъ южныхъ и приволжскихъ губерніяхъ поселены выходцы изъ-за границы (колонисты), получившіе землю отъ государства.

Въ нѣкоторыхъ, преимущественно западныхъ губерніяхъ, на помѣщичьихъ земляхъ жили крестьяне-арендаторы, которые понемногу выкупаютъ, при посредствѣ правительства, земли, состоящія въ ихъ пользованіи. На особомъ положеніи было устроено землевладѣніе бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя мелкія категоріи землевладѣнія, мы закончимъ перечисленіе видовъ поземельной собственности Европейской Россіи напоминаніемъ о томъ, что въ моментъ крестьянской реформы, кромѣ частной дворянской собственности, находилось еще нѣсколько милліоновъ десятинъ частной собственности лицъ другихъ сословій.

Если выдѣлить землевладѣніе казачьихъ войскъ и инородческое, то въ Европейской Россіи (не считая Царства Польскаго и Кавказа) слѣдуетъ различать четыре категоріи земельной собственности: государственную (вмѣстѣ съ удѣльной), частновладѣльческую, крестьянскую надѣльную (вмѣстѣ съ землей прибалтійскихъ крестьянъ, черниговскихъ казаковъ, колонистовъ и т. п.) и различныхъ учрежденій (города, церкви, монастыри). Согласно изслѣдованію 1887 г., территорія 48 губерній Европейской Россіи (не считая Донской области и Астраханской губ.) распредѣлялась между этими видами собственности слѣдующимъ образомъ:

государственная	150 милл. дес.		41%
кр.-надѣльная	115	„ „	31 „
частно-владѣльч	100	„ „	26 „
разн. учрежд	7	„ „	2 „
Итого.	372 милл. дес.		100%

Табличка эта показываетъ, что нѣсколько болѣе $^2/_5$ территоріи Россіи принадлежитъ государству, $^1/_4$ часть — частнымъ владѣльцамъ и около $^1/_3$ составляетъ крестьянскую надѣльную собственность. Въ моментъ крестьянской реформы частными собственниками земли были почти исключительно дворяне; владѣнія лицъ прочихъ сословій не превосходили 10 милліоновъ десятинъ. Переходъ земель въ руки непривилегированныхъ сословій получилъ возможность широкаго развитія послѣ того, какъ земля, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, пріобрѣла самостоятельную цѣнность, и когда у насъ началась усиленная вырубка лѣсовъ, привлекшая къ себѣ вниманіе капиталистовъ. Въ теченіе протекшихъ съ момента реформы 45 лѣтъ дворяне продали въ руки разныхъ сословій около половины своихъ

владѣній. О современномъ распредѣленіи частнаго землевладѣнія можно составить довольно правильное понятіе по даннымъ объ обложеніи земель земскими сборами, въ 1900 году. Такими сборами облагаются, какъ извѣстно, лишь земли удобныя, т.-е. способныя приносить доходъ. Изъ 102 милл. десятинъ обложенной частновладѣльческой земли дворянамъ принадлежало 54 милл. дес. или 53%, а лицамъ прочихъ сословій—48 милл. дес. Въ числѣ этой послѣдней земли заслуживаетъ особаго вниманія земля, пріобрѣтенная лицами крестьянскаго сословія. Въ 1861 г. крестьяне, на правахъ полной собственности, владѣли приблизительно тремя милліонами десятинъ. Черезъ 40 лѣтъ въ ихъ владѣніи оказывается уже 20 милл. десятинъ; площадь ихъ частнаго землевладѣнія возросла, такимъ образомъ, на 17 милл. дес. Въ руки крестьянъ перешла безъ малаго половина той земли, какая выскользнула въ этотъ періодъ изъ рукъ дворянскаго сословія. Но, конечно, далеко не вся эта земля попала въ руки лицъ, въ потѣ лица добывающихъ хлѣбъ свой.

Послѣднее замѣчаніе приводитъ къ постановкѣ вопроса о распредѣленіи частновладѣльческихъ и надѣльныхъ земель по размѣрамъ отдѣльныхъ имѣній и участковъ. Освѣтить, однако, этотъ вопросъ мы можемъ только приблизительно. Это относится, главнымъ образомъ, къ категоріи частнаго землевладѣнія; что же касается надѣльной земли—она распредѣляется между участниками въ ея пользованіи такими мелкими участками, что почти сплошь должна быть зачислена въ разрядъ мелкаго владѣнія. По вопросу о распредѣленіи между собственниками земли частнаго владѣнія мы можемъ привести сколько-нибудь полныя свѣдѣнія лишь для 1877 г. 92 милл. десятинъ частныхъ владѣній того времени (не считая 1775 тыс. дес., принадлежавшихъ коммерческимъ обществамъ и компаніямъ, и 763 тыс. дес., купленныхъ крестьянскими обществами) распадались по площадямъ отдѣльныхъ владѣній слѣдующимъ образомъ:

Разряды владѣній							
до 50 дес.	51—100 дес.	101—500 дес.	501—1000 дес.	1001—5000 дес.	5001—10000 дес.	свыше 10000 дес.	Всего.
Процентъ въ ихъ земли							
4,6	2,2	12,4	10,2	30,1	10,8	29,7	100

Разсмотрѣніе этой таблицы показываетъ, что мелкому землевладѣнію (лишь немного превышающему трудовую норму) принадлежала въ 1877 г. ничтожная площадь (4,6%) нашего частнаго землевладѣнія; это послѣднее поэтому мы должны характеризовать какъ землевладѣніе среднее и крупное. Относя къ среднему землевладѣнію участки отъ 100 до 1000 дес., мы увидимъ, что на ихъ долю приходилось около 23% частной собственности. Что же касается владѣній, превышающихъ 1000 дес., таковыя охватывали цѣлые 70% площади частнаго землевладѣнія, причемъ настоящія латифундіи—имѣнія свыше 10000 дес.—занимали 30% площади частнаго землевладѣнія. На долю этихъ громадныхъ имѣній приходилось въ 1877 г. больше 27 милл. дес., и составляли онѣ собственность всего 924 лицъ. Каждый собственникъ владѣлъ такихъ образомъ въ среднемъ 29 тыс. дес. Дѣйствительные размѣры земельнаго имущества отдѣльныхъ лицъ превышали, однако, указанныя числа, потому что лица, владѣвшія землею въ разныхъ уѣздахъ, считались за разныхъ собственниковъ.

Эти данныя относятся къ 1877 г. Съ тѣхъ поръ составъ частной поземельной собственности потерпѣлъ измѣненія въ смыслѣ увеличенія числа мелкихъ и сокращенія крупныхъ издѣлій. Въ этомъ направленіи вліялъ на поземельную собственность естественный фактъ раздѣла имѣній между наслѣдниками. Но въ томъ же направленіи дѣйствовало и весьма выраженное стремленіе крестьянъ пополнять недостатокъ надѣльной земли покупкой частновладѣльческихъ угодій. Покупки эти совершались и единолично мелкими участками, и товариществами домохозяевъ или даже цѣлыми сельскими обществами, въ каковомъ случаѣ купленное имѣніе распредѣлялось между членами товарищества или общества соотвѣтственно внесеннымъ ими деньгамъ. Такой способъ дополненія земельныхъ участковъ земледѣльцевъ доступенъ былъ, конечно, болѣе состоятельнымъ крестьянамъ. Съ 1883 г. на помощь крестьянамъ пришелъ вновь учрежденный государственный крестьянскій банкъ, и при его посредствѣ крестьянами, въ числѣ около милліона домохозяевъ, пріобрѣтено до 7 милл. дес., что составляетъ въ среднемъ около 7 дес. на домохозяина. Мелкими участками крестьяне и лица другихъ сословій, пріобрѣтали землю и при посредствѣ частныхъ банковъ. И такъ какъ расширеніе мелкаго землевладѣнія происходило, главнымъ образомъ, на счетъ дворянскихъ имѣній, которыя, говоря вообще, отли-

чаются крупными размѣрами, то составъ частнаго землевладѣнія со времени 1877 г. долженъ былъ значительно измѣниться въ смыслѣ увеличенія площади мелкихъ и уменьшенія площади крупныхъ владѣній. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ распредѣляется частная собственность по величинѣ отдѣльныхъ владѣній въ настоящее время, но мы можемъ составить приблизительное понятіе о распространеніи самыхъ мелкихъ и самыхъ крупныхъ частныхъ владѣній.

Считая земли, пріобрѣтенныя при посредствѣ крестьянскаго банка, принимая во вниманіе свѣдѣнія относительно общественныхъ и мелкихъ единоличныхъ покупокъ земли безъ посредства государственнаго банка и сообразуясь съ тѣмъ, какъ распредѣлена была крестьянская частная собственность въ 1877 г., можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ допустить, что мелкой полной частной собственности принадлежитъ въ настоящее время около 15 милл. десятинъ. Что касается вопроса о современномъ распространеніи крупнаго землевладѣнія, то хотя и на него мы не можемъ дать опредѣленнаго отвѣта, у насъ есть все-таки данныя, свидѣтельствующія о томъ, что крупныя владѣнія и въ настоящее время занимаютъ значительную площадь земли. Крупными размѣрами, судя по даннымъ 1877 г., отличаются дворянскія и особенно купеческія владѣнія. Дворянская собственность сокращается изъ года въ годъ, но часть ея переходитъ въ руки купцовъ и въ настоящее время двумъ названнымъ сословіямъ вмѣстѣ принадлежитъ, вѣроятно, не менѣе $^2/_3$ общей площади частныхъ владѣній. Можно бы ожидать, что въ средѣ самихъ этихъ категорій землевладѣнія совершается процессъ раздробленія крупныхъ имѣній, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, слѣдуетъ заключить, что этотъ процессъ идетъ довольно медленно. Такъ, изъ данныхъ, касающихся дворянскаго землевладѣнія въ 1896 г., видно, что на долю имуществъ площадью свыше 5000 десятинъ, въ 1877 г. приходилось 43,5% всѣхъ дворянскихъ владѣній, а въ 1896 г.—40,4%. Площадь крупныхъ дворянскихъ владѣній не сократилась (относительно, конечно) за протекшія между двумя изслѣдованіями 18 лѣтъ и на $^1/_{10}$, а средняя величина такого имѣнія даже увеличилась съ 16437 до 17594 дес., или на 1000 десятинъ. Мы въ правѣ поэтому принимать, что наше крупное землевладѣніе сохраняетъ и въ настоящее время характеръ латифундій, присущій ему потому, что крупныя дворянскія имѣнія

образовались путемъ пожалованія царскимъ фаворитамъ огромныхъ площадей государственныхъ земель. Въ новѣйшее время очень крупными владѣльцами становятся лица купеческаго сословія, пріобрѣтающія дворянскія имѣнія, главнымъ образомъ, для эксплуатаціи лѣсовъ и для сахарныхъ заводовъ.

Подобно тому, какъ голый итогъ площади крупнаго землевладѣнія, безъ подраздѣленія на разряды имѣній не даетъ правильнаго понятія о характерѣ послѣдняго, такъ и простое указаніе на то, что въ Европейскои Россіи имѣется 115 милл. дес. надѣльной земли, недостаточно для того, чтобы считать вопросъ о нашемъ мелкомъ землевладѣніи совершенно выясненнымъ. Данная площадь надѣльной земли можетъ очень разнообразно распредѣляться между отдѣльными владѣльцами, и передъ нами возникаетъ поэтому вопросъ о распредѣленіи площади крестьянскихъ надѣловъ по размѣрамъ семейныхъ участковъ. Отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ; но это не лишаетъ насъ возможности составить нѣкоторое понятіе о разнообразіи размѣровъ семейныхъ крестьянскихъ участковъ и о степени обезпеченности землей различныхъ группъ крестьянскаго населенія. Возможность составленія нѣкотораго понятія объ указанныхъ предметахъ мы почерпаемъ изъ того, что въ большинствѣ случаевъ земля крестьянамъ отводилась на цѣлыя общества на основаніи опредѣленныхъ душевыхъ нормъ и распредѣлялась между семьями по числу состоявшихъ въ нихъ душъ. Зная эти нормы, мы можемъ по крайней мѣрѣ, судить о томъ—велико ли возможное разнообразіе семейныхъ участковъ, и велико ли должно быть число малоземельныхъ крестьянскихъ семей. Ниже приводятся свѣдѣнія о душевыхъ надѣлахъ бывшихъ государственныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, получившихъ землю на 20 милл. 487 тыс. ревизскихъ душъ мужского пола.

Душевой надѣлъ на ревизскую душу									
менѣе 1 дес	1—2 дес.	2—3 дес.	3—4 дес	4—6 дес	6—8 дес.	8—10 дес.	10—15 дес.	болѣе 15 дес	Всего
тысячъ ревизскихъ душъ									
639	1665	3780	4448	5812	2295	1005	663	180	20487
процентъ ревизскихъ душъ									
3,1	8,1	18,4	21,7	28,4	11,2	4 9	3,3	0,9	100

Читатель видитъ, какъ разнообразны должны быть семейные участки крестьянъ. Душевые надѣлы колеблются отъ доли одной

десятины до 15 дес. и выше. Надѣлы менѣе десятины и около десятины принадлежатъ преимущественно крестьянамъ, согласившимся получить отъ своихъ бывшихъ владѣльцевъ въ даръ $^1/_4$ часть назначеннаго для данной мѣстности высшаго надѣла. Надѣлы въ 8 дес. и болѣе принадлежатъ, главнымъ образомъ, бывшимъ государственнымъ крестьянамъ многоземельныхъ степныхъ или сѣверныхъ лѣсныхъ губерній. Вообще слѣдуетъ имѣть въ виду, что размѣръ душевого надѣла или — что почти одно и то же — степень земельнаго обезпеченія населенія опредѣляется двумя факторами юридическимъ разрядомъ крестьянъ и скученностью населенія. Въ общемъ, государственные крестьяне имѣютъ наибольшіе, а помѣщичьи—наименьшіе надѣлы: въ центральныхъ, густо населенныхъ губерніяхъ надѣлы крестьянъ мельче; въ южныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ, рѣже населенныхъ областяхъ — крупнѣе. Въ среднемъ для цѣлыхъ губерній площадь душевого надѣла колеблется отъ 2,5 дес. въ Полтавской до 24 дес. въ Олонецкой губерніи; но бывшіе помѣщичьи крестьяне Полтавской губерніи получили въ среднемъ, всего 1,7 дес. на ревизскую душу. Это—самый низкій средній погубернскій надѣлъ.

Земля, отнесенная въ категорію частныхъ владѣній, въ бо́льшей ея части находится въ полной частной собственности. Но въ сѣверо-восточныхъ (преимущественно Пермской) губерніяхъ крупныя площади земли принадлежатъ частнымъ лицамъ на правахъ ограниченнаго владѣнія. Это такъ называемыя посессіонныя земли, приписанныя къ горнымъ заводамъ со спеціальной цѣлью служить интересамъ этихъ послѣднихъ. Заводы съ приписанными къ нимъ землями и обитающими на послѣднихъ крестьянами были переданы правительствомъ въ разное время крупнымъ купцамъ и дворянамъ, въ видахъ развитія горной промышленности. Земли эти не могутъ быть дробимы между наслѣдниками, равно какъ и при переходѣ ихъ изъ рукъ въ руки иными путями; на такой переходъ, кромѣ того, требуется, разрѣшеніе горнаго департамента и Сената.

Надѣльная земля принадлежитъ крестьянамъ на правахъ подворнаго или общиннаго владѣнія. И та, и другая формы развились исторически. Общинное владѣніе сдѣлалось господствующимъ въ раіонѣ московскаго государства и распространялось вмѣстѣ съ русскимъ населеніемъ на вновь колонизуемыя пространства. Подворное владѣніе землей установилось въ областяхъ, находившихся подъ

властью Польши, Литвы и Ливонскаго ордена. Юридически распространеніе обѣихъ формъ крестьянскаго землевладѣнія опредѣлено положеніями о крестьянахъ и другими узаконеніями. Согласно этимъ законамъ общинное владѣніе распространяется въ различныхъ губерніяхъ на различныя площади надѣльной земли. Въ польскихъ и литовскихъ губерніяхъ общинное владѣніе вовсе отсутствуетъ; въ юго-западныхъ и Полтавской губерніяхъ оно распространяется на 5—20% площади крестьянской земли; въ Курской, Черниговской и Витебской—на 40—60%; въ Могилевской, Орловской, Тульской, Архангельской, Херсонской и Таврической губерніяхъ—на 70—90%; на всемъ же остальномъ громадномъ пространствѣ Имперіи къ востоку отъ названныхъ губерній въ общинномъ владѣніи состоитъ болѣе $^{9}/_{10}$ крестьянской земли. Изъ 110 милл. дес. крестьянской земли въ 48 губерніяхъ Европейской Россіи въ общинномъ владѣніи находится 88 милл. дес., въ подворномъ — 22 милл. дес.

Но юридическое распространеніе общиннаго землевладѣнія не совпадаетъ съ фактическимъ, такъ какъ въ дѣйствительности въ раіонѣ общиннаго землевладѣнія существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней отъ настоящаго общиннаго къ подворному владѣнію. Эти переходныя ступени не представляютъ чего-либо устойчиваго и вполнѣ опредѣлившагося. Онѣ измѣняются въ ту и другую сторону подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ, и общинное въ нихъ начало то какъ бы потухаетъ, то вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ.

Общинная земля, по постановленію схода домохозяевъ, можетъ быть періодически перераспредѣляема между членами общины, въ видахъ уравнительнаго пользованія ею. Въ до-реформенныя времена общіе передѣлы пріурочивались къ переписямъ податного населенія (ревизіямъ), устанавливавшимъ число душъ мужского пола, которыя, какъ извѣстно, облагались подушнымъ въ пользу государства налогомъ. По этимъ душамъ обыкновенно распредѣлялась и общинная земля. Переписи повторялись черезъ 10—15 лѣтъ, и послѣдняя была произведена въ 1858 г. Послѣ освобожденія крестьянъ ревизіи не производились, но и не было объявлено объ ихъ прекращеніи. Это внесло большую путаницу въ поземельныя отношенія крестьянъ-общинниковъ, но и облегчило, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность измѣненія общинныхъ распорядковъ, въ зависимости отъ сталкивающихся интересовъ различныхъ членовъ общины.

Среди государственныхъ крестьянъ, привыкшихъ къ общимъ передѣламъ земли, уравнительная тенденція восторжествовала, и, несмотря на отсутствіе ревизіи, передѣлы послѣ реформы осуществились почти всюду. Иное слѣдуетъ сказать о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ. Они и при крѣпостномъ правѣ, по крайней мѣрѣ, въ барщинныхъ имѣніяхъ, въ сущности не знали общины, такъ какъ отведеніе новому работнику земли происходило по распоряженію помѣщика. Послѣ освобожденія крестьянъ передѣлы земли очень долгое время совсѣмъ не производились тамъ, гдѣ земля цѣнилась крестьянами, и всякій крѣпко за нее держался. Внесеніе выкупа за землю и юридическое наименованіе крестьянъ (выкупавшихъ надѣлы) „собственниками“ вызывало въ умахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ представленіе, что они покупаютъ землю въ личную собственность, и это представленіе отражалось на отношеніи къ состоявшимъ въ ихъ пользованіи участкамъ общинной земли. Но въ послѣднія двадцать лѣтъ и въ этой группѣ населенія начинаютъ просыпаться уравнительныя тенденціи, возникаетъ борьба между приверженцами и противниками передѣловъ, и мѣстами дѣло оканчивается осуществленіемъ послѣднихъ.

Но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ почвы плохи и лежащіе на крестьянахъ платежи не покрывались доходами земли, бывшіе помѣщичьи крестьяне, во избѣжаніе накопленія недоимокъ, лежавшихъ на отвѣтственности сельскаго общества, съ первыхъ же лѣтъ свободной жизни должны были сообразовать платежи своихъ членовъ съ ихъ производительными силами. Всѣ платежи, лежащіе на общинѣ, перекладывались ею на землю, и земля-то и распредѣлялась между домохозяевами соотвѣтственно ихъ производительнымъ средствамъ. Главнымъ же производительнымъ источникомъ трудящагося человѣка является его рабочая сила. По этому признаку, т.-е. по рабочему составу домохозяевъ или, говоря иначе, по производительной нормѣ, и развертывалась земля (а съ нею и подати) какъ бывшими помѣщичьими, такъ и государственными крестьянами тѣхъ районовъ, гдѣ земля не окупала платежей, и крестьяне не стремились получить въ пользованіе возможно бо́льшую площадь обремененнаго налогами надѣла. Рабочая сила домохозяевъ не оставалась долго неизмѣненной. Въ однѣхъ семьяхъ подростали новые рабочіе, въ другихъ—умирали старые; вмѣстѣ съ этимъ измѣнялись и производительныя средства домохозяевъ; это происходило изъ года въ годъ.

Поэтому уравненіе землепользованія по рабочимъ силамъ требовало постояннаго перераспредѣленія земли между домохозяевами, но не между всѣми, а между тѣми, гдѣ произошли убыль и прибыль рабочихъ силъ. Уравненіе здѣсь достигалось поэтому не путемъ общаго передѣла, повторяемаго черезъ болѣе или менѣе длинные промежутки времени, а путемъ частныхъ передѣловъ, производимыхъ по мѣрѣ надобности.

Тамъ, гдѣ земля покрывала съ избыткомъ лежавшіе на крестьянахъ платежи, и каждый членъ общины готовъ былъ получить ее въ пользованіе въ возможно бо́льшемъ количествѣ, распредѣленіе общинной земли преслѣдовало цѣль дать каждой семьѣ участокъ, соотвѣтствующій ея потребностямъ. Первоначально мѣрою потребностей въ землѣ служило число душъ мужского пола—система, унаслѣдованная отъ до-реформенныхъ временъ. Но съ теченіемъ времени въ крестьянскомъ населеніи стала развиваться идея о правѣ на землю и лицъ женскаго пола, и разверстка земли по „ѣдокамъ“, т.-е. по душамъ обоего пола, получаетъ болѣе и болѣе широкое распространеніе. Системы разверстки общинной земли по численному составу семей—принимались ли при этомъ во вниманіе только лица мужского или обоего пола—получили въ литературѣ наименованіе системъ разверстки по нормѣ потребительной.

Описанныя системы разверстки общинной земли—по потребительной и по производительной нормѣ—выражаются въ дѣйствительной жизни не только раздѣлами между семьями земли по числу работниковъ, съ одной стороны, по числу мужскихъ или обоего пола душъ—съ другой. Въ дѣйствительной жизни существуетъ цѣлая масса переходныхъ ступеней отъ одной системы къ другой. Разнообразіе системъ разверстки общинной земли обусловливается многими обстоятельствами. Здѣсь играетъ роль отсутствіе рѣзкой разницы между общинами, гдѣ земля очевидно не окупаетъ лежащихъ на крестьянахъ платежей, и общинами, гдѣ она приноситъ чистый доходъ; здѣсь замѣчается вліяніе борьбы интересовъ и борьбы идей, и, пока новая идея—о разверсткѣ земли по душамъ обоего пола—получитъ всеобщее признаніе, она осуществляется въ практикѣ общинной жизни въ неполномъ видѣ; здѣсь, наконецъ, оказываетъ вліяніе и недостатокъ у крестьянъ земли, побуждающій общину, признавшую опредѣленный принципъ разверстки, допускать извѣстныя ограниченія въ практическомъ его примѣненіи.

Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Кочаровскимъ относительно 35 губерній Европейской Россіи, гдѣ сосредоточена основная масса крестьянъ-общинниковъ, и обнимающимъ половину населенія этихъ губерній, 45 милл десятинъ земли бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ, о которыхъ получены свѣдѣнія, распредѣляются по системамъ разверстки слѣдующимъ образомъ:

1) 16,4% всей земли принадлежитъ общинамъ, еще не производившимъ послѣ крестьянской реформы уравненія земли:

2) 4,6% земли находится въ общинахъ съ неопредѣлившимся результатомъ попытокъ къ передѣламъ,

3) въ общинахъ, владѣющихъ въ совокупности 6,3% всей надѣльной земли, замѣчаются слабыя попытки введенія уравнительнаго пользованія ею;

4) на территоріи общинъ, охватывающей 12,1% крестьянскихъ земель, существуютъ регулярные передѣлы по неопредѣленнымъ и смѣшаннымъ системамъ;

5) въ общинахъ, владѣющихъ въ совокупности 11,8% надѣльной земли, введено регулированіе землепользованія крестьянъ по рабочимъ силамъ семей; и, наконецъ,

6) на территоріи, охватывающей почти половину (48,8%) площади надѣловъ бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ, земли регулярно распредѣляются между семьями по потребительной нормѣ.

Въ 1893 г. изданъ былъ законъ, ограничивающій право общинъ постановлять приговоры о передѣлахъ земли. Этимъ закономъ срокъ между передѣлами установленъ былъ не менѣе 12 лѣтъ; частные передѣлы запрещены; приговоры общинъ о передѣлѣ подлежали разсмотрѣнію уѣзднаго начальства, которому предоставлялось отмѣнить ихъ, если, по его мнѣнію, приговоръ нарушаетъ законъ, интересы общества или права отдѣльныхъ членовъ послѣдняго. Законъ этотъ внесъ большую путаницу въ развитіе поземельныхъ отношеній и побудилъ населеніе прибѣгать къ ряду уловокъ, чтобы уклониться отъ фактическаго его примѣненія.

Разверстка общинной земли преслѣдуетъ цѣль уравненія членовъ общины въ пользованіи землею не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніяхъ. Община стремится къ тому, чтобы каждая семья получила площадь, соотвѣтствующую ея про-

изводительнымъ силамъ или потребительнымъ способностямъ; и она же заботится, чтобы качество и другія свойства ея владѣній были распредѣлены между всѣми равномѣрно. Для достиженія этой послѣдней цѣли община разбиваетъ свою землю на участки, различающіеся по качеству или по отдаленности отъ усадьбы, и нарѣзаетъ всѣмъ домохозяевамъ полосы въ каждомъ изъ этихъ участковъ. Земля очень многихъ общинъ представляетъ такое разнообразіе достоинствъ, что и при помощи описанныхъ мѣръ нѣтъ возможности уравнять владѣнія отдѣльныхъ лицъ въ качественномъ отношеніи. Въ этихъ случаяхъ община уравниваетъ своихъ членовъ, пересаживая ихъ съ однихъ участковъ на другіе съ разсчетомъ, чтобы въ теченіе извѣстнаго періода времени въ пользованіи каждаго члена по возможности перебывали всѣ разряды ея земель. Пересадка домохозяевъ съ однѣхъ полосъ на другія происходитъ при помощи такъ называемыхъ жеребьевокъ или переверстокъ, повторяющихся черезъ короткіе промежутки времени.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что въ общинѣ каждый домохозяинъ получаетъ приходящуюся ему долю земли не въ одномъ, а во многихъ мѣстахъ, мелкими полосами, что затрудняетъ тщательную обработку земли и ведетъ къ потерѣ времени на переѣздъ съ сохою, плугомъ или косою съ одной полосы на другую. Это расположеніе участковъ наблюдается, однако, не только на территоріи общиннаго владѣнія. Оно встрѣчается на всемъ почти пространствѣ Россіи, гдѣ крестьяне живутъ деревнями, а не отдѣльными хуторами, и примѣняется даже тѣми лицами, которыя пріобрѣтаютъ землю въ собственность болѣе или менѣе крупными товариществами. Такое черезполосное расположеніе земли русское населеніе предпочитаетъ именно въ виду разнокачественности почвы: оно даетъ возможность пріобщить всѣхъ жителей деревни къ пользованію и лучшими, и худшими участками земли. Но черезполосица, развивающаяся на земляхъ подворнаго крестьянскаго владѣнія, представляетъ гораздо болѣе неудобствъ, чѣмъ черезполосное расположеніе участковъ членовъ общины, потому что эта черезполосица, заведенная много десятковъ лѣтъ тому назадъ съ цѣлью уравненія всѣхъ домохозяевъ въ пользованіи разнокачественными угодьями, усложнилась тѣми раздробленіями семейныхъ участковъ, которыя происходили вслѣдствіе продажи крестьянами земель и раздѣла ихъ между наслѣдниками. На земляхъ подворнаго владѣнія поэтому черезполосица

дробнѣе и неправильнѣе; а домохозяева, привязанные къ своимъ участкамъ, не рѣшаются на новое перераспредѣленіе земли, имѣющее въ виду исправленіе и сокращеніе черезполосицы. Въ общинѣ же черезполосица преслѣдуетъ строго опредѣленную цѣль, и когда населеніе начнетъ очень тяготиться даннымъ дроблѣніемъ земли, общинный сходъ большинствомъ голосовъ можетъ постановить произвести новое перераспредѣленіе земли и сократить число участковъ, отводимыхъ каждому домохозяину.

Въ связи съ черезполоснымъ расположеніемъ семейныхъ участковъ на земляхъ общиннаго и подворнаго крестьянскаго владѣнія находится и другая особенность, отличающая мелкое наше землевладѣніе отъ крупнаго: обязательность сѣвооборота, одинаковаго для всѣхъ хозяевъ одного поселенія Хозяйственное распредѣленіе земли всякаго владѣнія имѣетъ приблизительно такой видъ: пахотныя земли отдѣлены отъ сѣнокосныхъ и выгонныхъ; площадь пахотной земли раздѣлена на нѣсколько полей, соотвѣтственно принятому сѣвообороту, и эти поля поочередно засѣваются различными растеніями, а затѣмъ обращаются подъ паръ. Въ крупномъ единоличномъ владѣніи вся эта земля, равно какъ и отдѣльныя ея части, принадлежатъ одному лицу. Въ крестьянскомъ же владѣніи въ каждой изъ вышеуказанныхъ частей поля и въ сѣнокосномъ угодіи нарѣзаны участки для каждаго домохозяина. Отсюда проистекаютъ извѣстныя стѣсненія сельскохозяйственной дѣятельности крестьянина. Крестьянинъ не можетъ ввести желательное для него чередованіе растеній потому, что его участки поступаютъ подъ озимые, яровые посѣвы или подъ паръ и подъ пастьбу скота вмѣстѣ съ полями всего селенія.

При описанныхъ порядкахъ сельскохозяйственнаго расположенія крестьянскихъ—общинныхъ и подворныхъ—земель, отдѣльные домохозяева не могутъ, независимо отъ всего селенія, приступить къ радикальнымъ измѣненіямъ своего хозяйства. Для того же, чтобы такія измѣненія осуществлялись, нужно или производить ихъ цѣлымъ обществомъ и селеніемъ, или стремиться къ упраздненію черезполосицы и къ образованію сплошныхъ, такъ называемыхъ отрубныхъ подворныхъ владѣній. То и другое и наблюдается въ крестьянской средѣ. Въ районѣ общиннаго владѣнія (главнымъ образомъ, въ центральныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ) крестьяне цѣлыми общинами отъ трехполья переходятъ къ многопольнымъ сѣвооборотамъ

съ посѣвами на поляхъ кормовыхъ травъ. Въ западной полосѣ подворнаго владѣнія цѣлыя селенія разбиваютъ свои земли на отдѣльные для каждой семьи сплошные участки, и каждый домохозяинъ въ своей хозяйственной дѣятельности становится, такимъ образомъ, совершенно независимымъ отъ сосѣдей.

X. Формы сельскохозяйственнаго производства.

Различныя категоріи земельной собственности въ Россіи распредѣляются по угодьямъ весьма неодинаково. Въ составѣ государственныхъ (вмѣстѣ съ удѣльными) земель огромное преобладаніе имѣютъ лѣса; частновладѣльческія земли распредѣляются почти поровну между лѣсными (вмѣстѣ съ неудобными) и прочими угодьями; въ составѣ надѣльныхъ земель лѣсовъ (и неудобныхъ земель) очень мало. По исключеніи лѣсовъ и неудобныхъ земель изъ 372 милл. дес. владѣній всякаго рода въ 48 губерніяхъ Европейской Россіи, останется около 150 милл. дес., могущихъ служить для сельскохозяйственныхъ цѣлей. Изъ нихъ въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ находится около 50 милл. десятинъ или около $^1/_3$ части общей ихъ площади, въ рукахъ государства и различныхъ учрежденій — около 15 милл дес. или $^1/_{10}$ часть этой площади, а около 90 милл. дес. или почти 60% общей площади сельскохозяйственныхъ угодій состоитъ въ составѣ крестьянской — надѣльной земли.

Изъ того, что было говорено выше о распредѣленіи всѣхъ вообще и въ частности сельскохозяйственныхъ угодій Европейской Россіи по категоріямъ владѣнія, видно, что государство извлекаетъ земельные доходы, главнымъ образомъ, путемъ эксплуатаціи лѣсовъ. Размѣры этой эксплуатаціи далеко, впрочемъ, не соотвѣтствуютъ площади лѣсныхъ владѣній казны, простирающихся до 100 милл. дес. Главная причина этого заключается въ томъ, что около 80% казенныхъ лѣсовъ находится въ малонаселенныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, и это значительно затрудняетъ правильную ихъ эксплуатацію. Впрочемъ, доходы казны отъ ея земельныхъ имуществъ возрастаютъ изъ года въ годъ. Такъ за послѣднія 10 лѣтъ лѣсной доходъ поднялся съ 20 до 65 милл. рублей. Оброчныя земельныя статьи даютъ государству 5—6 милл. рублей въ годъ. Удѣльные лѣса и оброчныя статьи приносятъ въ послѣд-

ные годы приблизительно по 6 милл. рублей (тѣ и другія въ отдѣльности) въ годъ.

Площадь частновладѣльческихъ земель распредѣляется, какъ мы видѣли, между лѣсными и сельскохозяйственными угодьями почти поровну. Описанія помѣщичьяго лѣсного хозяйства не имѣется, но, судя по тому, что въ Россіи ежегодно потребляется около 40 милл. куб. саж. лѣса, и что государственнаго лѣса продается всего не болѣе $^1/_4$ части этого количества, слѣдуетъ полагать, что остальные 30 милл. куб. саж. древесины поставляютъ на рынокъ частные лѣсовладѣльцы. Между тѣмъ частныхъ лѣсовъ у насъ вдвое меньше, чѣмъ казенныхъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что частные лѣса у насъ просто опустошаются, а не эксплуатируются, подобно лѣсамъ казеннымъ, правильнымъ порядкомъ. Сознаніе этого обстоятельства побудило правительство принять мѣры къ охранѣ лѣсовъ, и въ 1888 г. изданъ законъ о воспрещеніи изводить лѣса, защищающія мѣстность отъ размыва водою, засыпанія песками и т. п. Крестьяне имѣютъ такъ мало лѣсовъ, что въ большей части Россіи не обезпечены даже топливомъ. Ихъ лѣсныя владѣнія не могутъ поэтому быть разсматриваемы какъ доходная статья, и денежные доходы они получаютъ отъ своихъ сельскохозяйственныхъ угодій.

Изъ того, что было сейчасъ сказано, слѣдуетъ, что лѣсное хозяйство носитъ у насъ капиталистическій характеръ. Государство, удѣлы и крупные собственники нанимаютъ мѣстныхъ крестьянъ на лѣсныя работы. Крестьяне обязуются въ теченіе зимы вырубить, очистить и свезти къ берегамъ рѣчекъ условленное количество деревъ. Весною по рѣчкамъ вырубленный лѣсъ сплавляется до мѣста перехода его на сухопутье. На сплавъ нанимаются частью тѣ же крестьяне, которые рубили лѣсъ. Лѣсная работа очень тяжела. Крестьяне цѣлыми недѣлями живутъ во время работы въ лѣсахъ, ночуя въ тѣсныхъ, нарочно для этого выстраиваемыхъ избенкахъ. Но эта работа представляетъ тѣ выгоды для земледѣльцевъ, что даетъ имъ и ихъ лошадямъ заработокъ въ зимнее время, когда затихаютъ земледѣльческія работы. Въ Европейской Россіи рубка и сплавъ лѣса, заготовка и возка дровъ даетъ занятіе около 500 тысячамъ мужчинъ.

Если одинъ отдѣлъ сельскаго хозяйства—лѣсное дѣло—носитъ у насъ капиталистическій характеръ, то совершенно иное слѣдуетъ сказать о другомъ его отдѣлѣ, составляющемъ главный промыселъ

русскаго народа,—о земледѣліи. Это видно уже изъ распредѣленія земельной собственности по размѣрамъ отдѣльныхъ владѣній. Правда, наша оффиціальная статистика знаетъ лишь юридическія категоріи землевладѣнія, и, согласно ея даннымъ, государству, городамъ, монастырямъ и церквамъ принадлежитъ, какъ мы видѣли, около 15 милл. дес. или 10% общей площади сельскохозяйственныхъ угодій, въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ находится около 50 милл. дес. или около $^1/_3$ части, а на долю надѣльнаго землевладѣнія приходится около 90 милл. дес. или нѣсколько меньше 60% площади сельскохозяйственныхъ угодій Европейской Россіи. Но указанная группировка земли приблизительно выражаетъ и ея распредѣленіе по размѣрамъ отдѣльныхъ владѣній. Надѣльное землевладѣніе, въ общемъ, должно быть причислено къ разряду мелкаго; что же касается остальныхъ категорій собственности, то изъ 15 милл. дес. приблизительно нами опредѣленной мелкой частной собственности на долю сельскохозяйственныхъ угодій должно быть отчислено, вѣроятно, не менѣе 10—12 милл. дес. При такомъ разсчетѣ площадь мелкаго владѣнія сельскохозяйственными угодьями опредѣлится до 100 милл. дес. и будетъ равняться $^2/_3$, если не болѣе, общаго количества сельскохозяйственныхъ угодій.

Правда, не вся надѣльная земля обрабатывается исключительно руками ея владѣльцевъ. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ крестьянская земля сосредоточена въ рукахъ меньшей части населенія, и многіе крестьяне прибѣгаютъ при обработкѣ къ найму батраковъ. Въ южныхъ и восточныхъ многоземельныхъ губерніяхъ зажиточные члены общинъ сосредоточиваютъ, при помощи аренды, такое количество надѣльныхъ и постороннихъ земель, что прибѣгаютъ также къ найму рабочихъ. Но въ общей массѣ крестьянскаго населенія такія полубатрацкія хозяйства составляютъ ничтожную долю, и въ общей массѣ надѣльной земли площадь, обрабатываемая наемнымъ трудомъ, составляетъ ничтожную часть. И если не претендовать на совершенно точный учетъ изучаемыхъ нами явленій, то можно почти всю надѣльную землю зачислить въ фондъ мелкаго земледѣльческаго производства.

Но мелкое сельское хозяйство распространяется и за предѣлы мелкой собственности. Вслѣдствіе недостатка у крестьянъ земли они прибѣгаютъ къ арендѣ чужихъ угодій и даютъ за нихъ такія высокія цѣны, что многіе крупные землевладѣльцы находятъ болѣе

выгоднымъ сдавать землю крестьянамъ, а не обрабатывать ее за свой страхъ наемнымъ трудомъ. Аренда крестьянами земель составляетъ очень широко распространенное явленіе, но точнаго учета числа арендаторовъ и количества нанимаемой ими земли не имѣется. Земскія изслѣдованія 80-хъ годовъ, охватившія далеко не всю Россію, показали, что къ арендѣ пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель прибѣгаетъ около половины наличныхъ крестьянъ-домохозяевъ; если же считать и аренду пастбищъ, то процентъ этотъ значительно повысится. Если признать правильнымъ для всей Россіи то, что земская статистика установила для изслѣдованныхъ районовъ, т.-е. что площадь арендуемой крестьянами пахотной и сѣнокосной земли составляетъ $^1/_5$—$^1/_6$ части площади надѣльнаго землевладѣнія, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ считать, что въ арендѣ крестьянъ находится не менѣе 15 милл. дес. пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій. Изъ нихъ около 4 милл. дес. падаетъ на долю государственныхъ и удѣльныхъ оброчныхъ статей и не менѣе 11 милл. дес. принадлежитъ частнымъ владѣльцамъ. Площадь мелкаго земледѣлія, кромѣ 100 милл. дес. земли (надѣльной и частновладѣльческой), принадлежащей самимъ земледѣльцамъ, распространяется, слѣдовательно, еще на 15 милл. дес. чужихъ угодій, а подъ крупной культурой находится менѣе 30 милл. дес. частной собственности. Если даже всѣ прочія земли считать состоящими подъ крупной культурой, то и въ такомъ случаѣ мелкое хозяйство окажется занимающимъ площадь въ 115 милл. дес., что составляетъ 77% общей площади сельскохозяйственныхъ угодій Россіи.

Къ приблизительному учету распространенія у насъ крупнаго и мелкаго хозяйства мы можемъ подойти и другимъ путемъ. Согласно оффиціальнымъ даннымъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи ежегодно засѣвается 50 милл. дес. надѣльной земли и 20 милл. дес. частновладѣльческой. Принимая во вниманіе, что изъ 50 милл. дес. частныхъ владѣній болѣе 10 милл. дес. принадлежитъ къ мелкому землевладѣнію, и что значительная часть помѣщичьей земли снимается подъ посѣвъ крестьянами, можно, не преувеличивая, допустить, что не менѣе половины посѣва на владѣльческихъ земляхъ принадлежитъ къ мелкой культурѣ. Въ такомъ случаѣ посѣвы мелкихъ земледѣльцевъ составятъ 60 милл. дес. или 85% общей площади посѣвовъ, а посѣвы крупныхъ хозяевъ—10 милл. дес. или 15% этой площади.

Наше заключеніе о значительномъ преобладаніи мелкаго самостоятельнаго земледѣльческаго производства надъ крупнымъ капиталистическимъ находитъ себѣ подтвержденіе въ данныхъ переписи 1897 г. о главныхъ занятіяхъ населенія. Согласно этимъ даннымъ, въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства (кромѣ лѣсоводства) находятъ себѣ занятіе въ качествѣ наемныхъ рабочихъ 1,8 милл. душъ обоего пола, между тѣмъ какъ обработкой земли за свой счетъ занято, вѣроятно, около 17 милл. взрослыхъ мужчинъ и множество женщинъ и полурабочихъ.

Исчисленная нами (прибавимъ—очень осторожно) площадь аренды крестьянами пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій—15 милл. дес. при 90 милл. дес. надѣльныхъ земель—можетъ дать поводъ къ заключенію, что аренда не играетъ существенной роли въ мелкомъ земледѣліи. Но значеніе аренды въ крестьянскомъ хозяйствѣ представится въ другомъ видѣ, если принять во вниманіе, что около $^2/_3$ арендованной площади снимается половиною крестьянскаго населенія. бывшими помѣщичьими крестьянами, во владѣніи коихъ состоитъ $^1/_3$ часть площади всего надѣльнаго землевладѣнія. Въ средѣ этого разряда крестьянъ арендуемыя пахотныя и сѣнокосныя угодья составляютъ уже около $^1/_3$ части ихъ собственныхъ владѣній. А если принять во вниманіе, что добрая половина бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ не можетъ обойтись и безъ чужихъ пастбищныхъ угодій, то значеніе аренды для мелкаго земледѣлія представится еще болѣе рѣшительнымъ.

Дѣйствительно, изслѣдованія земскихъ статистиковъ (относящіяся преимущественно къ восьмидесятымъ годамъ истекшаго столѣтія) показали, что къ арендѣ внѣнадѣльныхъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій прибѣгаетъ бо́льшая половина наличныхъ домохозяевъ разряда бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Не всѣ, однако, наличные домохозяева должны быть отнесены къ самостоятельнымъ земледѣльцамъ; изъ этой категоріи должны быть исключены крестьяне, не имѣющіе ни одной лошади. И если принять, что къ арендѣ прибѣгаютъ преимущественно лошадные домохозяева, то процентъ арендаторовъ въ разрядѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ поднимется въ разныхъ черноземныхъ губерніяхъ до 60—85. Въ виду такихъ данныхъ нельзя не признать, что аренда земель составляетъ жизненную необходимость для разсматриваемаго разряда

крестьянъ. А ознакомленіе съ исторіей поземельнаго устройства дастъ намъ ключъ къ объясненію этого явленія.

Приступая къ крестьянской реформѣ, результатомъ которой должно быть образованіе новаго класса свободныхъ гражданъ, занимающихся земледѣліемъ, правительство не могло не озаботиться тѣмъ, чтобы этотъ классъ получилъ въ свое владѣніе достаточное количество земли. При этомъ естественнымъ образомъ возникалъ вопросъ, какое количество земли считать достаточнымъ для освобождаемаго крестьянина-земледѣльца. Теоретически отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно: крестьянину должна быть отведена такая площадь земли, кои обезпечивалось бы удовлетвореніе его главнѣйшихъ личныхъ и общественныхъ нуждъ и обязанностей. Практически рѣшеніе этого вопроса не представляло серьезныхъ затрудненій по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ. Здѣсь и въ до-реформенныя времена правительство заботилось о томъ, чтобы крестьяне имѣли достаточное количество земли. Съ этой цѣлью, по мѣрѣ размноженія населенія, крестьянскимъ общинамъ прирѣзывалась земля изъ сосѣднихъ оброчныхъ казенныхъ статей, а крестьянамъ малоземельныхъ районовъ предоставлялось переселяться въ многоземельныя губерніи. При освобожденіи этихъ крестьянъ изъ вѣдомства государственныхъ имуществъ оставалось лишь закрѣпить за ними существующіе надѣлы, съ небольшими измѣненіями въ цѣляхъ округленія владѣній, уничтоженія черезполосицы съ казенными землями и т. п. За эти земли бывшіе государственные крестьяне первоначально уплачивали опредѣленный оброкъ, какъ бы арендную плату, а въ 1886 г. оброчные платежи были замѣнены выкупными (превышавшими первые на 45%), погашавшимися въ теченіе 49 лѣтъ. Закономъ 3 ноября 1905 г. выкупные платежи, какъ извѣстно, были отмѣнены, и съ 1907 г. земля государственныхъ крестьянъ (равно какъ и крестьянъ прочихъ разрядовъ) считается окончательно выкупленной. Благодаря тому обстоятельству, что государственные крестьяне, при увольненіи изъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, сохранили свои надѣлы, переходъ ихъ въ новое, свободное состояніе совершился безъ замѣтнаго потрясенія ихъ хозяйственнаго быта. Нельзя сказать того же относительно крестьянъ помѣщичьихъ.

Высочайшимъ рескриптомъ 2 ноября 1857 г. повелѣно было составить Положеніе объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ въ

такомъ духѣ, чтобы крестьянамъ отводилось количество земли, достаточное для „обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками". Подъ обязанностями передъ правительствомъ понимались государственные налоги, а передъ помѣщиками—платежи за землю, отводимую крестьянамъ. Выполненіе этого повелѣнія требовало бы учета того, какое количество земли давало крестьянамъ различныхъ районовъ достаточный, въ вышеуказанномъ смыслѣ, доходъ; и опредѣленныя такимъ образомъ нормы должны бы быть положены въ основаніе поземельнаго устройства крестьянъ. Но такъ какъ составленіе проектовъ положеній объ освобожденіи крестьянъ каждой губерніи возложено было на мѣстные комитеты, составленные изъ помѣщиковъ, такъ какъ и въ послѣдующихъ инстанціяхъ, гдѣ объединялись работы дворянскихъ комитетовъ и составлялся законъ о крестьянахъ, дворяне, заинтересованные въ дѣлѣ, играли выдающуюся роль, то Высочайшее повелѣніе 2 ноября не было приведено въ исполненіе. Вмѣсто того было принято начало сохраненія за освобождаемыми крестьянами тѣхъ надѣловъ, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Это было признано также удобнымъ средствомъ избѣжать при освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ рѣзкаго потрясенія ихъ хозяйственнаго быта; потому что считалось, что помѣщики, во время крѣпостного права въ своихъ собственныхъ интересахъ, должны были отводить въ пользованіе своихъ крѣпостныхъ такое количество земли, которое, вмѣстѣ съ посторонними заработками, давало имъ средства существованія. Иначе владѣльцамъ приходилось бы на свой счетъ содержать крестьянъ. Правда, были безъ сомнѣнія помѣщики, весьма плохо заботившіеся о своихъ крѣпостныхъ, и отводившіе въ ихъ пользованіе завѣдомо недостаточное количество земли. Равно какъ и встрѣчались щедрые владѣльцы, разрѣшавшіе своимъ крестьянамъ пользоваться чуть не всей землей. Но въ предупрежденіе тѣхъ потерь, какія испытали бы въ одномъ случаѣ крестьяне, въ другомъ помѣщики—если бы правило сохраненія за крестьянами крѣпостныхъ надѣловъ получило буквальное примѣненіе—рѣшено было назначить высшія и низшія нормы надѣловъ освобождаемыхъ крестьянъ. Высшая норма означала бы тотъ передѣлъ крестьянскаго участка, за которымъ слѣдовала отрѣзка крестьянской земли въ пользу помѣщика; низшая норма давала бы малоземельнымъ крестьянамъ право требовать прирѣзки къ своему надѣлу изъ помѣщичьей земли.

Изъ самаго существа дѣла о высшихъ и низшихъ нормахъ надѣловъ слѣдуетъ, что разница между ними не должна быть особенно значительной. Это были бы границы тѣхъ нормальныхъ, такъ сказать, участковъ, какими пользовалось огромное большинство крѣпостныхъ крестьянъ, и которые были сообразованы съ матеріальными потребностями послѣднихъ, вездѣ приблизительно одинаковыми. Другимъ признакомъ правильности назначенія высшихъ и низшихъ нормъ крестьянскихъ надѣловъ была бы рѣдкость ихъ примѣненія на практикѣ, потому что огромное большинство помѣщиковъ не отличалось, нужно полагать, ни большой щедростью, ни особенной скаредностью по отношенію къ крестьянамъ.

Составители закона объ освобожденіи крестьянъ, принявъ за правило сохраненія за крестьянами тѣхъ участковъ, коими они пользовались ранѣе, дѣйствительно полагали, что увеличеніе и уменьшеніе ихъ на основаніи назначенныхъ ими высшихъ и низшихъ нормъ будетъ встрѣчаться очень рѣдко. Но когда эти нормы были назначены, и было приступлено къ фактическому отведенію освобожденнымъ крестьянамъ земли, то оказалось, что прирѣзки земли для доведенія крестьянскаго надѣла до низшей его нормы были дѣйствительно исключеніемъ, а отрѣзки крестьянскихъ земель во многихъ губерніяхъ чуть не правиломъ. Такой отрицательный для крестьянъ результатъ благихъ пожеланій законодателя объясняется тѣмъ участіемъ, какое принимали въ составленіи закона помѣщики. Они доставили не вполнѣ вѣрныя свѣдѣнія о землевладѣніи своихъ крѣпостныхъ, между тѣмъ какъ эти свѣдѣнія служили для назначенія высшей нормы надѣла въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Они же настаивали на уменьшеніи нормъ послѣ того, какъ тѣ были проектированы. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земля, сама по себѣ, цѣнилась очень низко, и помѣщики стремились къ тому, чтобы на крестьянъ былъ наложенъ возможно высокій выкупъ за отходящія къ нимъ угодья, высшая норма надѣла была назначена приблизительно въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными владѣніями крѣпостныхъ. Въ черноземной же полосѣ, гдѣ дворяне очень дорожили землей, эта норма была сильно урѣзана, и сокращеніе крестьянскихъ участковъ получило очень широкое распространеніе.

Если назначеніемъ низкихъ цифръ для высшихъ надѣловъ помѣщики достигли того, что въ ихъ руки перешла значительная часть земли, находившейся въ пользованіи ихъ крѣпостныхъ, то

установленіемъ низшихъ нормъ надѣловъ они предупредили сколько-нибудь значительное распространеніе прирѣзокъ малоземельнымъ крестьянамъ земли изъ помѣщичьихъ угодій. Они этого достигли тѣмъ, что низшій надѣлъ былъ назначенъ въ половину высшаго въ малороссійскихъ и въ $^1/_3$ часть высшаго въ великороссійскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ. Понятно безъ всякихъ объясненій, что если даже крестьяне, получившіе при освобожденіи высшіе надѣлы, вслѣдствіе значительнаго сокращенія своихъ участковъ, вышли на волю съ надѣлами, не обезпечивающими средней степени матеріальнаго благополучія, то надѣлы въ два и три раза меньшіе лишали крестьянъ возможности даже кормиться отъ своихъ участковъ. Между тѣмъ это была не единственная статья закона, жертвовавшая интересами крестьянъ въ пользу владѣльцевъ. Есть еще нѣсколько правилъ, пользуясь которыми, помѣщики могли оставлять въ своемъ владѣніи часть крестьянской земли. Изъ этихъ правилъ мы упомянемъ объ одномъ, допускающемъ такъ называемые четвертные или нищенскіе надѣлы. Согласно этому правилу, помѣщикъ могъ покончить всѣ свои отношенія съ крестьянами, если тѣ согласятся удовольствоваться полученіемъ отъ него въ даръ $^1/_4$ части высшаго надѣла, установленнаго для даннаго района. Многіе помѣщики черноземныхъ губерній сумѣли склонить невѣжественныхъ своихъ крѣпостныхъ воспользоваться этой статьей закона и теперь пожинаютъ плоды своихъ подвиговъ, взимая съ дарственниковъ непомѣрныя цѣны за землю, сдаваемую имъ въ аренду.

Описанныя правила поземельнаго устройства бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ изданы были не для всей территоріи Россійской Имперіи. Въ западномъ районѣ, гдѣ помѣщики были преимущественно поляки, освобожденіе крестьянъ было проведено съ большей выгодой для послѣднихъ. Уже въ первоначальномъ законѣ, изданномъ въ 1861 г., крестьянамъ литовскихъ и юго-западныхъ губерній предоставлено было получить при освобожденіи всю землю, какой они пользовались при крѣпостномъ правѣ, безъ урѣзокъ и безъ прирѣзокъ. А когда въ 1863 году вспыхнуло польское возстаніе, и правительство сочло желательнымъ привязать къ себѣ крѣпостныхъ крестьянъ польскихъ помѣщиковъ, въ названныя губерніи посланы были коммиссіи для провѣрки отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ, и, благодаря дѣятельности этихъ коммиссій, крестьяне получили почти въ $1^1/_2$ раза больше того, чѣмъ они владѣли въ

крѣпостныя времена. Въ прочихъ же губерніяхъ значительная часть крестьянъ потерпѣла сокращеніе своихъ надѣловъ; особенно это имѣло мѣсто, какъ сказано выше, въ черноземной полосѣ. Если разсматривать отдѣльныя губерніи цѣликомъ, то наиболѣе пострадавшими при освобожденіи окажутся крестьяне слѣдующихъ мѣстностей: крестьяне Нижегородской, Курской и Воронежской губерній потеряли при освобожденіи около $^1/_5$ части своей земли; крестьяне Харьковской, Симбирской и Казанской губерній—около 30%; крестьяне Полтавской, Екатеринославской, Саратовской и Самарской губерній—около 40%. Если же раздробить данныя, касающіяся какой-либо губерніи, то найдутся группы крестьянъ, пострадавшихъ при освобожденіи гораздо больше. Въ Саратовской губерніи, напр., сокращеніе участковъ коснулось 182 тыс. ревизскихъ душъ (64% общаго числа помѣщичьихъ крестьянъ). При этомъ у 31 тыс. душъ отрѣзано 10—25% ихъ надѣла, у 35 тыс. душъ—25—50%, у 57 тыс. душъ 50—75%, и 59 тыс. ревизскихъ душъ потеряли при освобожденіи болѣе $^3/_4$ своей земли! Въ этой губерніи оказалось много крестьянъ, получившихъ въ даръ $^1/_4$ часть надѣла.

Но отрѣзка въ пользу помѣщиковъ земли, находившейся при крѣпостномъ правѣ во владѣніи крестьянъ, была не единственной причиной уменьшенія землепользованія освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости населенія. Другая причина ограниченія хозяйственныхъ рессурсовъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ заключалась въ лишеніи ихъ, безъ всякаго вознагражденія, права пользованія тѣми угодьями владѣльцевъ, которыя не состояли въ надѣлѣ крестьянъ. Однимъ изъ такихъ угодій были лѣса, доставлявшіе крѣпостнымъ крестьянамъ топливо и матеріалъ для ремонта жилищъ. Но, кромѣ лѣсовъ, крестьяне пользовались еще правомъ выгонять свой скотъ на владѣльческія пастбища. Лишеніе этихъ правъ было особенно чувствительно для крестьянъ нечерноземныхъ губерній, богатыхъ и лѣсами, и пастбищами. Поэтому, немалый хозяйственный ущербъ освобожденіе нанесло и крестьянамъ нечерноземной полосы, несмотря на то, что угодья, находившіяся въ ихъ единственномъ владѣніи, въ большинствѣ случаевъ, не потерпѣли при этомъ существеннаго сокращенія.

Изъ сказаннаго выше читатель можетъ заключить, какъ различно переустройство быта крестьянъ должно было отразиться на государственныхъ и владѣльческихъ крестьянахъ (удѣльныхъ кре

стьянъ, за ихъ малочисленностью, мы оставляемъ въ сторонѣ), а также на владѣльческихъ крестьянахъ коренной Россіи и западныхъ губерній. Государственнымъ крестьянамъ въ общемъ были оставлены ихъ старые надѣлы; сельскохозяйственныя угодья, находившіяся внѣ надѣльной земли, продолжали сдаваться въ аренду на прежнихъ основаніяхъ. Только право пользованія крестьянъ казенными лѣсами потерпѣло послѣ реформы нѣкоторыя ограниченія. Помѣщичьи крестьяне западныхъ губерній получили при освобожденіи больше земли, чѣмъ они имѣли ея въ крѣпостномъ состояніи, и тотчасъ же были переведены на выкупъ, что связано было съ уменьшеніемъ платежей за землю. Въ иномъ положеніи оказались помѣщичьи крестьяне остальныхъ, преимущественно черноземныхъ губерній. Ихъ хозяйственное состояніе не могло не пошатнуться по причинѣ и сокращенія участковъ, находившихся въ ихъ единственномъ владѣніи, и лишенія ихъ права пользованія лѣсными и пастбищными угодьями ихъ бывшихъ владѣльцевъ.

Чтобы наглядно показать, какъ различны были хозяйственные рессурсы государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ послѣ перехода ихъ въ свободное состояніе, достаточно сравнить средніе душевые надѣлы тѣхъ и другихъ. Въ общемъ для Европейской Россіи средній надѣлъ на ревизскую душу мужского пола государственныхъ крестьянъ равняется 6,5 дес., а помѣщичьихъ— 3,4 дес., или почти вдвое менѣе. Принимая во вниманіе, что государственные крестьяне обрабатывалм земли собственнымъ трудомъ, и что, не довольствуясь надѣльной землей, они прибѣгали къ арендѣ казенныхъ оброчныхъ статей, можно безъ преувеличенія утверждать, что, въ среднемъ, надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ были тотчасъ послѣ освобожденія недостаточны для занятія даже половины всѣхъ ихъ рабочихъ силъ. Правильность такого заключенія подтверждается и соображеніемъ о томъ, что надѣлы крѣпостнымъ крестьянамъ отводились въ разсчетѣ на то, что половину своего рабочаго времени они будутъ отдавать владѣльцу. Площадь этого надѣла соотвѣтствовала поэтому половинѣ рабочихъ силъ крестьянской семьи. А такъ какъ при освобожденіи землепользованіе крестьянъ тѣмъ или инымъ путемъ было ограничено, то оставшейся въ ихъ владѣніи земли было, очевидно, недостаточно для того, чтобы занять даже половину рабочихъ силъ крестьянскихъ семей.

Но недостатокъ поземельнаго устройства бывшихъ помѣщичьихъ

крестьянъ заключался не только въ томъ, что крестьяне получили слишкомъ мало земли. Отведенные имъ надѣлы были, кромѣ того, лишены основного условія для самостоятельности хозяйства: правильной пропорціональности отдѣльныхъ, составляющихъ ихъ угодій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, при выходѣ на волю, у крестьянина, по закону, долженъ былъ уменьшиться надѣлъ, отрѣзкѣ подлежали преимущественно сѣнокосныя и пастбищныя угодья. Такимъ образомъ, усадебную и пахотную землю крестьяне въ большинствѣ случаевъ получили въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ; что же касается пастбищъ и сѣнокосовъ, т.-е. угодій, служащихъ для корма скота, то въ большинствѣ случаевъ площадь ихъ была ограничена. Вслѣдствіе этого крестьяне не могли прокормить на своемъ надѣлѣ того количества скота, какимъ они владѣли при крѣпостномъ правѣ; для прокорма этого скота имъ нужно было такъ или иначе выцарапать отъ владѣльцевъ свои утраченныя угодья.

Съ первыхъ же шаговъ свободнаго состоянія освобожденные отъ юридической зависимости крестьяне оказались, такимъ образомъ, въ хозяйственной зависимости отъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Крѣпостныя отношенія, слѣдовательно, не были совершенно ликвидированы; они продолжали существовать и принимали новыя формы въ сферѣ поземельныхъ отношеній и выросшихъ на нихъ явленій закабаленія крестьянина. Крестьяне нуждались въ помѣщичьихъ земляхъ не для того только, чтобы расширить свои запашки. Въ рукахъ владѣльца очутилась органическая часть крестьянскаго участка, одно изъ угодій, безъ котораго крестьянинъ не могъ сохранить запашки даже въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она у него имѣлась въ крѣпостномъ состояніи. Крестьянинъ долженъ былъ возвратить назадъ эту часть своего участка, и такъ какъ у него не было средствъ пріобрѣсть ее въ собственность, то ему оставалось нанимать ее на время и находиться, такимъ образомъ, въ постоянной зависимости отъ чужого владѣнія.

По мѣрѣ размноженія земледѣльческаго населенія нужда крестьянъ въ землѣ увеличивалась; удовлетворить эту нужду путемъ пріобрѣтенія земли въ собственность удавалось немногимъ; большей же части населенія приходилось пополнять недостатокъ своей земли арендой земель частновладѣльческихъ. Зависимость мелкаго хозяйства отъ крупнаго землевладѣнія сдѣлалась вслѣдствіе этого болѣе

выраженной и болѣе тяжелой, потому что съ теченіемъ времени приходилось платить за нужную землю болѣе высокія цѣны. И такъ какъ число крестьянъ-конкурентовъ на помѣщичьи земли постоянно возростало, то всякій земледѣлецъ, арендующій 2—3 десятины частновладѣльческихъ угодій сегодня и, благодаря этой, хотя и крайне тяжелой, арендѣ, сохраняющій тѣнь хозяйственной самостоятельности, не увѣренъ въ томъ, что ему удастся удержать аренду завтра, а лишаясь чужого угодья, онъ рискуетъ утратить и положеніе самостоятельнаго хозяина, потому что собственнаго его участка сплошь-и-рядомъ недостаточно для содержанія лошади, безъ которой нѣтъ и хозяйства. Благодаря краткосрочности заключаемыхъ крестьянами сдѣлокъ по арендѣ помѣщичьихъ земель, опасность утраты арендуемой земли, которая для многихъ крестьянъ равносильна потерѣ хозяйственной самостоятельности, грозитъ мелкому земледѣльцу ежегодно.

Таково современное положеніе половины крестьянскаго населенія Россіи. Не удивительно, если, получивъ возможность высказаться о своихъ нуждахъ, крестьянство первымъ дѣломъ выдвинуло для немедленнаго разрѣшенія аграрный вопросъ.

XI. Общій характеръ хозяйственной эволюціи Россіи.

Реформы шестидесятыхъ годовъ положили грань между старой и новой Россіей. Въ экономической сферѣ это выразилось не только упраздненіемъ подневольнаго труда, но и быстрымъ развитіемъ тѣхъ хозяйственныхъ отношеній, сѣмена которыхъ заложены были ранѣе. До-реформенный строй имѣлъ, какъ намъ извѣстно, полунатуральный характеръ. Съ первыхъ же шаговъ новаго состоянія рѣзко обозначилась тенденція къ распространенію мѣновыхъ или денежныхъ отношеній.

Денежные обороты должны были усилиться уже потому, что, съ упраздненіемъ крѣпостного права, тѣ хозяйственныя отношенія, которыя раньше носили натуральный характеръ, теперь должны были пріобрѣтать характеръ денежный. Лишившись дарового труда, помѣщики для обработки своихъ земель должны были прибѣгать къ труду вольнонаемному, а для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей покупать такіе предметы, которые въ прежнее время производились крѣпостными ремесленниками изъ домашняго или покупного матеріала. Крестьяне (огромное большинство которыхъ со-

стояло на барщинѣ), вмѣсто отбыванія повинности владѣльцу трудомъ, обязаны были денежнымъ въ его пользу оброкомъ (въ суммѣ отъ 7 до 12 рублей съ ревизской души) или выкупнымъ платежомъ (на 20% ниже оброка). Денежные расходы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ возросли еще вслѣдствіе того, что имъ предстояло пріобрѣтать на деньги лѣсъ для отопленія и ремонта своихъ жилищъ, и что они лишены были права на пособіе со стороны владѣльца въ несчастныхъ случаяхъ (пожаръ, падежъ скотины, болѣзнь кормильца семьи и т. п.), которые такъ часто посѣщаютъ русскую деревню, что потеряли характеръ случайности.

Нужда крестьянина въ деньгахъ возросла затѣмъ еще болѣе потому, что преобразованіе всѣхъ сторонъ нашего общественнаго быта потребовало крупныхъ расходовъ, покрывавшихся земскими, мірскими и прямыми и косвенными государственными налогами, взыскивавшимися съ русскаго земледѣльца. О ростѣ этого бремени можно до извѣстной степени судить по даннымъ о нашемъ государственномъ бюджетѣ въ различные моменты по-реформеннаго періода.

Вскорѣ послѣ реформы, а именно въ 1867 г., государство получало доходовъ всего 430 милл. руб. (не считая выкупныхъ платежей и дохода отъ желѣзныхъ дорогъ); черезъ 10 лѣтъ эта сумма уже поднялась въ $1^1/_2$ раза и составила 650 милл. руб.; въ 1890 г. она увеличилась до 820 милл., а въ 1900 г. составляла уже около 1 милл. 300 тыс. рублей. Къ 1903 г. государственные доходы поднялись еще на 200 милл. рублей. Изъ сказаннаго читатель можетъ усмотрѣть, что требованія денежныхъ средствъ, предъявляемыя государствомъ населенію, возросли послѣ реформы почти въ четыре раза. Эти денежныя средства нужно было такъ или иначе добыть, нужно было выручить путемъ продажи народныхъ произведеній или народнаго труда.

Почувствовавъ новую нужду въ деньгахъ, испытывая недостатокъ земли и получивъ нѣкоторую свободу передвиженія, крестьянинъ сталъ больше прежняго искать посторонніхъ заработковъ и началъ переполнять города и промышленные центры. Вслѣдствіе этого сильно увеличилось предложеніе наемнаго труда, и крупныя промышленныя предпріятія перестали испытывать недостатокъ рабочихъ рукъ для расширенія своихъ фабрикъ и заводовъ, для разработки минеральныхъ богатствъ, для вырубки лѣса и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ увеличился и спросъ рынка на различные продукты про-

мышленности. Спросъ этотъ увеличился прежде всего потому, что съ приливомъ населенія въ города и промышленные центры здѣсь нужно было строить новыя помѣщенія и приготовлять для нихъ различные строительные матеріалы. Въ томъ же направленіи вліяло оживившееся послѣ реформы сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Въ теченіе перваго десятилѣтія послѣ крестьянской реформы у насъ было сооружено 7 тыс. верстъ желѣзныхъ дорогъ, во второе десятилѣтіе — 12 тыс. верстъ, въ третье — 6 тыс. верстъ и въ четвертое — въ Европейской Россіи болѣе 20 тыс. верстъ, а во всей Имперіи ок. 30 тыс. верстъ.

Усиленная строительная дѣятельность создавала спросъ на строительные матеріалы и на рабочія руки, а рабочіе, занятые въ этихъ отрасляхъ, покупали для личнаго потребленія преимущественно не кустарныя, а болѣе дешевыя, изящныя и входившія въ моду произведенія фабрикъ и заводовъ. Такимъ образомъ, въ городахъ увеличивался спросъ на фабричныя издѣлія, служащія для общаго потребленія. А по мѣрѣ распространенія сѣти желѣзныхъ дорогъ облегчалась доставка фабрикатовъ въ села и деревни, и здѣсь они стали успѣшно конкурировать съ продуктами мѣстной кустарной промышленности и вытѣснять домашнія издѣлія. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ къ портамъ и къ сухопутной границѣ, значительно удешевивъ перевозку громоздкихъ товаровъ, вызвало сильное развитіе экспорта хлѣба, лѣса, льна, пеньки и т. п.; крестьяне накинулись поэтому на землю, усилили добываніе сырыхъ сельскохозяйственныхъ произведеній, а купцы набросились на лѣса, вырубали ихъ и частью отправляли за границу, частью поставляли въ города и промышленные центры для построекъ новыхъ зданій, фабрикъ, заводовъ, для отопленія жилищъ, фабрикъ, для потребленія желѣзныхъ дорогъ и т. п.

Вывозъ главнѣйшихъ нашихъ произведеній возросталъ слѣдующимъ образомъ. Передъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ Россія отправляла за границу 70 милл. пудовъ четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ (пшеница, рожь, ячмень, овесъ) въ годъ. Въ первое десятилѣтіе послѣ реформы эти хлѣба вывозились уже въ количествѣ въ среднемъ 100 милл. пуд. въ годъ; во второе десятилѣтіе вывозъ составлялъ 220 милл. пуд., въ третье — 320 милл. пуд. и въ періодъ 1891—1900 гг.—415 милл. пуд., а въ послѣднія пять лѣтъ—500 милл. пуд. въ годъ. Вывозъ изъ Россіи хлѣбовъ до

самаго послѣдняго времени продолжаетъ, такимъ образомъ, увеличиваться, и въ настоящій моментъ количество вывозимаго зерна въ 7—8 разъ превышаетъ вывозъ его наканунѣ реформы. Слѣдующее за хлѣбами мѣсто по суммѣ доставляемаго странѣ дохода занимаетъ экспортъ льна, пеньки, льняной и пеньковой пакли. Въ теченіе первыхъ трехъ десятилѣтій послѣ крестьянской реформы вывозъ этихъ продуктовъ нашего сельскаго хозяйства также увеличивался, хотя и не столь быстро, какъ экспортъ хлѣбовъ. Во вторую половину 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія мы отправляли за границу въ среднемъ 8 милліоновъ пуд. въ годъ названныхъ матеріаловъ, а въ 80-хъ годахъ—16 милліоновъ пуд. Въ послѣдующее время экспортъ льняныхъ и пеньковыхъ матеріаловъ колеблется около 16—17 милліоновъ пуд. въ годъ. Развитіе экспорта третьяго нашего растительнаго матеріала — лѣса — задерживалось обложеніемъ его вывозной пошлиной, и экспортъ его сталъ быстро расти послѣ того, какъ эта пошлина въ концѣ 60-хъ годовъ была отмѣнена. Въ началѣ 60-хъ годовъ лѣсныхъ матеріаловъ вывозилось изъ Россіи въ среднемъ на 7 милліоновъ руб. въ годъ; въ 70-хъ г. ихъ вывозили уже на 18 милліоновъ рублей въ годъ, въ 80-хъ гг. на 36 милліоновъ руб., въ 90-хъ гг. на 50 милліоновъ руб. въ годъ и въ послѣднее пятилѣтіе—на 66 милліоновъ руб. въ годъ. Въ послѣднее время, однако, цѣнность вывоза лѣса поднялась, главнымъ образомъ, вслѣдствіе увеличенія цѣнъ на лѣсные товары.

Нужда въ землѣ крестьянъ, развитіе экспорта земледѣльческихъ и лѣсныхъ продуктовъ, вмѣстѣ съ возвышеніемъ спроса на нихъ со стороны увеличивающагося городского и промышленнаго населенія, повели къ распространенію денежныхъ оборотовъ и на сферу позе-мельныхъ отношеній. Крестьяне стали нанимать тѣ земли бывшихъ владѣльцевъ, которыя въ крѣпостныя времена находились въ ихъ пользованіи, или которыя они тогда обрабатывали въ пользу владѣльцевъ барщиннымъ трудомъ. Беззастѣнчивые эксплуататоры, видя нужду крестьянъ въ землѣ, старались пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія, особенно выгодныя въ смыслѣ возможности эксплуатаціи крестьянъ. Другая категорія капиталистовъ набросилась на помѣщичьи владѣнія, ради наживы путемъ сельскохозяйственной дѣятельности и лѣсныхъ операцій. Помѣщичьи имѣнія поступали, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, въ пользованіе капиталистовъ путемъ аренды или покупки. О размѣрахъ вовлеченія земли въ товарный

оборотъ купли-продажи можно судить по тому, что въ первое десятилѣтіе послѣ реформы ежегодно продавалось и покупалось въ среднемъ около 2 милл. дес., во второе десятилѣтіе—около $3^1/_2$ милл. дес., въ третье—2,8 милл. дес. и въ пятилѣтіе 1893—97 гг.—около 3,2 милл. дес. въ годъ.

Какимъ образомъ этотъ процессъ быстраго разрушенія натуральнаго хозяйства и замѣщенія его хозяйствомъ денежнымъ отражался на положеніи земледѣльца?

Самымъ общимъ и важнымъ результатомъ развитія денежнаго хозяйства и крупной промышленности было лишеніе крестьянина подсобныхъ занятій къ его главному промыслу.

Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ повело къ уничтоженію дальняго извоза, составлявшаго важный источникъ дохода многихъ земледѣльческихъ районовъ; распространеніе дешевыхъ фабрикатовъ упразднило кустарные промыслы и домашнее изготовленіе предметовъ крестьянскаго потребленія. Насколько имѣло мѣсто сокращеніе этихъ заработковъ, настолько крестьянинъ лишался денежныхъ и натуральныхъ неземледѣльческихъ доходовъ, и увеличивалось вмѣстѣ съ тѣмъ число предметовъ потребленія, которые крестьянинъ долженъ былъ покупать на деньги. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ личныхъ денежныхъ расходовъ крестьянина, связанныхъ съ уничтоженіемъ домашнихъ промысловъ, таковые росли еще вслѣдствіе перемѣнъ бытового характера, вслѣдствіе распространенія въ крестьянской средѣ потребленія чая, сахара, керосина и другихъ продуктовъ, которые можно пріобрѣсть только на деньги.

Правда, на ряду съ возрастаніемъ денежныхъ расходовъ земледѣльца увеличивался и спросъ на продукты его хозяйственной дѣятельности какъ для потребленія растущаго городского населенія, такъ и для вывоза за границу. Производство для этого спроса могло бы покрыть недочеты отъ сокращенія подсобныхъ заработковъ и дать средства для удовлетворенія новыхъ потребностей земледѣльца, если бы въ соотвѣтствіи съ утратою имъ промышленныхъ заработковъ расширялось его земледѣльческое хозяйство. Но дабы расширеніе хозяйства происходило въ размѣрахъ, обезпечивающихъ земледѣльцу доходы, достаточные для покрытія его старыхъ и новыхъ нуждъ, нужно было осуществленіе двухъ условій. Первое условіе: такой отливъ населенія изъ деревень въ города, чтобы оставшіеся на мѣстахъ могли увеличить свои земельные участки

до размѣровъ, допускающихъ примѣненіе въ хозяйствѣ всѣхъ ихъ рабочихъ силъ; второе условіе — такое измѣненіе спроса рынка на сельскохозяйственные продукты, чтобы земледѣльцы могли перейти отъ экстенсивнаго зернового хозяйства къ интенсивному животноводству и находили примѣненіе въ земледѣліи своихъ силъ не только въ лѣтнемъ, но и въ зимнемъ полугодіи. Но у насъ не случилось ни того, ни другого.

Несмотря на всѣ мѣры правительства для развитія крупной промышленности: несмотря на то, что правительство оградило внутренній рынокъ отъ конкурренціи иностранныхъ фабрикатовъ высокими таможенными пошлинами; что оно сооружало нужныя и ненужныя желѣзныя дороги съ цѣлью давать доходы промышленникамъ и распространять ихъ издѣлія въ самые глухіе уголки Россіи; что оно покровительствовало открытію коммерческихъ банковъ и развитію спекуляціи, привлекало изъ-за границы капиталы и бросало въ промышленныя дѣла казенныя деньги, выжимаемыя съ массы населенія, — наша промышленность развивалась сравнительно медленно и не привела къ образованію многочисленнаго промышленнаго класса, какъ это было въ передовыхъ государствахъ Западной Европы. Такъ, за время, обнимающее самый цвѣтущій періодъ нашей индустріи — 1890 — 1900 гг., — число рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и копяхъ возросло съ 1,4 до 2,4 милл., т.-е. увеличилось на милліонъ что соотвѣтствуетъ ежегодному возрастанію на 100 тыс. человѣкъ. Если взять въ разсчетъ приростъ рабочихъ въ другихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности, преимущественно въ торговой, перевозочной, строительной, въ черной работѣ, то можно допустить, что ежегодно привлекалось къ торговопромышленной дѣятельности не болѣе 250—300 тыс. новыхъ лицъ. Между тѣмъ, въ силу естественнаго размноженія, рабочее населеніе нашей страны увеличивается приблизительно на 750 тыс. человѣкъ ежегодно. Отливъ населенія изъ деревень далеко поэтому не достигалъ такихъ размѣровъ, чтобы мелкіе земледѣльцы не чувствовали конкурренціи вновь возникающихъ хозяйствъ.

Приведенныя данныя рисуютъ спросъ на рабочую силу капиталистической промышленности въ періодъ самаго цвѣтущаго ея состоянія, въ періодъ „невиданныхъ“, какъ у насъ выражались, успѣховъ главнѣйшихъ ея отраслей, въ періодъ, когда и сооруженіе на казенныя средства желѣзныхъ дорогъ — въ видахъ покро-

вительства той же промышленности — происходило съ небывалой у насъ энергіей. Въ предшествовавшія тридцать лѣтъ наша промышленность развивалась гораздо медленнѣе, и приростъ мелкихъ земледѣльцевъ былъ поэтому еще значительнѣе.

Причины столь незначительнаго отвлеченія къ промышленности рабочихъ силъ въ то время, когда были осуществлены элементарныя условія для широкаго промышленнаго развитія, заключаются въ томъ, что въ пореформенный періодъ у насъ наблюдалось не простое распространеніе обрабатывающей промышленности, а и преобразованіе послѣдней изъ мелкой формы въ крупную. Ремесло и кустарные промыслы, основанные на ручномъ трудѣ, замѣщались фабриками и заводами, въ которыхъ главную роль играютъ не сила мышцъ и искусство человѣческихъ рукъ, а сила пара и искусство машинъ. Вслѣдствіе того, что въ крупныхъ предпріятіяхъ главная производительная роль принадлежитъ механическимъ силамъ природы, одинъ рабочій производитъ здѣсь такое же количество продуктовъ, какое ручнымъ трудомъ приготовляется нѣсколькими лицами. Это явленія опредѣляется въ наукѣ выраженіемъ, что фабрика вытѣсняетъ рабочія руки. Парализовать это вытѣсненіе рабочихъ можно лишь быстрымъ развитіемъ потребленія фабрично-заводскихъ издѣлій. Возрастаніе потребленія этихъ издѣлій, правда, сопровождаетъ всякое развитіе крупной промышленности, потому что продукты фабрикъ дешевле ручныхъ издѣлій, и развитію промышленности обыкновенно сопутствуетъ возвышеніе заработной платы. Но этотъ ростъ внутренняго рынка далеко не соотвѣтствуетъ возрастанію производства, потому что наибольшая часть дохода отъ умножающихся фабрикъ и заводовъ поступаетъ въ руки небольшой кучки капиталистовъ, которые не имѣютъ возможности потребить достающуюся имъ долю національной продукціи и не предъявляютъ достаточнаго спроса на товары. Для широкаго развитія крупной капиталистической промышленности нужно имѣть возможность продавать ея продукты не только на внутреннемъ но и на внѣшнихъ рынкахъ. Наиболѣе промышленныя европейскія государства на завоеваніи такихъ рынковъ и основали пышный расцвѣтъ своего капитализма. Россія не можетъ отбить у нихъ этихъ рынковъ и, какъ мы видѣли, вывозитъ за границу ничтожное количество фабрикатовъ. Въ границахъ же внутренняго спроса на ея продукты наша промышленность не въ состояніи получить такого развитія,

чтобы привлечь къ себѣ весь приростъ населенія, какъ это наблюдается, напримѣръ, въ Германіи.

Играя, какъ видимъ, далеко недостаточную роль въ качествѣ источника поглощенія рабочей силы, капиталистическая промышленность является, вмѣстѣ съ тѣмъ, могущественнымъ средствомъ уничтоженія старыхъ формъ промышленнаго труда, основанныхъ на соединеніи его съ трудомъ земледѣльческимъ. Вслѣдствіе этого земледѣльческое населеніе болѣе и болѣе утрачиваетъ подсобные заработки, и дѣло дошло, наконецъ, до того, что 70-милліонное земледѣльческое населеніе Европейской Россіи, согласно переписи 1879 г., насчитываетъ въ своей средѣ всего 3 милліона мужчинъ и $1^1/_2$ милліона женщинъ, въ дополненіе къ главному своему, земледѣльческому доходу получающихъ заработки промыслового характера.

Итакъ, новѣйшее направленіе хозяйственной жизни Россіи, выражающееся преобладаніемъ крупной капиталистической организаціи промышленности, ведетъ двумя путями къ увеличенію нужды крестьянъ въ землѣ. Крупная промышленность лишаетъ земледѣльца подсобныхъ промысловыхъ заработковъ и побуждаетъ его расширять свою сельскохозяйственную дѣятельность; и она же отрѣзываетъ значительной части естественно прирастающаго населенія возможность найти приложеніе своихъ силъ на полѣ промышленной дѣятельности, вслѣдствіе чего ей приходится устраиваться въ той отрасли труда, которая доступна членамъ земледѣльческихъ семей, имѣющихъ право на надѣлъ общинной земли или на долю подворнаго семейнаго участка.

Сокращеніе подсобныхъ промысловыхъ заработковъ крестьянина требовало расширенія его земледѣльческаго хозяйства, а увеличеніе, вслѣдствіе прироста населенія, числа земледѣльцевъ грозило ограниченіемъ и того участка, который уже состоялъ въ его пользованіи. Потери, происходившія отъ столкновенія этихъ двухъ тенденцій, не были восполнены такимъ преобразованіемъ сел. хозяйства, которое допускало бы производительное примѣненіе труда земледѣльца не только лѣтомъ, но и зимою. Общій характеръ этого преобразованія долженъ заключаться въ относительномъ сокращеніи добычи зерна и расширеніи животноводства. Желательное преобразованіе сельскаго хозяйства, однако, не наступило, и наше земледѣліе продолжаетъ сохранять зерновой характеръ, совершенно не соотвѣт-

ствующій той ступени промышленнаго развитія, какой достигла страна. Этотъ характеръ нашего земледѣлія наглядно проявляется при сравненіи русскаго продуктивнаго скотоводства и западно-европейскаго.

Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи въ 1905 г. считалось 34 милліона головъ рогатаго скота, что составитъ 34 штуки на 100 жителей и 23 штуки на 100 десятинъ площади сельскохозяйственныхъ угодій. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ отношеніи этой отрасли хозяйства Россія не представляетъ рѣзкаго отличія отъ странъ съ высокимъ состояніемъ земледѣльческой культуры. Такъ, въ Германіи на 100 жителей приходится 35 головъ рогатаго скота, а во Франціи — около 40 головъ. Но для оцѣнки настоящаго значенія этихъ чиселъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что заграничный скотъ въ $1^1/_2$ раза крупнѣе русскаго, и что въ Россіи рогатый скотъ держится не только въ качествѣ продуктивнаго, но и какъ скотъ рабочій. Но и при этихъ условіяхъ оказывается, что на десятину сельскохозяйственныхъ угодій въ Россіи держится въ 2—3 раза меньше рогатаго скота, чѣмъ во Франціи и Германіи. Овецъ и козъ въ Россіи 44 милл. головъ, что составляетъ менѣе 30 штукъ на 100 десятинъ сельскохозяйственныхъ угодій; въ Германіи же приходится 50 штукъ на 100 десятинъ, а во Франціи—70 штукъ. Свиней въ Россіи 11 милл. штукъ, т.-е. 11 штукъ на 100 жителей и 8 штукъ на 100 дес. земли. Въ Германіи на 100 жителей приходится 27, а на 100 дес. 43 штуки; во Франціи на 100 жителей 20, а на 100 дес. 23 свиньи. Изъ приведенныхъ цифръ можно вывести заключеніе, что въ Россіи въ 2—3 раза меньше продуктивнаго скота, чѣмъ могло бы его прокормиться при условіяхъ французскаго или нѣмецкаго хозяйства. Это происходитъ оттого, что господствующей отраслью сельскохозяйственной дѣятельности нашего населенія является добываніе зерна.

Широкое развитіе животноводства выгодно не только по причинѣ болѣе высокой его доходности. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ и доходность зернового хозяйства. Чтобы имѣть высокіе урожаи зерна, нужно хорошо удобрять почву, а для полученія удобренія слѣдуетъ держать много скота. Незначительное количество послѣдняго въ нашемъ отечествѣ должно поэтому выражаться низкими сборами зерна сравнительно съ западно-европейскими. И, дѣйствительно, средній урожай у насъ равняется 42 пудамъ съ десятины, между тѣмъ

какъ во Франціи и Германіи онъ вдвое выше, а въ Даніи, Бельгіи и Великобританіи (странахъ съ особенно высокимъ развитіемъ скотоводства) втрое выше. Производительность земли въ нашемъ крупномъ хозяйствѣ нѣсколька выше, нежели въ крестьянскомъ: десятина крестьянскаго посѣва даетъ 40 пуд., а помѣщичьяго — 48 пудовъ зерна. Впрочемъ, отдѣльныя наши крупныя хозяйства значительно возвышаются надъ среднимъ уровнемъ. Помѣщичье хозяйство поставлено у насъ лучше крестьянскаго потому, что частный владѣлецъ свободнѣе крестьянина въ распоряженіи своей землей; что у него есть знанія, коихъ не хватаетъ крестьянину, или средства для приглашенія свѣдущаго управляющаго, равно какъ и для затратъ на усовершенствованныя орудія и на другія статьи хозяйства, способствующія поднятію производительности земли. Несмотря на это, урожаи хлѣбовъ у частныхъ владѣльцевъ лишь немного превышаютъ сборы зерна съ крестьянскихъ полей и сильно отличаются отъ урожаевъ Западной Европы. Это даетъ основаніе полагать, что условія сельскохозяйственной дѣятельности въ Россіи не благопріятствуетъ высокому состоянію производительности земли.

Первую главу настоящихъ очерковъ мы закончили замѣчаніемъ, что капиталистическая эволюція будетъ имѣть безспорные положительные съ хозяйственной точки зрѣнія результаты въ томъ случаѣ, если, на ряду съ отдѣленіемъ промысловъ отъ земледѣлія, послѣдуетъ такое преобразованіе сельскаго хозяйства, при которомъ земледѣлецъ будетъ вознагражденъ за утрату промысловыхъ заработковъ распространеніемъ сельскохозяйственныхъ занятій на зимнее полугодіе. Въ Западной Европѣ осуществилось это условіе. Въ Россіи же сохраняется та система хозяйства, которая согласована съ началомъ единенія земледѣльческой и промышленной дѣятельности и оказывается разорительной при разрушеніи этого единенія. Мелкій русскій земледѣлецъ не нашелъ въ преобразованіи хозяйства средства восполненія недочета въ своихъ доходахъ, происходящаго отъ сокращенія его зимнихъ промысловыхъ занятій и ограниченія площади обрабатываемой имъ земли. Его хозяйство обнаруживало даже тенденцію идти назадъ, а не впередъ, потому что, побуждаемый недостаткомъ земли, онъ обращалъ подъ хлѣбъ и безъ того ограниченную площадь своихъ кормовыхъ угодій и тѣмъ ставилъ предѣлъ развитію скотоводства. Не имѣя же этого средства поддержанія своихъ доходовъ на уровнѣ растущихъ затратъ, онъ былъ обреченъ на болѣе или ме-

нѣе быстрое обѣднѣніе. Пореформенная исторія нашего крестьянина — преимущественно центральной черноземной, затѣмъ восточной и, наконецъ, южной полосы, и исторія крестьянина многихъ нечерноземныхъ районовъ — есть лѣтопись борьбы земледѣльца съ неблагопріятствующими ему условіями хозяйственной эволюціи страны и постепеннаго паденія его въ этомъ непосильномъ состязаніи. А тѣ, кто еще сохраняетъ призракъ самостоятельности, достигаютъ этого тяжелыми жертвами подчиненія земельному и ростовщическому капиталамъ. Наиболѣе остро выражается этотъ разрушительный процессъ въ разрядѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Сокращеніе, вслѣдствіе размноженія населенія, надѣльнаго участка крестьянинъ стремится восполнить арендой чужихъ угодій. Бывшій помѣщичій крестьянинъ самими условіями своего освобожденія поставленъ былъ, какъ мы видѣли, въ огромную зависимость отъ землевладѣльца. Съ размноженіемъ населенія и сокращеніемъ подсобныхъ заработковъ эта зависимость увеличивалась и принимала болѣе и болѣе тягостныя формы. Растущая конкуренція крестьянъ въ погонѣ за помѣщичьей землей подняла арендныя и продажныя цѣны послѣдней выше всякихъ предѣловъ благоразумія. Ни одинъ хозяинъ-коммерсантъ не вынесъ бы подобныхъ цѣнъ, а крестьянинъ даетъ ихъ потому, что видитъ въ этомъ единственное средство сохранить сколько-нибудь обезпечивающее его занятіе. Средство это оказывается, однако, очень ненадежнымъ. Только хорошіе урожаи доставляютъ мелкому хозяину возможность расплатиться съ владѣльцемъ арендуемой имъ земли, съ банкомъ, взявшимъ подъ залогъ купленный имъ участокъ, и съ другими, лежащими на немъ обязательствами. Средній же сборъ хлѣбовъ и тѣмъ болѣе легкій недородъ обращаютъ крестьянина въ несостоятельнаго плательщика аренды, банковыхъ процентовъ или казенныхъ налоговъ, а затѣмъ ведутъ его къ голоданію.

Недостаточность заработковъ повергаетъ крестьянина въ новую зависимость: отъ ростовщика. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ для удовлетворенія тѣхъ или другихъ своихъ потребностей, крестьянинъ стремится занять ихъ тамъ или здѣсь. Этимъ пользуются окружающіе его денежные люди и безбожно эксплоатируютъ его самыми разнообразными способами. Ростовщикъ требуетъ съ крестьянина по ссудѣ 50—100% и болѣе годовыхъ. Торговецъ предметами потребленія, отпуская ихъ въ кредитъ, назначаетъ такія цѣны, какія

ему заблагоразсудится. Скупщикъ льна, пеньки, кустарныхъ издѣлій, ссужая крестьянина деньгами или матеріалами его промысла, обязываетъ продавать ему продукты его труда и даетъ за нихъ совершенно произвольную сумму. Заводчики, лѣсоторговцы, землевладѣльцы нанимаютъ крестьянъ на работы (зимою, въ концѣ года, когда крестьянамъ дозарѣзу нужны деньги, и сборщики податей особенно настоятельно требуютъ погашенія недоимокъ) за половинную цѣну, но съ выдачею крупныхъ задатковъ, которыми тотчасъ же и затыкаются наиболѣе широкія дыры въ бюджетѣ земледѣльца. Самой первой дырой, требовавшей затычки, были казенныя подати, и нерѣдко весь задатокъ крестьянина за невыгодную работу прямо передается нанимателемъ сборщику податей.

Обѣднѣніе земледѣльческаго населенія неблагопріятно отражается и на промысловымъ доходахъ той части сельскихъ хозяевъ, которые еще сохранили подсобныя занятія, равно какъ и на доходахъ кустарей, для которыхъ промыселъ служитъ главнымъ источникомъ средствъ существованія. Скудость сельскохозяйственныхъ доходовъ побуждаетъ земледѣльца всѣми силами держаться за свое подсобное занятіе, довольствоваться ничтожнѣйшими заработками, при крайнемъ расширеніи продолжительности рабочаго дня. Этими средствами онъ на время задерживаетъ совершенное уничтоженіе промысла; но, въ концѣ концовъ, кустарные промыслы одинъ за другимъ прекращаютъ свое существованіе, и хотя развитіе промышленной жизни порождаетъ новые мелкіе промыслы, но уничтоженіе таковыхъ идетъ быстрѣе, и связь земледѣлія и промышленности разрывается болѣе и болѣе. Уничтоженіе кустарныхъ промысловъ, конкурирующихъ съ крупными предпріятіями, неблагопріятно отражается и на тѣхъ ремеслахъ, которыя еще не захватываются фабриками. Земледѣльцы, лишенные фабрикой подсобнаго заработка, стремятся найти таковой въ другой области труда. Они берутся за ремесла, которымъ еще не грозитъ конкуренція крупнаго производства, переполняютъ рынки соотвѣтствующими продуктами, сбиваютъ цѣну послѣднихъ и понижаютъ такимъ образомъ заработки кустарей, давно отдающихся этому промыслу. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ жалобы на упадокъ кустарныхъ промысловъ и низкіе заработки кустарей слышатся въ послѣдніе годы со всѣхъ концовъ Россіи.

Доходы большей части уломскихъ и нижегородскихъ, напримѣръ, гвоздарей (весьма сильно пострадавшихъ благодаря конку-

ренціи машиннаго проволочнаго гвоздя) въ теченіе шести зимнихъ мѣсяцевъ колеблются между 1—2 рублями въ недѣлю; заработки ростовскаго петельщика и семеновскаго ложкаря равняются 1 р.— 1 р. 50 к., а подчасъ падаютъ до 65 к въ недѣлю; заработокъ темниковскаго бондаря и макарьевскаго рогожника составляетъ 4 р. въ мѣсяцъ, осташковскаго плетельщика сѣтей — нѣсколько коп. въ день, нижегородскаго плетельщика лаптей — 5 — 7 р. въ зиму; цѣлая семья въ тверскомъ уѣздѣ, занимающаяся приготовленіемъ папиросныхъ гильзъ, зарабатываетъ 20—25 к. въ день; домашніе ткачи бумажной матеріи въ московской губерніи вырабатываютъ 5—6 р. въ мѣсяцъ; о заработкахъ вятскихъ древодѣловъ можно судить по тому, что крашеные стулья продаются ими по 9 к. за штуку и т. д.

Изъ этихъ примѣровъ, относящихся и къ мелкимъ, и къ крупнымъ промысламъ (вязаніемъ сѣтей въ осташковскомъ уѣздѣ занято 20 тыс. рабочихъ, ткацкимъ промысломъ въ московской губ.— 35 тыс. и т. д.), видно, какими жалкими доходами готовъ довольствоваться русскій земледѣлецъ лишь бы не упустить промысловаго заработка. И это вполнѣ понятно! Доходы отъ сельскаго хозяйства, требующаго примѣненія силы земледѣльца лишь въ теченіе лѣтняго времени, не могутъ обезпечить ему сноснаго существованія. Онъ стремится поэтому пополнять ихъ какими-либо заработками въ зимнее время. Русскаго земледѣльца вы встрѣтите зимою и извозчикомъ или чернорабочимъ въ городѣ, и на станціи желѣзной дороги, и стучащимся въ фабричныя ворота, и рубящимъ лѣса, и ищущимъ служебнаго занятія. А если онъ приспособился къ какому-либо промыслу, то держится его до послѣдней возможности. Здѣсь онъ имѣетъ если и низкій, то, по крайней мѣрѣ, постоянный заработокъ, между тѣмъ какъ съ уничтоженіеем промысла ему придется каждую зиму задумываться о томъ, какимъ случайнымъ заработкомъ удастся заткнуть главнѣйшія дыры въ своемъ скромномъ бюджетѣ.

Вмѣстѣ съ упадкомъ кустарныхъ промысловъ наблюдается растущее порабощеніе кустаря капиталистомъ, являющимся къ нему прежде всего въ формѣ торговца. Торговецъ образуетъ необходимое колесо въ организаціи промысла, работающаго для отдаленныхъ рынковъ и въ особенности, если при этомъ перерабатываются привозные матеріалы. Но растущее изо дня въ день порабощеніе ку-

старя торговцемъ проистекаетъ также отъ бѣдности и малокультурности населенія, не имѣющаго средствъ ни для пріобрѣтенія запасовъ сырья, ни для расходованія на другія нужды кустаря въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ. Вслѣдствіе отсутствія въ деревняхъ дешеваго организованнаго кредита, при всякой нуждѣ въ деньгахъ кустарю приходится обращаться къ мѣстному торговцу, который соглашается оказать ему ссуду подъ условіемъ продажи ему выдѣланныхъ предметовъ. Самая ссуда состоитъ не изъ денегъ, а изъ предметовъ потребленія кустаря и перерабатываемаго имъ матеріала. Все это ставится въ счетъ кустарю по значительно возвышеннымъ цѣнамъ, а доставляемыя имъ издѣлія оцѣниваются, напротивъ того, низко. Если нужда кустаря изъ острой обратилась въ хроническую — а таковъ естественный исходъ для трудящагося при описанныхъ выше условіяхъ — и кустарь не выходитъ изъ долговъ, то образуются постоянныя зависимыя отношенія опредѣленныхъ кустарей къ опредѣленнымъ скупщикамъ. Послѣдній изъ кредитора обращается въ глазахъ перваго въ „хозяина“, на котораго онъ работаетъ, пріобрѣтая у него матеріалъ и сбывая ему издѣліе или получая просто заработанную (поштучную) плату за переработку хозяйскаго сырья.

Такимъ образомъ, въ кустарныхъ промыслахъ наблюдаются всевозможныя переходныя ступени отъ полной самостоятельности производителей, свободно пріобрѣтающихъ матеріалъ и свободно продающихъ торговцу или потребителю свои издѣлія, до полнаго порабощенія ихъ предпринимателями подъ формою домашней системы капиталистической промышленности. Послѣдняя форма организаціи кустарныхъ промысловъ развивается съ теченіемъ времени болѣе и болѣе, и одно изъ условій ея распространенія заключается въ растущемъ обѣднѣніи кустаря-земледѣльца.

Изъ того, что было говорено выше, слѣдуетъ, что характерная черта пореформенной исторіи крестьянскаго хозяйства заключалась въ ограниченіи времени производительнаго приложенія труда крестьянина и лѣтомъ, и зимою. Лѣтомъ его производительность ограничивалась вслѣдствіе сокращенія участка обрабатываемой земли; зимою онъ вынуждался на праздное существованіе по причинѣ лишенія его подсобныхъ занятій развивающимся капиталистическимъ производствомъ. Окончательнымъ результатомъ этихъ процессовъ должно быть обѣднѣніе массы земледѣльческаго населенія и низкое

состояніе производительности страны. О сокращеніи площади средняго крестьянскаго хозяйства свидѣтельствуютъ данныя повторяющихся переписей, производившихся нѣкоторыми земствами и данныя военно-конскихъ переписей, охватывающихъ всю Россію. Тѣ и другія данныя согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что число многолошадныхъ крестьянскихъ дворовъ сокращается, а число однолошадныхъ растетъ, т.-е., что крестьянское хозяйство мельчаетъ. Мы приведемъ здѣсь данныя трехъ военно-конскихъ переписей въ 23 западныхъ и центральныхъ—черноземныхъ и нечерноземныхъ губерніяхъ, въ коихъ полевыя работы выполняются исключительно лошадьми (Вихляевъ):

	% хозяйствъ						
годъ.	безъ раб. лошад.	съ 1 лош	съ 2 лош.	съ 3 лош.	съ 4—5 лош.	съ 6—10 лош.	больше 10 лош.
1888	21,53	44,18	23,15	7,28	3,57	0,53	0,03
1893—4	26,85	46,68	19,47	4,88	1,86	0,25	0,01
1899—900	28,85	47,52	17,94	4,00	1,46	0,19	0,01

Приведенныя цифры показываютъ, что въ общемъ для всего указаннаго района процентъ однолошадныхъ дворовъ при каждой слѣдующей переписи оказывается выше сравнительно съ предыдущей; а доля, приходящаяся на домохозяевъ, владѣющихъ двумя, тремя лошадьми и т. д., при каждой новой переписи сокращалась. Въ этомъ явленіи нельзя не видѣть неопровержимаго доказательства наличности у насъ процесса измельчанія крестьянскаго хозяйства и сокращенія, слѣдовательно, производительнаго примѣненія труда земледѣльца въ главномъ, а для многихъ и единственномъ, занятіи. Сокращается, вслѣдствіе развитія фабричной промышленности, и производительное примѣненіе крестьянскаго труда въ теченіе длиннаго зимняго сезона. Кромѣ множества частныхъ извѣстій объ этомъ изъ различныхъ районовъ Россіи, подтвержденіе сказаннаго мы находимъ въ томъ фактѣ, что среди 75 милліоновъ земледѣльческаго населенія Европейской Россіи перепись 1897 г. насчитала лишь 3 милл. мужчинъ и $1^1/_2$ милл. женщинъ, имѣющихъ дополнительное промысловое занятіе. Необходимымъ послѣдствіемъ этихъ процессовъ должно быть обѣднѣніе народныхъ массъ, выражающееся многими общеизвѣстными явленіями. Однимъ изъ послѣдствій народнаго обѣднѣнія служитъ накопленіе на крестьянахъ безнадежныхъ недоимокъ по прямымъ податямъ.

Недоимки эти нельзя считать результатомъ высокаго обложенія самого по себѣ. До отмѣны выкупныхъ платежей прямые налоги не составляли у насъ въ среднемъ и 2 р. на душу, тогда какъ въ Австріи они равняются 4 р., во Франціи 5 р., въ Великобританіи доходятъ до 10 рублей. Косвенные налоги, по разсчету на душу, у насъ тоже вдвое ниже. Между тѣмъ западно-европейскій плательщикъ налоговъ легко справляется съ своими обязательствами, а русскій крестьянинъ копитъ неоплатныя недоимки. Въ срединѣ 70-хъ гг., при окладѣ казенныхъ податей въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи въ 135 милл. р., недоимка составляла 29 милл. р.; въ 1875 — 80 гг. окладъ крестьянскихъ платежей поднялся на 5 милл. р., а недоимка—на 9 милл. р. Рисуемое этими цифрами обремененіе населенія податями казалось настолько высокимъ, что въ 80-хъ гг. рѣшено было приступить, наконецъ, къ отмѣнѣ давно осужденной, подушной подати, падавшей лишь на непривилегированные классы обществъ, и къ уменьшенію выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Платежи этого разряда крестьянъ, понизились послѣ преобразованія на 30 — 50%; а общая сумма прямыхъ налоговъ, лежащихъ на крестьянахъ, въ первую половину названнаго десятилѣтія понизилась до 133 милл. р., а во вторую — до ста съ небольшимъ милліоновъ рублей и не поднималась выше этой цифры въ послѣдующіе годы. Недоимки же не прекращали рости, и описанныя податныя облегченія повели лишь къ замедленію этого процесса. Составляя 38 милл. р. въ концѣ 70-хъ годовъ—недоимка къ срединѣ 80-хъ поднялась до 48 милл. р., а къ 1890 г. увеличилась всего на 3 милл. р. и составляла 51 милл. р. Неурожайные годы начала слѣдующаго десятилѣтія быстро стерли, однако, всѣ слѣды недавняго облегченія податной тяготы и къ срединѣ его недоимка удвоилась, а черезъ 5 лѣтъ увеличилась еще на $^1/_3$ часть. Въ 1900 г. за крестьянами числилось 120 милл. р. неуплаченныхъ податей, что было на 20% выше годового оклада послѣднихъ. Нынѣшній голодъ имѣлъ бы, конечно, послѣдствіемъ новый быстрый скачекъ недоимочности крестьянскаго населенія, если бы совершающаяся нынѣ революція не повела къ отмѣнѣ и старыхъ недоимокъ, и тѣхъ платежей (выкупныхъ), которые, очевидно, были не по силамъ разорящемуся народу.

Недоимку прямыхъ податей, какъ и слѣдовало ожидать, конятъ, преимущественно, земледѣльческіе районы. Тогда какъ въ

среднемъ для Россіи недоимка въ 1900 г. превышала, какъ мы видѣли, на 20% окладъ податей—въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ она была въ 2—2½ раза, а въ средне-волжскихъ и восточныхъ степныхъ—въ 3—4 раза выше оклада.

Рисуемое приведенными цифрами обѣднѣніе земледѣльческаго населенія,—вмѣстѣ съ тѣмъ, что намъ извѣстно относительно общаго строя крестьянскаго хозяйства,—не могло не отразиться на состояніи главнаго его промысла. Развитіе денежнаго хозяйства, уничтоженіе домашнихъ промысловъ и подсобныхъ неземледѣльческихъ заработковъ приводило къ тому, что крестьянинъ больше и больше ограничивался въ производительной дѣятельности областью сельскаго хозяйства и въ продажѣ продуктовъ земледѣлія долженъ былъ искать главнаго источника денежныхъ средствъ для пріобрѣтенія предметовъ потребленія своей семьи, для оплаты растущихъ государственныхъ и мѣстныхъ налоговъ, для расплаты съ ростовщиками и собственниками арендуемыхъ имъ земель и т. п. Но внутренній рынокъ для продуктовъ сел. хозяйствъ расширялся медленнѣе того, какъ росла нужда въ деньгахъ земледѣльческаго населенія; крестьянину оставалось, поэтому, искать дополнительнаго сбыта своихъ произведеній на рынки внѣшніе. Но послѣдніе охотно принимали только наше зерно, и вывозъ послѣдняго достигъ такихъ размѣровъ (до 600 милл. пуд.), что мы могли бы прокармливать имъ ок. 30 милліоновъ лицъ. Производство зерна сдѣлалось поэтому почти исключительной задачей средняго русскаго земледѣльца, и подъ посѣвъ хлѣбовъ пошли многія угодья, состоявшія ранѣе подъ кормами для скота и подъ другими культурами. Въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, напр., 75—80% площади всего посѣва принадлежитъ всего двумъ хлѣбамъ — ржи и овсу, а въ южныхъ степныхъ — пшеницѣ и ячменю. Въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи развивался такимъ образомъ процессъ, совершенно противоположный требованію раціональнаго земледѣлія, характеризующагося разнообразіемъ культуръ.

При односторонней культурѣ немногихъ опредѣленныхъ растеній нельзя использовать всѣхъ производительныхъ средствъ почвы; земля, лишаемая изъ года въ годъ однихъ и тѣхъ же составныхъ своихъ частей, истощается скорѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда при чередованіи растеній у нея требуются то однѣ, то другія ея части; господство однородныхъ посѣвовъ подвергаетъ поля

опасности сплошныхъ неурожаевъ при неблагопріятномъ стеченіи атмосферныхъ условій, столь обычномъ въ нашемъ континентальномъ климатѣ. Неурожаи теряютъ, вслѣдствіе этого, характеръ случайности; они входятъ какъ-бы составной частью въ организацію нашего земледѣлія. По разсчету А. Ф. Фортунатова относительно 50 губерній Европейской Россіи, въ теченіе десятилѣтія 1896—1905 гг. въ шести губерніяхъ черноземной полосы было по 5 неурожаевъ овса или ржи, въ шести губерніяхъ—по 6 неурожаевъ, въ трехъ губерніяхъ—по 7 и въ Симбирской губ. 8 неурожаевъ ржи или овса. Эти числа увеличились бы вѣроятно въ $1^1/_2$ раза, еслибы разсчеты обняли и пшеничное зерно, и тогда мы могли бы сказать, что 16 губерній восточной половины Россіи, въ среднемъ, ежегодно испытываютъ неурожай то одного, то другого хлѣба. Разсчеты не обнимаютъ времени нашихъ самыхъ грандіозныхъ неурожаевъ: 1891—92 и текущаго года. Эти неурожаи—когда истощенныя поля отказываются что-либо давать человѣку—служатъ истинно варварскимъ средствомъ противодѣйствія безпрерывному истощенію производительныхъ силъ почвы, незнающей достаточнаго отдыха отъ посѣвовъ и не получающей достаточнаго удобренія: природа сама насильственно устраиваетъ такой отдыхъ. Частые и широко распространяющіеся неурожаи являются, какъ видитъ читатель, прямымъ послѣдствіемъ совершающагося у насъ процесса превращенія натуральнаго хозяйства въ денежное и народнаго производства въ капиталистическое, не считающагося съ внѣшними и внутренниаи условіями хозяйственной эволюціи. Полунищенское же населеніе, лишенное всякихъ запасовъ, оказывается все менѣе и менѣе способнымъ бороться съ подобными бѣдствіями и обрекается на голоданіе даже при незначительныхъ недоборахъ хлѣбовъ. Подобныя голодовки встрѣчаются еще въ одной цивилизующейся по-европейски націи, Индіи, новѣйшая экономическая эволюція которой сходна съ нашей: и въ ней сельское населеніе лишается подсобныхъ промысловыхъ заработковъ и вынуждено тѣсниться на землѣ.

Водвореніе порядковъ, приведшихъ къ такимъ результатамъ, гибельно не только для земледѣльческаго класса. Непроизводительная растрата труда, какъ слѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, не можетъ не отражаться на матеріальномъ состояніи цѣлой страны. Попробуемъ выразить примѣрно эту растрату для 50 губерній Европейской Россіи.

Изъ 46 милліоновъ мужского населенія 50 губерній Европейской Россіи, во всѣхъ сферахъ физическаго труда, кромѣ земледѣлія, находятъ себѣ занятіе, согласно переписи, 5,5 милліоновъ душъ; изъ нихъ въ добывающей и обрабатывающей промышленности, вмѣстѣ со строительнымъ дѣломъ, занято менѣе 3,5 милліоновъ человѣкъ, въ торговлѣ и перевозочной дѣятельности—около 1,5 милліоновъ, поденной и черной работой—0,5 милліоновъ. Занято частной, общественной и правительственной службой, свободными профессіями и другими видами непроизводительнаго труда (а также живутъ на счетъ своихъ капиталовъ, находятся въ заключеніи и т. д.)—всего около 2,5 милліоновъ мужчинъ. Принимая во вниманіе, что въ производительномъ возрастѣ (15 и болѣе лѣтъ) въ Европейской Россіи находится 28 милліоновъ мужчинъ, мы можемъ сказать, что собственно индустрія (крупная и мелкая), вмѣстѣ со строительнымъ дѣломъ, привлекаетъ 12% производительнаго мужского населенія, перевозочная и торговая дѣятельность—5%, а всѣ виды физическаго труда (кромѣ земледѣлія и услуженія) даютъ занятіе $^1/_5$ части взрослаго мужского населенія. Въ службѣ и другихъ аналогичныхъ занятіяхъ насчитывается около 9% мужского населенія. Всѣ поэтому виды занятій, кромѣ сельскаго хозяйства, предъявляютъ спросъ менѣе, чѣмъ на 30% мужчинъ, находящихся въ производительномъ возрастѣ. Женщины участвуютъ въ занятіяхъ внѣ домашняго хозяйства гораздо менѣе. Изъ 48 милліоновъ лицъ женскаго пола въ Европейской Россіи въ производительномъ возрастѣ находятся 30 милліоновъ, и изъ нихъ какое-либо занятіе (не считая земледѣлія) имѣютъ менѣе 3,5 милліоновъ душъ, или около 12% общаго числа. Въ виду слабаго участія женщинъ въ различныхъ отдѣлахъ труда, въ послѣдующемъ мы будемъ имѣть дѣло лишь съ мужскимъ населеніемъ Европейской Россіи.

Мы видѣли, что во всѣхъ видахъ физическаго труда, кромѣ земледѣлія и службы, въ Россіи принимаетъ участіе 5,5 милліоновъ мужчинъ. Чтобы судить, насколько этимъ выражаются успѣхи въ дѣлѣ привлеченія рабочихъ къ наиболѣе производительному труду, мы сравнимъ Россію съ двумя западно-европейскими государствами.

Пять милліоновъ рабочихъ, занятыхъ у насъ внѣ земледѣлія, поденной и черной работы, составляютъ 11% всего мужского населенія, а 3,5 милліоновъ, участвующихъ собственно въ произво-

дительной дѣятельности, составляютъ менѣе 8%. Въ Германіи промышленность и торговля обнимаютъ 8,5 милліоновъ рабочихъ, или 33% всѣхъ лицъ мужского пола, а собственно производительная дѣятельность—6,8 милліоновъ рабочихъ, или 26%. Въ Англіи и Уэльсѣ, при 16-милліонномъ населеніи мужского пола, въ торгово-промышленной дѣятельности принимаетъ участіе 8 милліоновъ рабочихъ, или цѣлая половина лицъ мужского пола, въ томъ числѣ 5,5 милліоновъ, т.-е. 35%, участвуютъ собственно въ производительныхъ занятіяхъ. Мы видимъ, какими жалкими представляются промышленныя производительныя силы Россіи сравнительно съ другими цивилизованными государствами. Даже абсолютное число лицъ, участвующихъ въ торгово-промышленной дѣятельности въ Россіи, — по численности населенія въ два раза превосходящей Германію и въ три раза Англію — далеко не достигаетъ тѣхъ цифръ, какими характеризуются эти послѣднія страны; относительно же, въ Россіи къ этой дѣятельности привлекается въ три раза меньше рабочихъ (11%), чѣмъ въ Германіи (33%), и въ $4^1/_2$ раза менѣе, чѣмъ въ Англіи (50%). Тѣ же приблизительно отношенія между странами наблюдаются и въ области производительнаго труда въ узкомъ смыслѣ этого слова. Въ Россіи въ индустріи занято около 8% мужского населенія, тогда какъ въ Германіи 26%, а въ Англіи — 35%.

Разнообразныя отрасли дѣятельности, кромѣ земледѣльческой, привлекаютъ въ Европейской Россіи 8 милл. мужчинъ; свободными отъ всѣхъ такихъ занятій и могущими найти себѣ нѣкоторое обезпеченіе только въ сельскомъ хозяйствѣ, оказывается 20 милл. человѣкъ. Какое, дѣйствительно, число мужчинъ занимается этимъ промысломъ, сказать невозможно, потому что перепись отмѣчала только хозяевъ земледѣльческихъ семей, а не всѣхъ лицъ, прилагающихъ къ землѣ свои труды. Съ нашей точки зрѣнія, впрочемъ, наиболѣе важнымъ представляется не вопросъ о числѣ лицъ, занятыхъ земледѣліемъ, потому что, по нашимъ экономическимъ и хозяйственнымъ условіямъ,—при одной и той же затратѣ въ этой отрасли рабочей энергіи,—земледѣліе можетъ дать занятіе большему и меньшему числу лицъ. Намъ интересно отвѣтить на вопросъ, сколько рабочей энергіи затрачивается въ этомъ промыслѣ, какое число рабочихъ *требуется* для воздѣлыванія земли. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ вычисленіемъ.

Въ Европейской Россіи ежегодно засѣвается 70 милліоновъ десятинъ земли. Судя по многочисленнымъ опредѣленіямъ производительной нормы мелкаго землевладѣнія, можно полагать, что, въ среднемъ для Россіи, одинъ рабочій мужчина, при помощи женщинъ своей семьи, въ состояніи справиться съ посѣвомъ въ 6 десятинъ. Въ такомъ случаѣ для воздѣлыванія всей культурной площади Европейской Россіи требуется менѣе 12 милліоновъ взрослыхъ мужчинъ. Въ этомъ разсчетѣ мужчина принимается въ расцвѣтѣ силъ, т.-е., приблизительно, въ возрастѣ 17—60 лѣтъ, и чтобы использовать для нашей цѣли выведенное заключеніе о числѣ рабочихъ, требующихся въ сельскомъ хозяйствѣ, мы должны и въ другихъ занятіяхъ принимать въ разсчетъ только старшихъ мужчинъ. Согласно тому распредѣленію по возрастамъ, какое приводится въ Сводѣ данныхъ первой всероссійской переписи для занятій по всей Россійской имперіи, можно полагать, что въ Европейской Россіи въ торгово-промышленной дѣятельности принимаетъ участіе круглымъ числомъ около 5 милл., а въ службѣ и т. п.—около 2-хъ милл. мужчинъ старшаго возраста. А такъ какъ всѣхъ мужчинъ въ этихъ возрастахъ въ Европейской Россіи насчитывается около 24 милліоновъ, то затрата и непроизводительная растрата потенціальной рабочей энергіи можетъ быть, приблизительно, выражена слѣдующимъ образомъ. Въ сел. хозяйствѣ требуется 12 милл. мужчинъ или $50^0/_0$; въ промышленности и торговлѣ занято 5 милл. или $20{,}8^0/_0$; непроизводительному труду отдаютъ силы 2 милл. человѣка или $8{,}4^0/_0$, и неиспользованная энергія выражается силою 5 милл. мужчинъ, т.-е. $20{,}8^0/_0$. Это значитъ, что сельское хозяйство Европейской Россіи *требуетъ* участія въ земледѣльческихъ операціяхъ половины производительныхъ силъ страны; на всѣ отрасли торгово-промышленной дѣятельности *затрачивается* $^1/_5$ часть этихъ силъ; служба и другіе виды дѣятельности, не имѣющіе производительнаго характера, привлекаютъ $^1/_{12}$ общаго запаса этихъ силъ, а $^1/_5$ часть національной рабочей энергіи остается безъ производительнаго и какого-либо другого полезнаго примѣненія. Приведенные разсчеты могутъ возбудить сомнѣніе читателей въ части, касающейся рабочей силы, не получившей никакого примѣненія. Чѣмъ живетъ этотъ людъ—спроситъ читатель, и можно ли допустить мысль, что 5 милліоновъ здоровыхъ мужчинъ будутъ голодать сами, видѣть голодающими свои семьи и спокойно переносить то и другое, не пося-

гая — не будемъ говорить о чужой собственности — на самое существованіе общества? Вѣдь передъ нами не запасные батальоны рабочихъ, предназначенные, согласно извѣстному ученію, для пополненія дѣйствующихъ кадровъ въ моментъ оживленія промышленности, и выталкиваемые обратно во время кризисовъ. Здѣсь — цѣлая армія безработныхъ, по численности не уступающая всему составу промышленно-торговаго люда. Что̀ удерживаетъ эту армію отъ соціальнаго переворота?

Сомнѣнія читателя совершенно законны, и то общество, въ которомъ $^1/_5$ населенія не имѣетъ работы и средствъ къ жизни, неизбѣжно обречено на разрушеніе. Такая опасность грозила бы и нашей странѣ, если бы неиспользованная рабочая энергія сконцентрировалась въ опредѣленномъ, такъ сказать, углу, а не разлилась по всей поверхности; еслибы количество неутилизированныхъ силъ совпадало съ числомъ бездѣйствующихъ *лицъ*. Но этого послѣдняго условія у насъ именно и не наблюдается. Благодаря общинному владѣнію землей въ однѣхъ мѣстностяхъ, обычаю равнаго раздѣла крестьянскаго участка между наслѣдниками въ другихъ районахъ, повсемѣстному распространенію сдачи въ аренду помѣщичьей земли мелкими площадями; благодаря, наконецъ, тому, что лица, ведущія хозяйство наемнымъ трудомъ, основываютъ производство не столько на постоянномъ персоналѣ батраковъ, сколько на случайномъ наймѣ для разныхъ операцій тѣхъ или другихъ лицъ,—доступъ къ землѣ, а слѣдовательно и нѣкоторое обезпеченіе средствъ существованія, получаютъ и такія лица, которыя вовсе не нужны для ея обработки; число земледѣльцевъ увеличивается поэтому сверхъ мѣры, и ихъ рабочая сила не находитъ даже лѣтомъ полнаго примѣненія.

Если для примѣра допустить, что тѣ 5 милліоновъ взрослыхъ мужчинъ, которые, согласно нашему разсчету, не нужны ни для какого занятія, получили возможность устроиться на землѣ (а это предположеніе недалеко отъ истины), то площадь, для обработки которой достаточно 12 милліоновъ мужчинъ, распредѣлится теперь между 17 милліонами и рабочій участокъ каждаго сократится на 30%. Это значитъ, что вмѣсто работы въ теченіе цѣлаго сезона, земледѣлецъ будетъ имѣть занятіе менѣе, чѣмъ на $^3/_4$ послѣдняго, а отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ части его рабочей силы останется безъ употребленія и не принесетъ дохода. 5 милліоновъ семей получили, благодаря указанному факту, возможность существованія, но это до-

стигнуто путемъ сокращенія на $^1/_4$—$^1/_3$ часть средствъ существованія у 12 милліоновъ семей. Абсолютно-безработное населеніе исчезло, но ограниченная безработица распространилась на всѣхъ земледѣльцевъ. Опасность общественныхъ потрясеній предупреждена, но половина населенія обѣднѣла. Массовая пролетаризація населенія устранена путемъ массовой его пауперизаціи.

Итакъ, 5 милліоновъ взрослыхъ мужчинъ хотя и прилагаютъ свои силы къ сельскому хозяйству, но не увеличиваютъ этимъ производительные рессурсы страны, потому что соотвѣтственно ихъ участію въ промыслѣ ограничивается время производительнаго примѣненія труда остальныхъ 12 милліоновъ земледѣльцевъ. Эти 5 милліоновъ единицъ рабочей силы можно слѣдовательно считать пропащими для страны. Но этимъ невполнѣ выражается непроизводительная растрата народнаго труда, потому что и 12 милліоновъ мужчинъ, требующіеся для воздѣлыванія земли, производя почти исключительно зерно, находятъ примѣненіе въ хозяйствѣ своему труду лишь въ теченіе лѣтняго времени; а длинную зиму, если у нихъ нѣтъ дополнительнаго заработка, они обречены проводить въ праздности (незначительныя работы по уходу за скотомъ могутъ быть выполнены женской половиной семьи). Дополнительныя же промысловыя занятія перепись отмѣтила лишь у трехъ милліоновъ мужчинъ земледѣльцевъ, которые поэтому и могутъ считаться вполнѣ использывающими свою производительную силу. Чтобы судить о томъ, какую потерю производительности несетъ страна оттого, что остальные 9 милл. ея земледѣльцевъ прекращаютъ на зиму всякія занятія,—мы должны напомнить, что земледѣльческій сезонъ въ различныхъ полосахъ Россіи продолжается отъ пяти до девяти мѣсяцевъ. Если мы даже преувеличимъ продолжительность періода сельскохозяйственныхъ работъ и примемъ его для всей Россіи въ девять мѣсяцевъ [1]), то и въ такомъ случаѣ бездѣятельное состояніе въ теченіе зимняго времени 9-и милліоновъ земледѣльцевъ вело бы къ потерѣ страной $^1/_4$ части рабочей силы 9 милл. мужчинъ, что соотвѣтствуетъ потерѣ рабочей энергіи $^9/_4 = 2{,}25$ милліоновъ мужчинъ. Вмѣстѣ съ 5 милл. мужчинъ, совершенно излишнихъ для

[1]) Или допустимъ, что земледѣлецъ имѣетъ случайные заработки въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ тамъ, гдѣ земледѣльческій сезонъ продолжается 6—7 мѣсяцевъ.

производства, службы и т. п., это составитъ непроизводительную растрату рабочей энергіи мѣрою 7,25 милл. единицъ, т.-е. болѣе 30% общаго запаса этихъ силъ (считаемыхъ, какъ выше показано, въ 24 милл. рабочихъ годовыхъ единицъ). А если принять во вниманіе, что наши разсчеты относятся къ 1897 г.,—а съ тѣхъ поръ, путемъ естественнаго размноженія, населеніе Европейской Россіи возросло, по крайней мѣрѣ, на 10 милл. душъ, въ числѣ коихъ должно быть 2,5 милл. полнорабочихъ мужчинъ,—если вспомнить, что, благодаря разразившемуся шесть лѣтъ назадъ промышленному кризису, крупная промышленность предъявляетъ лишь незначительный спросъ на новыхъ рабочихъ, а бо́льшая часть прироста населенія должна искать пріюта въ томъ самомъ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ и такъ ощущается переполненіе рабочими руками—то мы не выйдемъ изъ границъ вѣроятности, если примемъ, что, вслѣдствіе господствующей у насъ хозяйственной организаціи, Россія теряетъ непроизводительно не менѣе $^1/_3$ части своего запаса рабочихъ силъ. Эти гибнущія силы превышаютъ, по крайней мѣрѣ, въ $1^1/_2$ раза рабочую энергію, затрачиваемую на нашу индустрію, строительную, перевозочную дѣятельность и торговлю (поглощающія 21% запаса рабочихъ силъ), и если бы этой силѣ дано было производительное примѣненіе, то продуктивность нашихъ фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ мастерскихъ увеличилась бы въ $2^1/_2$ раза.

Таковы итоги новѣйшаго хозяйственнаго развитія Россіи. Это развитіе привело къ тому, что $^1/_3$ часть рабочей энергіи не имѣетъ вовсе производительнаго примѣненія; что къ самому выгодному для страны, фабрично-заводскому дѣлу привлечена ничтожная доля рабочей силы, составляющая, относительно, $^1/_3$ часть того, что образуетъ кадры крупной промышленности въ Германіи, и $^1/_4$—$^1/_5$ часть той доли рабочей энергіи, какая затрачивается на индустрію въ Англіи; что производительность того промысла, который служитъ главнымъ источникомъ приложенія труда нашего населенія и пріобрѣтенія имъ средствъ существованія, выражается урожаями, составляющими $^1/_2$—$^1/_3$ часть урожаевъ хлѣбовъ въ другихъ европейскихъ государствахъ; что истощеніе земли достигло у насъ такой степени, которая превращаетъ неурожаи изъ случайныхъ въ необходимыя явленія и возводитъ ихъ какъ бы въ одно изъ постоянныхъ установленій нашего экономическаго быта; что еще бо-

лѣе истощены матеріальныя средства сельскаго населенія (составляющаго $^3/_4$ всего числа жителей Европейской Россіи), доведеннаго до такого обѣдненія, что всякій неурожай обращается въ форменную голодовку; что въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ Россію можно уподобить только Индіи. Но послѣдняя страна находится, по крайней мѣрѣ, въ политическомъ подчиненіи у капиталистической націи, славящейся умѣньемъ высасывать соки у слабыхъ народовъ и вскормившей этими соками могущественнѣйшаго капиталистическаго гиганта. Гдѣ же положительные результаты истощенія сельскаго населенія Россіи, и какому Молоху приносятся въ жертву жизненные соки нашей страны?

XII. Виды на будущее.

Мы привыкли считать, что если новѣйшіе промышленные успѣхи цивилизованныхъ націй и несутъ съ собою нѣкоторыя бѣдствія для слабѣйшихъ членовъ общества, зато они, по крайней мѣрѣ, избавляютъ послѣднихъ отъ тѣхъ массовыхъ голодовокъ, которыя были обыкновеннымъ явленіемъ въ прежнее время, когда урожай всецѣло зависѣлъ отъ того или другого сложенія атмосферныхъ условій, а отсутствіе живыхъ сношеній между различными областями оставляло населеніе даннаго района, въ отношеніи обезпеченія его продовольствія, въ полной зависимости отъ мѣстнаго урожая и мѣстныхъ запасовъ. Урожаи въ цивилизованныхъ странахъ мало зависятъ теперь отъ капризовъ природы, а усовершенствованные пути сообщенія дозволяютъ своевременно передвигать зерно изъ мѣста изобильнаго сбора въ раіоны недорода и предупреждать недоѣданіе населенія, въ случаѣ неурожая. Такъ говорили ученые, и ихъ мнѣніе находило подтвержденіе въ исторіи зап.-европейскихъ государствъ, гдѣ крупные неурожаи и голодовки отошли въ область преданія, а случающіеся иногда недороды не обращаются въ народныя бѣдствія.

Но вотъ на путь промышленнаго развитія вступила Россія, и въ то время, когда это развитіе сдѣлало наибольшіе успѣхи, и мы восхищались быстротой, съ какою сооружались фабрики, заводы и желѣзныя дороги,—насъ поражали одинъ за другимъ крупные и мелкіе неурожаи и голодающее населеніе считается десятками

милліоновъ. Одинаковую съ нами судьбу испытываетъ одна только цивилизующаяся страна, политически порабощенная Индія, переживающая наиболѣе сильныя голодовки именно въ послѣдніе годы, въ моменты наивысшаго промышленнаго развитія, вызывавшаго, какъ и успѣхи нашей промышленности, восторги купленныхъ и некупленныхъ апологетовъ капитализма. Крупные голода обыкновенно посѣщали Индію разъ въ десять лѣтъ, но голодъ 1900 г., повторившійся и въ слѣдующемъ, поразилъ ее черезъ три года послѣ предшествовавшаго и былъ самымъ страшнымъ изъ индійскихъ голодовъ.

И такъ, промышленные успѣхи Россіи и Индіи не только не гарантировали этимъ странамъ избавленіе отъ бѣдъ, считающихся спеціальной принадлежностью отсталыхъ странъ, но, повидимому, несутъ за собой усиленіе этихъ бѣдъ и грозятъ превратить ихъ изъ временнаго явленія въ постоянное. Ближайшей причиной голодовокъ въ Россіи служитъ, конечно, неурожай, зависящій отъ неблагопріятной комбинаціи атмосферныхъ факторовъ. Но что такая комбинація разрѣшается очень крупными неурожаями, распространяющимися на огромные районы, и имѣетъ результатомъ не скоропреходящія затрудненія, а настоящія голодовки и разореніе милліоновъ земледѣльцевъ—это уже есть слѣдствіе соціальныхъ причинъ, а не естественныхъ. Частое повтореніе неурожаевъ въ земледѣльческой странѣ служитъ признакомъ того, что промышленные успѣхи не коснулись главнаго промысла населенія, и результаты народнаго труда, теперь, какъ и прежде, находятся въ полной зависимости отъ стихій. А глубокія разстройства крестьянскаго быта, порождаемыя неурожаями, свидѣтельствуютъ о томъ, что ни истощенный крестьянинъ, ни все общество не имѣютъ средствъ для прокормленія нуждающихся въ годину бѣдствія, и для сохраненія хозяйственнаго инвентаря у крестьянъ мѣстностей, пораженныхъ неурожаемъ.

Отсутствіе запасовъ и сбереженій денежныхъ и натуральныхъ у массы нашего земледѣльческаго населенія есть явленіе новѣйшаго происхожденія. Наблюдатели народной жизни единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что вмѣстѣ съ распространеніемъ на новую область сѣти желѣзныхъ дорогъ—знакъ того, что эта область пріобщается къ прогрессу—исчезаютъ скирды хлѣба съ крестьянскихъ гуменъ, запасы холста изъ крестьянскихъ сундуковъ и т. п., и эти

натуральные запасы, у средняго по крайней мѣрѣ хозяина, не замѣняются денежными сбереженіями. Многіе факты указываютъ на то, что и питается русскій народъ въ настоящее время хуже, чѣмъ прежде, и что значительная часть населенія хронически голодаетъ. Это замѣтно отразилось на физическомъ состояніи населенія, о чемъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ относительно взятыхъ на военную службу и забракованныхъ молодыхъ людей для 50-и губерній Европейской Россіи въ 1874—78 и 1894 — 98 гг. (послѣдніе, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія). Изъ ста осмотрѣнныхъ призывныхъ принято на службу въ первое пятилѣтіе 72, а во второе — 62. Число забракованныхъ возросло, значитъ, съ 28% до 38% осмотрѣнныхъ молодыхъ людей. По нѣкоторымъ губерніямъ возрастаніе человѣческаго брака гораздо значительнѣе.

Аналогичнымъ образомъ объясняютъ мѣстные писатели и причины индійскихъ голодовокъ. „Недостатокъ дождей — говорится, напр., въ одной индійской газетѣ — есть только поводъ къ голоду, но не его причина. Отъ недостатка дождей страдаютъ и западно-европейскія страны, но эти страны не знали ни разу голода въ XIX в. Наоборотъ, въ XVIII в. голодъ былъ хроническимъ явленіемъ, особенно во Франціи. Въ Индіи крупный голодъ приходилъ въ среднемъ разъ въ 10 лѣтъ, но теперь (1900 г.) онъ вернулся черезъ три года. У насъ раньше были запасы хлѣба, но мало-по-малу мы ихъ распродали, чтобы добыть денегъ на уплату болѣе и болѣе тяжелой поземельной, подушой подати и солянаго налога... Мы вели натуральное хозяйство въ теченіе вѣковъ; новое правительство реализировало въ деньги всѣ наши запасы и построило желѣзныя дороги, почты, телеграфы, снарядило огромную армію, кормитъ дорого стоющій штатъ чиновниковъ... Такимъ образомъ мало-по-малу были высосаны всѣ жизненные соки изъ нашего сел. хозяйства, и теперь мы падаемъ жертвою малѣйшей засухи, и посѣщенія голода становятся чаще и неумолимѣе“ [1]).

Къ этому разсужденію слѣдуетъ сдѣлать ту поправку, что налоги, на которые ссылается газета, являются лишь однимъ и даже не главнымъ условіемъ бѣдствій индійскаго населенія. Прямые и косвенные налоги въ Индіи падаютъ всего $2^1/_2$ — 3 р. на душу; они, слѣдовательно, вдвое ниже, чѣмъ въ Россіи, подобно тому, какъ

[1]) См „Индія и ея горе“ въ журналѣ Жизнь, 1900, № 6.

и русскій плательщикъ держитъ на себѣ въ 2 — 3 раза меньшую податную ношу, чѣмъ западный европеецъ. Основной причиной разсматриваемаго явленія въ Индіи, какъ и въ Россіи, служитъ низкая доходность хозяйства земледѣльца, обусловленная, главнымъ образомъ, изъятіемъ изъ его рукъ прежнихъ источниковъ приложенія труда въ зимнее время и ограниченіемъ поля приложенія его труда въ теченіи лѣтняго, сельскохозяйственнаго сезона.

Намъ извѣстна судьба Ирландскаго народа, пригвожденнаго къ земледѣлію, обреченному на растительныя культуры. Обѣднѣніе народа, измельчаніе хозяйственныхъ участковъ и истощеніе почвы,— какъ естественныя послѣдствія уничтоженія промысловыхъ работъ земледѣльца, при отсутствіи широко развитой промышленности — вызвали повторяющіеся неурожаи, закончившіеся грандіознымъ голодомъ 1846 — 7 года, унесшимъ въ могилу $^1/_{16}$ часть населенія и погнавшимъ за море половину оставшихся. Намъ извѣстна судьба индусовъ, поставленныхъ въ тѣ же условія промышленной дѣятельности. Повторяющіеся и учащающіеся голода охватываютъ въ Индіи десятки милліоновъ людей и уносятъ милліоны жертвъ. Они не гонятъ индусовъ за море только потому, что нѣтъ страны, способной принять десятки милліоновъ чужого народа. Неестественное хозяйственное положеніе ирландскаго народа разразилось такой соціальной катастрофой, какъ эмиграція половины населенія страны, устранившая по крайней мѣрѣ одно пагубное условіе мѣстнаго хозяйства— земледѣльческое перенаселеніе, и поведшая къ удвоенію площади земли, приходящейся на одного земледѣльца. Индія застрахована отъ такихъ соціальныхъ катастрофъ и тѣмъ самымъ обречена на періодическое повтореніе катастрофъ естественныхъ: неурожаевъ, голода и мора. Населеніе Россіи, вѣрнѣе, восточной ей половины, находится въ тѣхъ же хозяйственныхъ условіяхъ какъ Ирландія и Индія, и, не имѣя такого соціальнаго палліатива, какъ выселеніе милліоновъ жителей, обречено голодать и умирать, какъ голодаютъ и умираютъ народы современной Индіи и какъ голодали и вымирали въ средніе вѣка западные европейскіе народы. Излишне поэтому разъяснять, какимъ роковымъ вопросомъ является для насъ вопросъ о хозяйственномъ строѣ Россіи и какъ важно, чтобы всесторонее обсужденіе этого вопроса привлекало къ себѣ возможно больше интеллигентныхъ силъ. Чтобы представить экономическую проблему нашего времени во всемъ ея объемѣ, нужно имѣть въ виду еще то обстоятельство, что

поднятіе матеріальныхъ ресурсовъ страны необходимо не только для улучшенія положенія бѣдствующаго населенія преимущественно земледѣльческихъ областей, но и для выполненія тѣхъ культурныхъ задачъ, которыя стоятъ теперь у насъ на очереди и въ которыхъ-то и выражается истинная сущность цивилизаціи.

Россія принадлежитъ къ семьѣ цивилизованныхъ народовъ и вмѣстѣ съ ними переходитъ въ XX вѣкъ нашей эры. А это значитъ, что ея потребности и формы ихъ удовлетворенія соизмѣряются не съ уровнемъ ея собственной отсталой культуры, а съ тѣми формами, которыя выработаны и примѣняются Западной Европой. Говорятъ, что русская деревня служила недавно предметомъ изученія одной иностранки, заинтересовавшейся ею потому, что она ужасно какъ похожа на англійскую деревню лѣтъ двѣсти тому назадъ. Изъ этого сходства, однако, не слѣдуетъ, что потребности русской деревни, какъ онѣ формулируются нашими общественными дѣятелями, могутъ быть отождествляемы съ тѣми задачами, какія намѣчались для англійской деревни два вѣка назадъ. То же самое надлежитъ сказать и о цѣлой странѣ. Въ отношеніи развитія своихъ образовательныхъ, медико-санитарныхъ, хозяйственныхъ, индивидуально-потребительныхъ нуждъ Россія не можетъ медленно переступать со ступеньки на ступеньку той лѣстницы, какая была пройдена Западной Европой, самостоятельно вырабатывавшей болѣе и болѣе совершенные способы удовлетворенія своихъ нуждъ. Мы хотимъ поставить наше общее образованіе на тотъ же, приблизительно, уровень, на какомъ оно находится въ современной намъ Европѣ; мы не можемъ не желать, чтобы наши больные имѣли къ своимъ услугамъ тѣ средства медицинской помощи, какія можетъ дать современная, а не древняя Европа; мы не примиряемся съ огромной смертностью нашего населенія и выставляемъ задачи санитарнаго благоустройства, сообразуясь не съ прошлымъ, а съ современнымъ состояніемъ этого дѣла на Западѣ; мы стремимся питаться, одѣваться и развлекаться, устраивать свои жилища, улицы и общественныя зданія городовъ по образцу того, что происходитъ въ этомъ отношеніи въ новой, а не средневѣковой Европѣ. Это — наши желанія; но они столь же неизбѣжны, какъ необходимымъ представляется усвоеніе новыхъ европейскихъ формъ въ другихъ сферахъ народно-государственной жизни. Война наша съ Японіей съ жестокой наглядностью показала, какой опасности подвергается

наше государство, если оно не усвоитъ не только современную военную технику, но и западную культуру вообще; оставивъ натуральное хозяйство и вступивъ въ экономическія сношенія съ цѣлымъ міромъ, мы не можемъ не производить огромныхъ затратъ на развитіе у себя современныхъ средствъ передвиженія лицъ и товаровъ и т. д.

Таково положеніе нашей страны въ отношеніи способовъ удовлетворенія разнообразныхъ ея нуждъ. Образцомъ для нея служитъ высокая культура западной Европы. Но возвышеніе матеріальной культуры не обходится даромъ; поддержаніе ея стоитъ большихъ средствъ. Если ограничиться тѣми расходами, которые производятся государствомъ и муниципальными учрежденіями, то мы увидимъ, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ, согласно разсчетамъ Кауфмана, на одну душу населенія падало государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ въ Австріи 32 р., въ Великобританіи — 40 р., во Франціи — 45 рублей. Въ послѣдующее время расходы эти очень возросли и составляютъ въ Англіи уже 65 рублей на одну душу. Очень высоки въ цивилизованныхъ государствахъ и личные расходы жителей. Объ этомъ можно судить по высотѣ заработной платы, получаемой рабочими въ различныхъ государствахъ. Плата эта на провинціальныхъ фабрикахъ въ 15 производствахъ, требующихъ обученныхъ рабочихъ, составляетъ во Франціи и Германіи, въ среднемъ, около 600 рублей, а въ Англіи — 900 рублей въ годъ. Въ области сельскаго хозяйства, которому въ Англіи отдаетъ свои силы всего $^1/_8$ часть населенія, заработная плата колеблется по районамъ — отъ 330 до 470 рублей.

Опредѣляя формы удовлетворенія своихъ потребностей согласно европейскимъ образцамъ, Россія не можетъ, однако, пользоваться европейскими средствами для ихъ осуществленія, и должна извлекать эти средства изъ внутреннихъ источниковъ. О скудости же этихъ послѣднихъ можно судить потому, что средняя заработная плата фабрично-заводскаго рабочаго въ самомъ дорогомъ, петербургскомъ районѣ не превосходитъ минимальнаго изъ вышеуказанныхъ вознагражденій англійскаго земледѣльческаго батрака; что средній доходъ крестьянской семьи, который можетъ быть истраченъ на удовлетвореніе ея потребностей (кромѣ хозяйственныхъ) и уплату налоговъ, колеблется по районамъ между 160 и 300 рублями, и что, при государственномъ и муниципальномъ нашемъ бюд-

жетъ въ 12—14 рублей на душу, населеніе изнемогаетъ подъ бременемъ недоимокъ. Наглядным выраженіемъ бѣдности нашего народа можетъ служить разсчетъ г. Клингена, согласно которому одинъ рабочій американецъ потребляетъ прямо и косвенно столько же, сколько расходуютъ въ Россіи двѣ крестьянскія семьи по шести душъ каждая. Эта бѣдность народныхъ массъ является у насъ признакомъ скудости національной производительности, и настоятельнѣйшей потребностью ближайшаго будущаго, безъ удовлетворенія которой нельзя надѣяться привести страну въ культурное состояніе—является поднятіе народной производительности до того приблизительно уровня, какого она достигла въ западной Европѣ. Какъ великъ скачокъ, который предстоитъ намъ при этомъ сдѣлать, можно судить по слѣдующимъ даннымъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ показателей высоты экономическаго развитія и производительности капиталистическихъ обществъ служатъ обороты внѣшней торговли. И вотъ, въ то время, какъ вывозъ мѣстныхъ произведеній, по ихъ цѣнности, составляетъ въ Германіи и Франціи около 40 рублей на одного жителя, а въ Англіи 67 р.,—въ Россіи онъ равняется 6-ти рублямъ. Согласно приблизительнымъ и довольно устарѣлымъ разсчетамъ сравнительной производительности европейскихъ государствъ, весь національный доходъ, по разсчету на душу, въ Англіи равняется 380 р., во Франціи—310 р., въ Германіи 250 р., а въ Россіи—110 рублей. Опыты исчисленія тѣхъ чистыхъ доходовъ, которые могли бы подлежать подоходному обложенію, показали, что въ Россіи такіе доходы врядъ ли достигаютъ 2,5—3 милліардовъ рублей, т.-е. 25—30 рублей на человѣка, между тѣмъ какъ въ Пруссіи къ подоходному обложенію привлекаются доходы въ 5 милліардовъ марокъ, что составитъ 60 рублей на одного жителя, а въ Великобританіи—615 милліоновъ фунт. стерлинговъ, или 140 р. на душу, т.-е. въ 5 разъ болѣе, чѣмъ въ Россіи. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что матеріальные рессурсы Россіи,—которые служатъ источникомъ средствъ удовлетворенія ея культурныхъ потребностей,—въ три-четыре раза скуднѣе рессурсовъ европейскихъ государствъ, указывающихъ образцы для ея культурныхъ задачъ. Чтобы воспользоваться этими указаніями, Россіи нужно приблизиться къ своимъ сосѣдямъ и въ отношеніи запаса національныхъ матеріальныхъ средствъ. А если принять во вниманіе, что производительныя средства передовыхъ го-

государствъ растутъ чрезвычайно быстро, что, соотвѣтственно росту этихъ средствъ, увеличиваются потребности населенія и затраты на ихъ удовлетвореніе, и что вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и та мѣрка, которую мы будемъ прикладывать для оцѣнки желательныхъ способовъ удовлетворенія нашихъ нуждъ, то мы не можемъ не поразиться грандіозностью задачи о поднятіи народной производительности, поставленной нашей странѣ фактомъ ея культурной отсталости, съ одной стороны, и принадлежности къ семьѣ европейски-цивилизованныхъ и капиталистически-организованныхъ народовъ— съ другой.

Обращаясь же къ вопросу о томъ, какимъ образомъ достичь крупнаго подъема производительности нашей страны, мы съ разныхъ сторонъ получаемъ на него ясный и, повидимому, невозбуждающій недоумѣній отвѣтъ: Россія страдаетъ не только отъ капитализма, но и отъ недостаточности развитія послѣдняго, а по мѣрѣ успѣховъ капиталистической эволюціи будетъ улучшаться и матерьяльное состояніе страны. Такой ходъ мысли въ вопросахъ нашего экономическаго состоянія обосновывается исторіей промышленнаго развитія передовыхъ цивилизованныхъ государствъ, достигшихъ высшихъ ступеней лѣстницы матеріальнаго преуспѣянія. Но судьба нѣсколькихъ странъ не составляетъ всего содержанія всемірной исторіи; а достиженіе нѣкоторыми націями — путемъ примѣненія опредѣленныхъ средствъ — высокихъ степеней матеріальнаго состоянія не доказываетъ, что эти средства приложимы всюду и что внѣ этихъ средствъ нѣтъ путей, ведущихъ къ той же цѣли. Говоря иначе, мы не имѣемъ права утверждать, что хозяйственное развитіе по типу, указанному западной Европой, есть процессъ общій и однообразный, приводящій къ одинаковымъ результатамъ всякую страну, выходящую изъ инертнаго состоянія. И если одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ экономистовъ рѣшается утверждать, что современная экономическая организація европейскихъ обществъ есть явленіе до извѣстной степени случайное, и „безъ обладанія колоніями Европа, вѣроятно, кончила бы не капитализмомъ, а натуральнымъ хозяйствомъ“ [1]), то мы не можемъ à priori отвергнуть предположеніе, что не вся-

[1]) Вернеръ Зомбартъ Современный капитализмъ. Изд. Горшкова Т. I, стр. 367.

кой странѣ удастся непремѣнно встрѣтить такую комбинацію обстоятельствъ, которая будетъ содѣйствовать ея капиталистической эволюціи; мыслимо предположить соединеніе гдѣ-либо условій, которыя помѣшаютъ достиженію этимъ путемъ матеріальнаго благополучія страны.

„Только сочетаніе двухъ фактовъ,—говоритъ Зомбартъ,—того, что западная Европа посредствомъ беззастѣнчиваго хозяйства могла грабить чужія страны и что эти страны такъ богаты были благородными металлами—дѣлаетъ возможнымъ возникновеніе современнаго капитализма". Но капитализмъ не только *возникъ* изъ „грабежа" чужихъ странъ; онъ и развивается далѣе путемъ эксплоатаціи, обезсиливая и поѣдая слабыя и малокультурныя націи. Горькая судьба Ирландіи или Индіи, которымъ выпала честь служить для поддержанія промышленнаго развитія Англіи, слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ истинности этого положенія. А если такъ, то фактическая исторія экономической эволюціи, разсматриваемой въ цѣломъ, должна представляться намъ процессомъ, въ которомъ преуспѣвающія націи поднимаются вверхъ по спинамъ побѣжденныхъ. Эта двусторонность процесса экономической эволюціи ускользаетъ отъ нашего вниманія потому, что процессъ не разсматривается въ его цѣломъ. Изслѣдователей интересуютъ преуспѣвающія націи, а не отсталыя,—побѣдители, а не побѣжденные. Они посвящаютъ имъ все свое вниманіе, описываютъ и прославляютъ ихъ успѣхи и если не оставляютъ совершенно безъ освѣщенія вопроса о томъ, какъ отражаются эти успѣхи на націяхъ, игравшихъ въ процессѣ выковыванія новаго хозяйственнаго строя роль наковальни, а не молота, то не останавливаются на вопросѣ—насколько такое раздѣленіе на молотъ и наковальню составляетъ необходимое условіе капиталистическаго прогресса.

Изъ этого мы выводимъ пока одно заключеніе, что матеріальные успѣхи передовыхъ государствъ, примѣнявшихъ опредѣленные методы экономическаго развитія, еще не служатъ гарантіей того, что тѣ же методы дадутъ благопріятные результаты вездѣ, гдѣ они будутъ примѣняться.

Зависимость промышленныхъ успѣховъ націи отъ наличности такихъ странъ, которыя служили бы ей опорой или могли сдѣлаться ея жертвой, обусловливается тѣмъ, что развитіе промышленности по капиталистическому типу приводитъ къ дисгармоніи между произ-

водительностью страны и ея спросомъ на продукты: запросъ внутренняго рынка не поспѣваетъ за ростомъ производительности. Ограниченіе ёмкости рынка капиталистическихъ странъ зависитъ, между прочимъ, отъ двухъ обстоятельствъ: отъ того, что разъединеніе промысловъ и земледѣлія, совершающееся въ такихъ странахъ, лишаетъ земледѣльцевъ дополнительныхъ заработковъ въ зимнее время, и что широкое примѣненіе машинъ ограничиваетъ спросъ на рабочую силу. Оба эти обстоятельства имѣютъ тенденцію сокращать доходы трудящагося населенія и ихъ спросъ на предметы потребленія, въ то время, какъ быстро растущее производство выкидываетъ на рынокъ новыя и новыя массы товаровъ. Развивающаяся нація обращаетъ тогда особенное вниманіе на рынки внѣшніе и принимаетъ разныя мѣры къ тому, чтобы стѣснить производство фабрикатовъ въ зависимыхъ отъ нея странахъ и заставить послѣднія принимать ея издѣлія. Страна, обращенная въ рынокъ для помѣщенія чужихъ фабрикатовъ, вынуждается такой политикой къ одностороннему развитію у себя земледѣлія, продукты котораго, въ видѣ жизненныхъ припасовъ и сырыхъ матеріаловъ, отдаются ею въ обмѣнъ на чужіе фабрикаты. Не имѣя тѣхъ выгодъ, какія проистекаютъ отъ наличности высоко развитой индустріи, данная страна, тѣмъ не менѣе, испытываетъ отрицательныя вліянія капиталистической эволюціи: чужіе продукты уничтожаютъ мѣстную промышленность, а съ нею и дополнительные заработки ея земледѣльцевъ, и благосостояніе главной массы ея населенія падаетъ. Не всѣ экономически эксплоатируемыя націи обречены находиться въ политической зависимости отъ другихъ государствъ, принимающихъ прямыя и косвенныя мѣры для ограниченія ихъ индустріи. Многія изъ нихъ образуютъ самостоятельныя государства и для охраны своей промышленности прибѣгаютъ къ таможеннымъ пошлинамъ. Этого, однако, оказывается недостаточно для того, чтобы обезпечить безпрепятственное развитіе ихъ капиталистической индустріи. Разъ вступивъ на этотъ путь, онѣ подпадаютъ подъ дѣйствіе естественныхъ законовъ капиталистической эволюціи, и скоро сами сталкиваются съ вопросомъ о необходимости внѣшнихъ рынковъ. Вопросъ этотъ, однако, разрѣшается не легко. По мѣрѣ распространенія промышленнаго развитія на новыя страны растетъ потребность во внѣшнихъ рынкахъ и возникаетъ упорная борьба за обладаніе ими. Побѣда въ этой борьбѣ остается обыкновенно за болѣе культурной сторо-

ной, а побѣжденнаго ожидаетъ судьба растенія, чахнущаго въ помѣщеніи, не допускающемъ свободнаго притока воздуха. Общество, сознательно относящееся къ своей судьбѣ, не можетъ, поэтому, не задаться вопросомъ: много ли шансовъ имѣется на то, что ему удастся пробить брешь въ заслонѣ, отдѣляющемъ его отъ внѣшнихъ рынковъ, и отвоевать таковые отъ своихъ высококультурныхъ соперниковъ? А если будущіе успѣхи на этомъ полѣ представляются столь же сомнительными, какими были успѣхи прошедшіе, то не благоразумно ли отказаться отъ политики форсированія процесса, приносящаго столько бѣдъ, и заняться изысканіемъ другихъ средствъ для поднятія производительности страны?

Россія принадлежитъ къ числу націй, быстро разрывающихъ съ прошлымъ, но не выбившихся на широкую дорогу безпрепятственнаго капиталистическаго прогресса. Близкое обновленіе ея политическаго строя даетъ извѣстное основаніе ожидать болѣе систематическаго и сознательнаго воздѣйствія общества на экономическія дѣла. А для благотворности такого воздѣйствія нужно критически отнестись къ программамъ преобразованія, обосновывающимся, главнымъ образомъ, ссылками на націи, успѣвшія занять лучшія позиціи на аренѣ всеобщей промышленной борьбы и приготовившіяся упорно защищать ихъ противъ новыхъ конкуррентовъ. Вопросъ объ экономическихъ задачахъ Россіи слѣдуетъ разрѣшать самостоятельно, освѣщая положительныя и отрицательныя явленія нашего быта съ точки зрѣнія внутреннихъ и международныхъ условій промышленной эволюціи и не опасаясь заключеній, вытекающихъ изъ такого разсмотрѣнія, хотя бы они не согласовались съ мнѣніями, которыя мы привыкли считать истинными.

У насъ любятъ цитировать слова Маркса, что Россія упустила въ 1861 году „прекрасный случай, который когда-либо представляла народу исторія, чтобы избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя“. Она „стремится сдѣлаться капиталистической націей по образцу западно-европейскихъ своихъ сосѣдей“, но она не достигнетъ этого, „не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ того, приведенная на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть неумолимыхъ законовъ, какъ и всякая другая непосвященная нація“. Эти слова знаменитаго основателя научнаго соціализма толковались такимъ образомъ, что ими, будто бы, предсказывается Россіи та

же экономическая судьба, со всѣми ея темными и свѣтлыми чертами, какая постигла Францію, Англію и Германію: что Марксъ говоритъ здѣсь не только о *процессѣ* развитія, ожидающемъ нашу страну, но и о *достиженіи* ею опредѣленныхъ результатовъ; что подчиненіе Россіи, „какъ и всякой другой непосвященной націи, неумолимымъ законамъ“ капиталистическаго развитія обезпечиваетъ ей достиженіе блестящаго матеріальнаго состоянія передовыхъ европейскихъ государствъ. Мы не будемъ такъ свободны въ толкованіи чужой рѣчи. Мы ограничимся ея прямымъ смысломъ, гласящимъ, что Россія сдѣлала достаточно для того, чтобы попасть во власть „неумолимыхъ законовъ“ капиталистической эволюціи, что въ своемъ экономическомъ развитіи она слѣдуетъ примѣру, указанному исторіей передовыхъ европейскихъ государствъ. Если даже признать правильной эту формулировку процесса экономическаго развитія Россіи, нельзя, тѣмъ не менѣе, не замѣтить, что ближайшее изученіе условій, при которыхъ ей приходится проходить тотъ путь, въ отдаленіи котораго виднѣются передовыя націи, заставляетъ усомниться, чтобы ей удалось собрать на этомъ пути тѣ плоды, изъ-за которыхъ собственно этотъ путь и заслужилъ предпочтеніе. А фактическія данныя о національномъ богатствѣ и народномъ благосостояніи Россіи подтверждаютъ это пессимистическое заключеніе.

Въ Россіи, дѣйствительно, наблюдаются всѣ признаки водворенія западныхъ экономическихъ порядковъ. Масса населенія отдѣлилась отъ земли; обрабатывающая промышленность болѣе и болѣе отдѣляется отъ сельскаго хозяйства; натуральное хозяйство превращается въ денежное; чистый доходъ національнаго производства экспропріируется капиталистами: въ земледѣльческой промышленности — преимущественно ростовщикомъ, сдатчикомъ земли и торговцемъ, въ индустріи — предпринимателемъ-фабрикантомъ, въ городѣ — банкомъ; домашняя мастерская ремесленника и кустаря больше и больше замѣщается заводомъ и фабрикой, которыя становятся все крупнѣе и совершеннѣе; страна изрѣзывается желѣзными дорогами, испещряется кредитными учрежденіями, биржами и т. д. Предсказаніе Маркса осуществилось: Россія подчинилась „неумолимымъ законамъ“ экономической эволюціи, и въ ней водворяется *форма* хозяйственнаго быта, извѣстная подъ именемъ капиталистической. Но каково матеріальное содержаніе этой формы?

Развитіе заводской промышленности очень повышаетъ произво-

дительность труда; какая же, спрашивается, доля нашего населенія работаетъ въ технически совершенныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и какая часть его находится внѣ цивилизующаго вліянія новаго хозяйственнаго строя? Параллельно развитію этого строя въ западной Европѣ осуществлялись экономическія и другія условія, способствовавшія возвышенію производительности земли и преобразованію зернового хозяйства въ животноводческое; что же наблюдается въ этомъ отношеніи въ нашемъ отчетѣ? Развитіе капиталистическаго хозяйства имѣло послѣдствіемъ огромное возрастаніе въ передовыхъ государствахъ національнаго богатства, которое дало средства обезпечить населеніе благами высокой культуры въ видѣ народнаго образованія, санитарнаго и другого благоустройства селъ и городовъ, улучшенія жилищъ и содержанія работающихъ, обезпеченія населенія отъ послѣдствій неблагопріятныхъ случайностей и т. д. Что далъ въ этомъ отношеніи новый хозяйственный режимъ нашему отечеству; насколько великъ въ Россіи національный доходъ, обезпечено матеріальное благополучіе ея населенія, приведены въ культурное состояніе матеріальныя формы народнаго быта?

Нѣкоторый отвѣтъ на эти вопросы указанъ на предыдущихъ страницахъ настоящаго труда. И мы не должны удивляться печальнымъ результатамъ подражательнаго хозяйственнаго развитія Россіи. Достигнуть серьезныхъ успѣховъ въ дѣлѣ развитія національнаго богатства и народнаго благосостоянія для стопятидесятимилліонной націи, чуть не начинающей европеизацію своего быта въ XX вѣкѣ, — совершенно не та задача, какая была рѣшаема націями въ 20—40 милліоновъ душъ въ концѣ XVIII, въ теченіе первой и второй половины XIX столѣтія. Путь капиталистической эволюціи есть путь ожесточенной борьбы индивидуумовъ, обществъ, государствъ. Объемъ желательныхъ для каждой націи завоеваній въ этой борьбѣ соразмѣренъ съ численностью ея населенія; а средства, обѣщающія достиженіе этой цѣли, заключаются въ возможно быстромъ и глубокомъ усвоеніи культуры. На полѣ борьбы теперь сражается гораздо большее число гораздо лучше вооруженныхъ соперниковъ, чѣмъ раньше. И вотъ, невѣжественному, забитому, нищенствующему русскому народу предлагается энергичнѣе ввязаться въ общую свалку, оттѣснить гигантовъ-сепернковъ и продиктовать всему міру такія условія международныхъ экономическихъ отноше-

ній, которыя поставили бы Россію на высоту Франціи или Германіи, если не Англіи!

Недавно предпринята была грандіозная попытка двинуть Россію по этому пути. Затруднивъ высокими таможенными пошлинами доступъ къ намъ иностранныхъ произведеній; подкрѣпивъ обезпеченный такимъ образомъ рынокъ для сбыта продуктовъ внутренняго производства созданіемъ крупнаго временнаго спроса на строительныя принадлежности, путемъ сооруженія десятковъ тысячъ верстъ рельсовыхъ путей; привлекая въ Россію иностранные капиталы и возбуждая спекуляцію внутри страны, министерство финансовъ С. Ю. Витте вызвало значительное оживленіе нашей промышленности, отъ котораго ожидали возбужденія прогрессивнаго движенія и въ области сельскаго хозяйства. Десятилѣтіе радужныхъ надеждъ завершилось, однако, мрачнымъ разочарованіемъ. Крупная индустрія показывала признаки оживленія лишь пока она поддерживалась властью, а когда эта поддержка должна была сократиться, она впала въ критическое состояніе, которое длится уже шесть лѣтъ. Тогда руководящія сферы убѣдились, что безъ подъема благосостоянія сельскаго населенія невозможно и широкое развитіе индустріи; а такъ какъ сельское населеніе занимается земледѣліемъ, то въ поднятіи послѣдняго и заключается основная задача, подлежащая нашему разрѣшенію. Этимъ заключеніемъ правительственныя сферы сблизились съ многочисленными голосами нашихъ экономистовъ, публицистовъ и хозяевъ, предупреждавшихъ о непрочности односторонняго развитія индустріи и о необходимости серьезныхъ мѣръ для поднятія сельско-хозяйственной промышленности.

Итакъ, правительство и общество слились, наконецъ, въ одномъ рѣшеніи,—теперь остается, повидимому, лишь освободить общество отъ связывающихъ его путъ, чтобы началось осуществленіе дѣла прочнаго подъема производительности страны и благосостоянія ея населенія. Поднять сельское хозяйство, усилить производительность крестьянской земли—вотъ въ чёмъ находятъ средство для преданія нашей странѣ той экономической устойчивости, безъ которой невозможны никакіе культурные успѣхи. Надежды на этотъ путь улучшенія матерьяльнаго положенія страны основываются, какъ мы говорили, на исторіи болѣе цивилизованныхъ государствъ. Но чтобы изъ примѣра нашихъ болѣе культурныхъ сосѣдей вывести какое-либо поученіе для Россіи, нужно разсматривать успѣхи ихъ сель-

скаго хозяйства въ связи съ общими условіями ихъ экономическаго быта. Напомнимъ, поэтому, о сравнительной обстановкѣ сельскохозяйственнаго промысла въ Россіи и въ тѣхъ странахъ, которыя служатъ ей образцами.

Современный строй общества основывается на обмѣнѣ. Это значитъ, что большая часть товаровъ производится для того, чтобы быть проданной на рынкѣ. Не составляетъ исключенія изъ этого правила и земледѣльческая промышленность. Правда, мелкій сельскій хозяинъ самъ потребляетъ часть своихъ произведеній; но все, что превышаетъ его семейныя потребности, должно быть продано на рынкѣ. Отсюда слѣдуетъ, что размѣры возможной сельскохозяйственной производительности какой-либо страны, равно какъ и сумма доходовъ сельскаго хозяина, обусловливаются спросомъ на сельскохозяйственныя произведенія со стороны рынка. При маломъ спросѣ на эти произведенія страна не можетъ производить, а земледѣлецъ не можетъ продавать большаго количества земледѣльческихъ продуктовъ, и. какъ бы низки ни были урожаи полей, ихъ нельзя, т.-е. не стоитъ, дѣлать болѣе высокими. Если послѣ этихъ предварительныхъ разъясненій мы обратимся къ вопросу о томъ, въ какомъ положеніи находятся русскій и иностранный земледѣльцы въ отношеніи спроса на ихъ продукты, и остановимся на тѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, которыя отличаются высокимъ состояніемъ хозяйства, то между этими государствами и Россіей мы замѣтимъ существенное различіе.

Продукты сельскаго хозяйства покупаются лицами, не занимающимися земледѣліемъ. Размѣры возможнаго сбыта этихъ продуктовъ и возможной денежной выручки земледѣльца опредѣляются, поэтому, сравнительной численностью промышленныхъ и городскихъ классовъ, съ одной стороны, и земледѣльцевъ—съ другой. Въ тѣхъ западноевропейскихъ государствахъ, которыя отличаются высокой производительностью земли, отношеніе между земледѣльческимъ и неземледѣльческимъ населеніемъ таково, что на одно лицо земледѣльческаго класса приходится лицъ прочихъ классовъ: во Франціи больше одного, въ Германіи около двухъ, въ Бельгіи больше двухъ, въ Великобританіи восемь. Во всѣхъ этихъ государствахъ, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, земледѣльческіе классы составляютъ меньше половины населенія. Въ Россіи же (европейской), съ ея стомилліоннымъ населеніемъ, земледѣліемъ живутъ 70 милліоновъ

лицъ, а покупатели земледѣльческихъ произведеній составляютъ въ суммѣ 30 милліоновъ человѣкъ, т.-е. 2—3 лица земледѣльческихъ классовъ приходятся на одно лицо классовъ, не занимающихся сельскимъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, во Франціи въ среднемъ одинъ земледѣлецъ имѣетъ слишкомъ одного покупателя, въ Германіи— почти двухъ, въ Бельгіи – болѣе двухъ и въ Великобританіи 8 покупателей; между тѣмъ какъ въ Россіи два-три земледѣльца разсчитываютъ на одного покупателя. Очевидно, что русскій земледѣлецъ не можетъ добывать въ своемъ хозяйствѣ такого количества продуктовъ и получать отъ ихъ продажи такую сумму денегъ, какіе добываетъ и получаетъ сельскій хозяинъ во Франціи, въ Германіи, Бельгіи или Англіи; онъ не можетъ довести производительность своей земли до уровня производительности ея въ перечисленныхъ выше государствахъ.

Читатель можетъ на это замѣтить, что мы продаемъ сельскохозяйственные товары не только внутри страны, но и за границей и вывозомъ ихъ на внѣшніе рынки какъ бы замѣняемъ недостатокъ внутреннихъ потребителей. Такъ, мы отправляемъ за границу до 600 милл. пудовъ зерна; это равносильно тому, какъ будто бы мы имѣли 30 милліоновъ заграничныхъ потребителей въ придачу къ тѣмъ 30 милліонамъ лицъ неземледѣльческихъ классовъ, которыя являются покупателями сельскохозяйственныхъ произведеній внутри страны. Благодаря внѣшнему рынку, мы, слѣдовательно, удваиваемъ число покупателей продуктовъ нашего земледѣлія и доводимъ отношеніе между производителями этихъ продуктовъ и ихъ покупателями до того, какое имѣетъ, напримѣръ, мѣсто во Франціи, и при которомъ сельское хозяйство пришло въ цвѣтущее состояніе. Но бѣда въ томъ, что 30 милліоновъ заграничныхъ потребителей нашихъ сельскохозяйственныхъ произведеній берутъ у насъ только зерно и отказываются отъ мяса, масла и другихъ продуктовъ нашего животноводства или принимаютъ послѣдніе въ самыхъ ограниченныхъ количествахъ. Германія, напримѣръ, и Франція взимаютъ съ ввозимаго масла пошлину въ размѣрѣ 1 рубля съ пуда. Мясо облагается такой же или болѣе высокой таможенной пошлиной. Высота пошлины сообразована съ той опасностью, какая грозитъ внутреннему рынку отъ иностранныхъ производителей, и она достигаетъ своей цѣли. Мѣстные хозяева Франціи и Германіи совсѣмъ почти не испытываютъ конкуренціи заграничнаго масла, а

иностранное мясо ввозится въ Германію въ количествѣ всего 3—4 милл. пудовъ въ годъ.

Свободный доступъ мясные и молочные продукты имѣютъ въ Великобританію, представляющую, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главнѣйшую потребительницу привозныхъ продуктовъ животноводства. Но ея спросъ на мясо удовлетворяется, главнымъ образомъ, привозомъ его изъ-за океана (Соединенные Штаты Америки, Аргентина, Австралія), гдѣ еще сохранилось много естественныхъ пастбищъ, и мясо поэтому дешево. Что же касается англійскаго спроса на привозные молочные продукты, то изъ 20 милл. пудовъ этого спроса въ теченіе года четвертую часть (масло) доставляетъ ея ближайшая крошечная сосѣдка, Данія (основавшая на спросѣ англійскаго рынка свое высоко развитое скотоводческое хозяйство); другую четверть (сыръ)—отдаленная Канада. Остальные 10 милл. пудовъ спрашиваемыхъ Англіей молочныхъ продуктовъ распредѣляются между многими государствами, причемъ Россія могла себѣ отвоевать поставку на англійскій рынокъ лишь $1^1/_2$ милліона пудовъ (масла).

Англія представляетъ единственную страну, потребляющую значительныя количества молочныхъ и мясныхъ продуктовъ заграничнаго происхожденія. Она махнула рукой на сельское хозяйство и свое благополучіе основала на индустріи, привлекая къ ней возможно большее число рабочихъ и обмѣнивая ея продукты за границей на хлѣбъ, мясо и другіе жизненные припасы. Поэтому она не принимаетъ искусственныхъ мѣръ покровительства своему земледѣлію и не оберегаетъ его таможенными пошлинами отъ конкуренціи иностранныхъ производителей. Прочія европейскія государства, стремясь также къ преимущественному развитію индустріи, понимаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что не могутъ достигнуть въ этомъ отношеніи тѣхъ успѣховъ, какіе выпали на долю Англіи. Они поэтому заботятся о поднятіи у себя сельскаго хозяйства и поддерживаютъ высокія цѣны его продуктовъ обложеніемъ привозныхъ произведеній. Наиболѣе выгодной отраслью сельскаго хозяйства является животноводство, дающее земледѣльцу занятіе въ теченіе круглаго года. На развитіе этой отрасли и направлены усилія Западной Европы. Мелкіе хозяева Германіи, напримѣръ, почти вовсе не продаютъ зерна и добываютъ его въ количествахъ, необходимыхъ для пропитанія ихъ семей и прокормленія скота. Достиженіе цѣли обращенія возможно большей площади земли отъ добычи зерна къ приготовленію животныхъ про-

дуктовъ облегчается для западно-европейскихъ государствъ тѣмъ, что нужные хлѣба они имѣютъ возможность получать изъ-за границы. Предоставивъ иностранцамъ расширять зерновое хозяйство для того, чтобы удовлетворять потребность въ хлѣбѣ не только собственнаго, но и чужого населенія, передовыя европейскія страны получили возможность сократить у себя эту маловыгодную отрасль хозяйства и на ея счетъ расширили животноводство. Въ числѣ поставщиковъ зерна на иностранные рынки находится и наше отечество, и услуга, оказываемая имъ иностранному сельскому хозяйству, выражается не только тѣми 30 милліонами потребителей, которыхъ оно кормитъ своимъ хлѣбомъ, освобождая отъ этой обязанности иностранныхъ хозяевъ и предоставляя имъ приготовлять для нихъ масло, молоко, мясо и т. п. припасы. Мы еще посылаемъ за границу 60—70 милл. пуд. кормовыхъ средствъ для содержанія чужого скота.

Итакъ, хотя, благодаря вывозу за границу, мы какъ бы и удваиваемъ число покупателей продуктовъ нашего сельскаго хозяйства, но это мало отражается на производительности нашей земли, потому что иностранные рынки даютъ возможность расширять добычу у насъ зерна, между тѣмъ какъ для поднятія производительности почвы требуется сокращеніе послѣдняго и увеличеніе количества скота, какъ главнаго источника удобренія. Содержаніе скота ради одного удобренія невыгодно. Удобреніе является побочнымъ продуктомъ животноводства; прямой же его задачей въ странахъ интенсивнаго хозяйства служитъ снабженіе населенія молокомъ, масломъ, мясомъ и т. д. Спросъ на эти продукты создается, главнымъ образомъ, городскимъ и промышленнымъ населеніемъ. А такъ какъ въ Россіи къ этимъ классамъ принадлежитъ менѣе $^1/_3$ части жителей, то русскій рынокъ и не представляетъ достаточнаго основанія для широкаго развитія интенсивнаго животноводства, и русскія поля не имѣютъ достаточнаго удобренія. А между тѣмъ удобрять намъ приходится не только поля, дающія хлѣбъ для внутренняго потребленія, но и земли, воздѣлываемыя для иностранныхъ потребителей.

Отдѣльные наши владѣльцы, конечно, могутъ поставить свои хозяйства очень хорошо: ввести интенсивное животноводство и продавать молоко, масло, мясо и т. п. или приспособить ихъ къ сахароваренію, винокуренію и получать доходы, не уступающіе доходамъ,

западныхъ хозяевъ. Но размѣрамъ и винокуренія, и сахароваренія, и животноводства положенъ у насъ узкій предѣлъ ограниченнымъ спросомъ рынка на соотвѣтствующіе продукты. И если бы всѣ наши владѣльцы въ разсчетѣ на крупныя барыши вздумали преобразовать свои хозяйства такъ, чтобы выдвинуть на первый планъ указанныя выше отрасли, дающія, вмѣстѣ съ тѣмъ, обильное удобреніе для полей,—рынокъ переполнился бы товарами, и вмѣсто барышей сельскіе хозяева получили бы убытки. Такое явленіе десять лѣтъ назадъ имѣло мѣсто въ области нашего сахароваренія, и правительство, по просьбѣ хозяевъ, положило, какъ извѣстно, предѣлъ дальнѣйшему безпорядочному возрастанію сахарнаго производства, введя обязательную его нормировку. Не нашло бы помѣщенія на внутреннемъ рынкѣ и усиленное производство, напримѣръ, молочныхъ продуктовъ. Не даромъ же сибирскіе сельскіе хозяева воспользовались сибирской желѣзной дорогой для сбыта своего масла не въ Европейскую Россію, а въ Англію.

Въ противность тому, что наблюдается въ нашемъ отечествѣ, земледѣльческое населеніе Западной Европы имѣетъ обширный рынокъ для цѣнныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства, представляемый спросомъ многочисленнаго городского и промышленнаго населенія. Западныя правительства, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимаютъ спеціальныя мѣры къ тому, чтобы обезпечить сельскимъ хозяевамъ высокія цѣны ихъ произведеній, и облагаютъ привозные товары таможенными пошлинами. Россія лишена возможности примѣнить это средство поддержанія своего земледѣлія потому, что она не ввозитъ, а вывозитъ сельскохозяйственные продукты; вмѣстѣ съ тѣмъ, таможенныя мѣры Германіи, Франціи и Италіи приносятъ ей новый ущербъ, такъ какъ уплату если не всей, то значительной части пошлины ей приходится брать на себя и терять при продажѣ 15—20 копѣекъ на каждомъ пудѣ зерна.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что господство зерновыхъ системъ сел. хозяйства поддерживается въ нашей странѣ не только условіями внутреннихъ отношеній, но и повелительными требованіями международнаго товарнаго оборота, диктуемыми передовыми капиталистическими странами. Сохраненіе у насъ этой системы является, какъ мы видѣли, однимъ изъ условій преобразованія земледѣльческой промышленности западно-европейскихъ государствъ, отвѣчающаго выше формулированнымъ требованіямъ капиталистиче-

скаго строя. Она поддерживается у насъ воздѣйствіями не только внутренняго, но и внѣшняго капитализма. Она назначена для преуспѣянія не Россіи, а Западной Европы.

Въ наше время господства товарнаго производства, развитіе какой-либо промышленности всецѣло обусловливается емкостью рынка для сбыта ея произведеній. Оттого-то цивилизованныя государства проявляютъ такую жадность къ колоніямъ и не останавливаются въ этомъ передъ войнами, подобными англо-бурской или русско-японской. Нашимъ обществомъ этотъ фактъ признанъ въ отношеніи фабрично-заводской промышленности, но ему не придается должнаго значенія, когда идетъ рѣчь о промышленности земледѣльческой. Рѣзкая критика промышленной политики бывшаго министра финансовъ исходила именно изъ положенія о невозможности широкаго развитія индустріи, при отсутствіи внѣшняго рынка для ея продуктовъ и при бѣдности рынка внутренняго, образуемаго полунищенскимъ крестьянскимъ населеніемъ. Поднятіе крестьянскаго промысла устраняетъ, казалось бы, послѣдній недостатокъ, и, получая болѣе дохода отъ земледѣлія, крестьянинъ больше бы покупалъ фабрикатовъ. Такимъ разсужденіемъ разрѣшался бы вопросъ, если бы наше населеніе находилось въ удовлетворительномъ матеріальномъ положеніи, наша страна приведена уже была въ культурное состояніе и рѣчь шла бы только о прибавкѣ малаго къ большому. Примѣненіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ производительность земли нетрудно было бы поднять на 5 — 10%. Это небольшое приращеніе продукта можетъ найти себѣ помѣщеніе частью на внѣшнемъ рынкѣ, частью на внутреннемъ: для прокормленія рабочихъ, которые будутъ производить добавочное количество издѣлій для разбогатѣвшихъ крестьянъ, и какъ сырой матеріалъ для добавочнаго производства. А если рынокъ не поглотитъ всего приращенія земледѣльческихъ продуктовъ— производство нѣсколько сократится безъ замѣтнаго ущерба для населенія, которое, согласно нашему предположенію, и безъ того находится въ удовлетворительномъ положеніи.

Совершенно иныя отношенія представляются въ случаѣ, гдѣ, какъ въ Россіи, производительность цѣлой страны должна быть увеличена въ два и три раза и отъ процесса возвышенія сельско-хозяйственной культуры ожидается обращеніе нищенствующаго крестьянскаго населенія въ зажиточное, а некультурнаго русскаго государства— въ благоустроенное. Здѣсь идетъ уже рѣчь не о 10%-мъ увели-

ченіи крестьянскаго дохода, а объ удвоеніи и утроеніи послѣдняго. Территорія крошечной Даніи могла разсчитывать на разрѣшеніе этой задачи, потому что вся ея производительность ничтожна сравнительно съ объемомъ мірового рынка. Но если имѣть въ виду Россію, въ которой состоитъ подъ культурой 200 милліоновъ десятинъ, а собираемое ею количество хлѣба составляетъ $^1/_5$ часть мірового производства, то постановка вопроса о крупномъ и болѣе или менѣе быстромъ увеличеніи ея земледѣльческой производительности пріобрѣтаетъ характеръ едва ли разрѣшимой задачи.

При обсужденіи вопроса объ улучшеніи матеріальнаго состоянія сельскаго населенія Россіи путемъ поднятія производительности земли молчаливо признается непреложность положенія, что въ условіяхъ сельскаго-хозяйственнаго производства не существуетъ препятствій къ такому поднятію производительности послѣдней, какое необходимо для полнаго обезпеченія и нынѣ устроившагося на землѣ населенія, и возможнаго прироста послѣдняго.

На чемъ, однако, основано послѣднее предположеніе? Примѣръ другихъ государствъ вовсе не доказываетъ его непреложной истинности. Земледѣльческая Индія не благоденствуетъ, а страдаетъ отъ постоянныхъ голодовокъ; земледѣльческое населеніе Ирландіи не благоденствуетъ, а бѣжитъ со своей родины; въ Англіи земледѣльческое населеніе не испытываетъ остраго страданія только потому, что численность его сокращается изъ года въ годъ, и бывшіе земледѣльцы поглощаются фабрикой или эмигрируютъ; земледѣльческое населеніе Франціи удерживается въ сносномъ положеніи, благодаря примѣненію такихъ героическихъ средствъ, какъ ограниченіе рожденія дѣтей; земледѣльческое населеніе Германіи пользуется сравнительнымъ благосостояніемъ при томъ же условіи ограниченіи числа земледѣльцевъ путемъ быстраго развитія промышленности и эмиграціи въ Америку. Почему же считается истиной, что поднятіе матеріальнаго благосостоянія русскихъ земледѣльцевъ не встрѣтитъ препятствій, стоявшихъ на пути улучшенія быта земледѣльцевъ въ другихъ государствахъ, и что производительность нашей земли можетъ быть поднята на такую высоту, что сельское хозяйство доставитъ достаточное обезпеченіе не только тѣмъ лицамъ, которыя привлечены къ нему въ настоящее время, но и тому потомству этихъ лицъ, которое не найдетъ примѣненія своихъ силъ въ области промышленнаго труда и будетъ увеличивать кадры земледѣльцевъ?

Почему не рѣшаются утверждать чего-либо подобнаго относительно эксплоатаціи другихъ естественныхъ богатствъ? Почему, напр., не предполагаютъ удвоить и утроить разработку нашихъ нефтяныхъ источниковъ, каменноугольныхъ копей, залежей минераловъ и помѣстить въ эти промышленныя отрасли тотъ избытокъ рабочихъ рукъ, какой наблюдается въ сельскомъ хозяйствѣ? И если всякому ясно, что нельзя привлекать къ названнымъ отраслямъ больше рабочихъ силъ, чѣмъ это допускается спросомъ рынка на соотвѣтствующіе продукты,—а если бы можно было увеличить здѣсь число рабочихъ въ два и три раза, то подъ условіемъ пониженія производительности каждаго рабочаго и прекращенія техническихъ улучшеній,— если все это ясно, когда рѣчь идетъ о горной, фабричной и заводской промышленности, — почему всѣ эти соображенія исчезаютъ изъ нашего сознанія, когда говорятъ о сельскомъ хозяйствѣ?

Сельское хозяйство отличается отъ другихъ промысловъ тѣмъ, что доставляетъ человѣку продовольствіе. Поэтому, при наличности свободной земли, таковая будетъ заниматься всякимъ лицомъ, не пристроившимся къ другому промыслу. Но при товарномъ хозяйствѣ земледѣліе непосредственно обезпечиваетъ трудящемуся лишь средства его пропитанія; въ удовлетвореніи же другихъ своихъ потребностей земледѣлецъ, какъ и кустарь, будетъ зависѣть отъ сбыта своихъ произведеній. По условіямъ даннаго быта, напримѣръ, земледѣлецъ будетъ находиться въ удовлетворительномъ положеніи, если выручитъ деньгами вдвое больше того, что стоятъ потребляемые имъ жизненные припасы. Для этого ему нужно имѣть двухъ покупателей. Тогда онъ можетъ поднять производительность земли настолько, чтобы получать натурою втрое больше того, что требуется для пропитанія его семьи. Но если по мѣстнымъ условіямъ земледѣлецъ имѣетъ лишь одного покупателя и можетъ выручить деньгами лишь половину того, что ему нужно,— онъ подыметъ производительность земли до уровня, при которомъ цѣнность всѣхъ получаемыхъ имъ продуктовъ будетъ лишь въ два раза превосходить стоимость потребляемыхъ имъ жизненныхъ припасовъ. Какъ бы ни была недостаточна такая выручка—у него нѣтъ средствъ увеличить ее, если, конечно, не предположить, что онъ побьетъ всѣхъ конкуррентовъ на международныхъ рынкахъ и станетъ помѣщать туда свои товары.

Если съ этой точки разсмотрѣть положеніе русскаго земледѣльца

по сравненію, напримѣръ, съ нѣмецкимъ, то мы найдемъ рѣзкое между ними различіе. Неземледѣльческое населеніе Германіи въ два раза превышаетъ число земледѣльцевъ, и каждый земледѣлецъ имѣетъ двухъ покупателей своихъ продуктовъ. Въ Россіи земледѣльческое населеніе въ два раза многочисленнѣе промышленнаго и на двухъ земледѣльцевъ приходится одинъ покупатель. Нѣмецкій земледѣлецъ выручаетъ, поэтому, деньгами вдвое больше того, что стоятъ потребляемые имъ жизненные припасы; а русскій получаетъ на внутреннемъ рынкѣ половину стоимости собственнаго потребленія.

Повторяемъ, на чемъ основано соображеніе,—не высказываемое открыто, но предполагаемое въ проектахъ обогащенія Россіи путемъ поднятія ея сельскаго хозяйства,—что емкость рынка для продуктовъ послѣдняго можетъ быстро и безгранично увеличиваться? Не доказываютъ ли наблюденія, напротивъ того, что міровой рынокъ слишкомъ узокъ для того, чтобы вмѣстить всю массу выбрасываемыхъ на него продуктовъ земледѣлія? Не по этой развѣ причинѣ въ Англіи, въ теченіе тридцати послѣднихъ лѣтъ, сократилась на 25% площадь, состоявшая подъ посѣвомъ хлѣбныхъ и кормовыхъ растеній? А тѣ западно-европейскія государства, которыя развили въ это время свою сельско-хозяйственную промышленность, не прибѣгли ли для этого къ помощи таможенныхъ пошлинъ, оберегая ими внутренняго производителя отъ конкурренціи иностранцевъ? И развѣ фактъ критическаго состоянія европейскаго сельскаго хозяйства, обусловленный заваливаніемъ европейскихъ рынковъ дешевымъ хлѣбомъ и мясомъ, производимыми въ колоніяхъ, недостаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что въ области сельскаго хозяйства, какъ и въ сферѣ индустріи, борьба идетъ не между потребителями, перебивающими другъ у друга товаръ, а среди производителей изъ-за ограниченнаго рынка? Но расширеніе колоній, вовлекаемыхъ въ сферу международнаго торговаго оборота, далеко еще не закончено. Не закончено, поэтому, распространеніе земледѣлія на нетронутыя почвы за-океанскихъ странъ; не законченъ, слѣдовательно, и процессъ заваливанія европейскихъ рынковъ колоніальнымъ хлѣбомъ, шерстью, мясомъ, а затѣмъ и болѣе деликатными продуктами сельскаго хозяйства; не прекратились и затрудненія европейскихъ хозяевъ, стремящихся поднять производительность своихъ земель, т.-е. предлагающихъ потребителямъ продукты болѣе дорогіе, сравнительно съ товаромъ колоніальнаго про-

исхожденія; не исчезла и необходимость оберегать пошлинами европейское хозяйство отъ конкуренціи хозяйства не-европейскаго. Но это средство развитія мѣстнаго промысла доступно лишь для странъ, ввозящихъ хлѣбъ, мясо, масло и т. п.; но его нельзя примѣнить къ странамъ, которыя, какъ Россія, вывозятъ сельскохозяйственныя произведенія на чужіе рынки. Этимъ странамъ предстоитъ весьма трудное дѣло соперничества съ за-океанскою производительностью; а малокультурная Россія почти не имѣетъ шансовъ побѣдить своихъ колоніальныхъ соперниковъ, принадлежащихъ къ самымъ образованнымъ націямъ. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ итоги международной торговли продуктами сельскаго хозяйства.

Безпрепятственно помѣщать на внѣшнихъ рынкахъ мы можемъ только зерно, да и то не потому, что добываніе его обходится у насъ будто бы дешево, а по причинѣ того, что нищій производитель, нашъ крестьянинъ, вынужденъ отчуждать его по всякой цѣнѣ, въ ущербъ собственному питанію. Но мы не въ состояніи уже конкуррировать на внѣшнихъ рынкахъ съ иностранцами продуктомъ простѣйшей обработки зерна—мукою, приготовляемою не нищимъ-крестьяниномъ, а капиталистомъ, участвующимъ въ дѣлѣ ради барыша. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты экспортируютъ муку на 150—200 милл. руб. въ годъ, а мы не вывозимъ ея (не считая Финляндіи) и на 10 милл. рублей. То же самое относится и къ мясу, о вывозѣ котораго мы толкуемъ вотъ уже 25 лѣтъ. Мясныхъ продуктовъ Соединенными Штатами экспортируется на сумму 350—400 милл. рублей въ годъ, а изъ Россіи мяса отправляется за границу едва на 2—3 милл. рублей. Коровьяго масла изъ Европейской Россіи вывозится ничтожное количество, и быстрое возрастаніе въ послѣдніе годы его экспорта обязано сибирскому маслодѣлію, которое является, такимъ образомъ, конкуррентомъ товару внутренняго производства. Значительное развитіе изъ болѣе деликатныхъ продуктовъ животноводства получилъ въ послѣднее время вывозъ изъ Россіи яицъ; но на этомъ товарѣ, конечно, нельзя основать надежды на поднятіе нашего хозяйства. Болѣе солиднымъ основаніемъ для этого могъ бы служить экспортъ сахара; но тѣ 20—25 милл. руб., которые мы получаемъ по этой статьѣ, слѣдуютъ за товаръ, продаваемый иностранцамъ въ убытокъ, покрываемый—благодаря правительственной нормировкѣ про-

изводства—русскимъ потребителемъ этого продукта. Другихъ продуктовъ технической переработки сельскохозяйственныхъ произведеній (не говоря объ отрубяхъ и выжимкахъ, которымъ лучше было бы идти на кормъ русскаго скота) мы почти не вывозимъ; а изъ продуктовъ первичныхъ или полуобработанныхъ слѣдуетъ указать на ленъ и пеньку, вывозимые на сумму 80—90 милл. рублей, живой скотъ на 10 милл. рублей и кожи на 10 милл. рублей.

Указанный составъ нашего экспорта продуктовъ сельскаго хозяйства, въ которомъ такъ преобладаетъ дешевое зерно и такую слабую роль играютъ болѣе деликатные и дорогіе товары, объясняется тѣмъ, что всѣ, сколько-нибудь густо населенныя страны, — вывозятъ ли онѣ сельскохозяйственные продукты или получаютъ таковые изъ-за границы, — стремятся расширить производство мяса, масла, вина, фруктовъ и т. п. на счетъ добычи зерна, потому что первые продукты допускаютъ производительное употребленіе труда земледѣльца въ теченіе круглаго года и возвышеніе его дохода путемъ улучшенія качества товара; а въ зерновомъ хозяйствѣ земледѣлецъ находитъ примѣненіе своему труду лишь въ теченіе лѣтняго полугодія, и стойкій характеръ натуры продукта не допускаетъ быстрыхъ измѣненій его качества. То или другое достоинство зерна зависитъ къ тому же отъ естественныхъ свойствъ почвы болѣе, чѣмъ отъ искусства земледѣльца, и это есть первый и самый простой продуктъ земледѣлія, не требующій крупныхъ затратъ со стороны хозяина. Производство зерна и помѣщеніе его на внѣшнихъ рынкахъ доступно поэтому для самаго несовершеннаго хозяйства, въ странахъ, гдѣ земледѣлецъ не находитъ болѣе выгоднаго примѣненія своему труду; доступнымъ оно поэтому оказалось и для несовершеннаго русскаго хозяйства, въ которомъ ищетъ примѣненія своихъ силъ масса населенія, не имѣющаго другихъ источниковъ дохода. Иное дѣло — прочіе продукты сельскаго хозяйства. Они требуютъ лучшей обработки земли, большаго примѣненія удобренія, болѣе дорогой хозяйственной обстановки,—словомъ, такихъ расходовъ, которые могутъ окупиться лишь при значительной цѣнѣ товара, и такихъ знаній, которыя еще предстоитъ пріобрѣсти нашему народу. Въ этой области сельскаго хозяйства естественныя свойства почвы и дешевый трудъ отходятъ на задній планъ, а главнымъ орудіемъ борьбы съ другими производителями становятся искусство и культурность хозяина. Условія конкурренціи здѣсь сближаются съ тѣми,

какія свойственны заводско-фабричной дѣятельности, и побѣда въ борьбѣ остается на сторонѣ богатаго и культурнаго, а не бѣднаго и невѣжественнаго производителя. Вотъ почему мало-культурная Россія не имѣетъ и не можетъ имѣть въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ успѣховъ въ борьбѣ за рынки съ такимъ высоко-коммерческимъ промышленнымъ соперникомъ, какъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, хозяйственная эволюція которой тоже уже поставила вопросъ о возвышеніи интенсивности сельскаго хозяйства и объ обезпеченіи ея земледѣльческому населенію производительнаго занятія въ этой области въ теченіе круглаго года, для пополненія дефицита, образовавшагося вслѣдствіе лишенія его зимнихъ заработковъ неземледѣльческаго характера.

Другое препятствіе крупному возвышенію интенсивности нашего земледѣлія мы встрѣчаемъ въ фактѣ, который мало принимается во вниманіе при разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ,—фактѣ ограниченности потребностей, которымъ служатъ продукты сельскаго хозяйства, и сокращенія ихъ примѣненія. Въ прежнее время растительный и животный міръ доставлялъ человѣку предметы питанія, передвиженія, одежды, освѣщенія, отопленія, матеріалъ для постройкъ и т. п.; а съ теченіемъ времени область примѣненія продуктовъ этого міра, а слѣдовательно и продуктовъ сельскаго хозяйства, сокращается все болѣе и болѣе. Въ постройкахъ вмѣсто дерева болѣе и болѣе находятъ примѣненіе камень и желѣзо, въ отопленіи дерево замѣняется каменнымъ углемъ и нефтью, въ освѣщеніи жиры замѣняются керосиномъ, смазочныя растительныя масла уступаютъ мѣсто минеральнымъ, конопляные и льняные канаты и кожаные ремни—желѣзнымъ; и даже въ область питанія начинаютъ врываться продукты неорганическаго міра. Въ области матеріаловъ производства, не затронутыхъ присущей цивилизаціи тенденціей замѣнять въ употребленіи человѣка организованную матерію неорганизованной, остаются еще кожа и прядильныя растительныя вещества, служащія для одежды. Но кожи не могутъ быть предметомъ спеціальнаго приготовленія въ интенсивномъ сельскомъ хозяйствѣ, а въ отдѣлѣ прядильныхъ матеріаловъ большее и большее значеніе получаетъ хлопокъ, произрастающій въ жаркихъ странахъ, и суживается примѣненіе продуктовъ умѣреннаго пояса—льна и конопли. Такое направленіе хозяйственной эволюціи цивилизованнаго

міра ограничиваетъ значеніе сельскаго хозяйства въ области производства и потребленія.

Основывать, поэтому, прочное зданіе матеріальнаго благополучія огромной страны на развитіи сельскохозяйственнаго производства значитъ строиться на пескѣ или болотѣ. Сельское хозяйство больше и больше будетъ ограничиваться производствомъ предметовъ питанія, причемъ болѣе цивилизованныя государства захватываютъ въ свои руки приготовленіе наиболѣе дорогихъ изъ этихъ предметовъ, а Россіи остается довольствоваться поставкой на внѣшніе рынки дешевыхъ, преимущественно зерновыхъ товаровъ. Собственный ея рынокъ тоже не можетъ служить основаніемъ для высокаго развитія земледѣлія. Промышленное населеніе у насъ крайне незначительно; заработки его, а слѣдовательно и запросъ на предметы питанія высшаго качества, невелики; спросъ на растительные матеріалы производства, получаемые въ умѣренныхъ климатахъ, имѣетъ тенденцію сокращаться. Оттого-то на низкой ступени интенсивности стоитъ у насъ не только хозяйство бѣднаго, невѣжественнаго и безправнаго крестьянина, но и хозяйство образованнаго дворянскаго сословія. Оттого же и успѣшныя попытки поднятія крестьянскаго хозяйства не приводятъ къ ожидаемымъ результатамъ существеннаго измѣненія системы послѣдняго. Въ московской губерніи, напр., благодаря помощи земства, тысяча общинъ оставили трехполье и перешли къ многопольнымъ сѣвооборотамъ съ посѣвомъ травъ, причемъ въ волоколамскомъ уѣздѣ преобразованіе распространилось на большую половину крестьянскихъ земель. Указанное измѣненіе сѣвооборота съ расширеніемъ кормовой площади на счетъ пищевой, согласно ученію агрономіи, составляетъ лишь первый шагъ къ развитію интенсивнаго скотоводства; и такое значеніе оно имѣетъ въ тѣхъ немногихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ центральной нечерноземной полосы, гдѣ дѣло поставлено раціонально. Но въ крестьянскомъ хозяйствѣ московской губерніи за первымъ успѣшнымъ шагомъ не послѣдовало второго; и вмѣсто увеличенія скота и производства продуктовъ скотоводства, хозяева сбываютъ на рынкѣ траву. Причину сказаннаго, кромѣ острой нужды въ деньгахъ, мѣстный агрономъ г. Бажаевъ видитъ въ томъ, что, вслѣдствіе „невысокаго средняго уровня потребностей даже городского (прибавимъ—къ тому же подстоличнаго) населенія —промышленное мо-

лочное хозяйство оказывается выгоднымъ лишь въ подгородныхъ мѣстностяхъ“ [1]). А много ли у насъ такихъ мѣстностей?

Если очень труденъ и медленъ процессъ измѣненія характера полеводства и превращенія зернового хозяйства въ животноводческое, то уже совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать относительно повышенія урожаевъ зерна: достаточно улучшить обработку земли, примѣнить гдѣ нужно, минеральное удобреніе, и крестьяне станутъ получать въ $1^1/_2$—2 раза больше зерна. Но спрашивается, выиграютъ ли отъ этого существенно земледѣльцы? получатъ ли они за свой количественно возросшій продуктъ пропорціонально болѣе денегъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ слѣдующіе историческіе факты. За время съ конца 60-хъ по конецъ 80-хъ годовъ производство хлѣбовъ съ Сѣв. Амер. Соед. Шт. поднялось съ 4,3 до 8,7 милліардовъ бушелей, т.-е. удвоилось; валловая же цѣнность урожая съ 3,5 милліард. долларовъ увеличилась до 3,7 милл. дол., т.-е. осталась почти безъ перемѣны Поднявъ производительность своего хозяйства въ два раза, американскій фермеръ слѣдовательно совсѣмъ не достигъ увеличенія своего денежнаго дохода отъ зерна. Такую же судьбу имѣли и попытки французскаго земледѣльца къ улучшенію своего хозяйства: въ пятидесятыхъ годахъ сборъ пшеницы составлялъ во Франціи 89 милл. гектолитровъ, цѣнностью въ 2 милліарда франковъ, въ девяностыхъ годахъ сборъ поднялся до 120 милл. гект., т.-е. на $^1/_3$ часть, а выручка составляла тѣ же 2 милліарда фр. [2]). Опытъ нашей страны тоже не говоритъ въ пользу рѣшающаго значенія для подъема крестьянскаго благосостоянія значительнаго возвышенія урожаевъ.

Послѣ голодныхъ лѣтъ начала истекшаго десятилѣтія несчастная наша страна была „благословена“ нѣсколькими подрядъ урожайными годами: въ теченіе трехлѣтія (1889—90 гг.), предшествовавшаго неурожайнымъ годамъ, въ 60 губерніяхъ европейской Россіи собиралось въ среднемъ 2,2 милл. пуд. зерна въ годъ, а въ теченіе четырехлѣтія (1893—96 гг.), слѣдовавшаго за этими годами—въ среднемъ, 2,8 милл. пуд.. т.-е. на 600 тыс. пуд. или на 25 $30^0/_0$ болѣе. Какъ это отразилось на цѣнахъ хлѣба—показываютъ слѣдующія данныя для важныхъ пшеничнаго, самар-

[1]) Русск. Вѣдомости. 1905, № 230.

[2]) Николай—Онъ, Очерки подреформеннаго хозяйства въ Россіи, с. 217. С. Ан-скій, Крестьянскій вопросъ во Франціи, с. 20

скаго, и ржанаго, елецкаго, рынковъ. Въ 1889—90 гг. средняя цѣна пшеницы перерода въ Самарѣ равнялась 86 коп. за пудъ; въ 1893 г., послѣ неурожайныхъ лѣтъ, она составляла 92 коп., въ 1894 г. понизилась до 65 коп., затѣмъ до 51 коп., въ 1896 г. стояла на 53 коп.; пониженіе цѣнъ составляетъ 34 коп. или 40% первоначальной цѣны. Рожь легкая въ Ельцѣ въ 1889—90 гг. стояла на 48 коп. пудъ; въ 1893 г. она составляла 59 коп., затѣмъ упала до 36 коп., 32 коп., 33 коп.; пониженіе на 16 коп. или на $^1/_3$. Цѣна на хлѣба понизилась больше даже, чѣмъ увеличились сборы хлѣбовъ, и если она не упала еще болѣе, такъ это потому, что торговцы знали настоящую цѣну божьему благословенію, покупали и складывали въ амбары дешевое зерно, не нуждаясь въ немъ въ настоящемъ, но имѣя въ виду сбыть его при слѣдующемъ неурожаѣ по удвоенной цѣнѣ. Неурожай не заставилъ себя долго ждать. Въ 1897 г. въ Россіи было собрано менѣе 2,3 милл. зерна; разразился неурожай въ Индіи, въ Венгріи, южныхъ зап. европейскихъ государствахъ, и завалившее наши склады зерно было продано по цѣнѣ до рубля за пудъ пшеницы (въ Самарѣ) и 60 коп. за пудъ ржи. Увеличенные, благодаря капризу природы, на 25—30% сборы зерна были въ данномъ случаѣ сейчасъ же компенсированны другимъ ея капризомъ. Но какъ чувствовалъ бы себя земледѣлецъ, если бы возвышеніе урожаевъ было результатомъ его собственныхъ сознательныхъ мѣропріятій, которыя не остановились бы на данной точкѣ, а обѣщали дальнѣйшее заваливаніе рынка товаромъ? До какихъ предѣловъ дошло бы пониженіе цѣнъ, когда торговцы, не ожидая необходимаго, какъ въ данномъ случаѣ, прекращенія хорошихъ сборовъ хлѣба, отказались бы тратить деньги на никому ненужный товаръ? Вѣдь и въ описываемомъ случаѣ въ Саратовѣ рожь продавалась по 29 коп. за пудъ; что же выручалъ земледѣлецъ за продуктъ своего труда въ какомъ нибудь захолустьи, глазъ на глазъ съ двумя-тремя мѣстными скупщиками хлѣба?

Въ разсужденіяхъ о возможныхъ результатахъ улучшенія крестьянскаго хозяйства фигурируетъ всегда и соображеніе о томъ, что, увеличивъ добычу зерна, сельское населеніе получитъ, по крайней мѣрѣ, возможность наѣдаться досыта и не будетъ влачить, какъ теперь, полуголоднаго существованія. Позволительно, однако, усомниться, и въ этомъ результатѣ. Въ натуральномъ хозяйствѣ, дѣй-

ствительно, лишній пудъ зерна равносиленъ лишнему куску хлѣба. Но не то въ хозяйствѣ денежномъ, гдѣ неимущій производитель обремененъ долгами, уплачиваемыми изъ урожая, и когда у него имѣется тысяча другихъ нуждъ, которыя могутъ быть удовлетворены только деньгами. Для полученія этихъ денегъ имъ будетъ пущено въ продажу все зерно, какъ продается оно и нынѣ, съ надеждою, что весною его удастся вернуть обратно для посѣва или пропитанія. Къ этому побудитъ крестьянина и пониженіе рыночной цѣны зерна, уменьшающее его выручку. Насыщеніе досыта собственнымъ хлѣбомъ нынѣ голодающаго земледѣльца было бы обезпечено въ случаѣ, еслибы остальныя главныя, личныя и общественныя потребности его получили уже удовлетвореніе. Но вѣдь этого же не наблюдается въ дѣйствительности; и нищенствующій земледѣлецъ и при увеличенномъ сборѣ съ своего участка можетъ оставаться въ полуголодномъ состояніи: ему нельзя назначить на всѣ остальныя нужды лишь ту сумму, какая останется послѣ полнаго удовлетворенія потребности питанія. Но еслибы это заключеніе оказалось и ошибочнымъ, еслибы поднятіе земледѣлія привело къ тому, что крестьянинъ, оставаясь бѣднякомъ, наѣдался досыта, то это еще не разрѣшало бы вопроса объ экономическихъ затрудненіяхъ Россіи. Мы все-таки оставались бы безъ средствъ удовлетворенія многочисленныхъ потребностей, связанныхъ съ принадлежностью Россіи къ семьѣ цивилизованныхъ народовъ.

Если изъ всего, что излагалось на страницахъ этой книги, позволительно вывести какое-либо поученіе, то оно заключается, по нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ.

Вслѣдствіе опредѣленной комбинаціи условій внутреннихъ и внѣшнихъ, естественныхъ, экономическихъ и культурныхъ—у насъ поставлены очень узкія границы поднятію производительности земли, и успѣхами земледѣлія мы не можемъ обезпечить себѣ достойное положеніе въ ряду цивилизованныхъ государствъ. Опытъ и простыя научныя соображенія говорятъ, что мы напрасно стали бы добиваться такого положенія и путемъ развитія индустріи, какъ системы коммерческихъ предпріятій. Намъ нужно вообще очень осторожно относиться къ мысли о примѣненіи тѣхъ формъ экономическаго прогресса, которыя такъ блистательно осуществились въ передовыхъ странахъ и движущимъ нервомъ которыхъ служитъ конкурренція. Въ нашъ вѣкъ упорной борьбы цивилизованныхъ обществъ за рынки

для ихъ произведеній, отсталая многолюдная страна, подобная Россіи, не должна въ своихъ разсчетахъ о пріобрѣтеніи прочнаго матеріальнаго основанія для культурныхъ успѣховъ исходить изъ предположенія о побіеніи соперниковъ на полѣ конкурренціи. Это значитъ, что ей не слѣдуетъ строить проекты обезпеченія матеріальнаго преуспѣянія на соображеніяхъ объ участіи въ капиталистической эволюціи мірового рынка, потому что онъ будетъ скорѣе использованъ ея соперниками, а не ею. Надежда же на то, что, взамѣнъ внѣшняго рынка, у насъ разовьется широкій внутренній спросъ на разные продукты, не имѣетъ подъ собой прочнаго основанія. Остается идти навстрѣчу этому спросу, а не ожидать его! Этотъ спросъ существуетъ въ потенціальномъ состояніи, и нужно только дать возможность ему проявиться. Онъ заключается въ неудовлетворенныхъ потребностяхъ народа и не предъявляется на рынкѣ лишь за отсутствіемъ у него покупательныхъ средствъ. Задача нашей общественной мысли заключается, поэтому, въ устраненіи этого посредствующаго звена (рынка спроса) въ процессѣ удовлетворенія народныхъ нуждъ и въ изысканіи формъ удовлетворенія послѣднихъ путемъ планомѣрной организаціи производства въ прямой связи съ потребленіемъ. Россія имѣетъ массу неудовлетворенныхъ потребностей; ея естественныя богатства остаются безъ надлежащей разработки; огромная часть ея рабочей силы не имѣетъ производительнаго примѣненія; наука открыла способы многократнаго усиленія естественныхъ производительныхъ силъ. Будемъ же исходить изъ этихъ посылокъ, какъ изъ основанія для зданія матеріальнаго благоустройства страны. Привлечемъ къ работѣ всю живую силу народа, вооружимъ ее механическою силою природы и направимъ этотъ могущественный производительный аппаратъ на разработку естественныхъ богатствъ въ цѣляхъ удовлетворенія уже опредѣлившихся и имѣющихъ еще возникнуть потребностей страны. Будемъ основываться на внутреннихъ потребностяхъ и средствахъ ихъ удовлетворенія и отбросимъ разъ навсегда предразсудокъ, вырощенный подчиненіемъ цивилизованнаго міра руководительству капитала, и гласящій, что достаточное развитіе производительности труда обезпечивается лишь столкновеніемъ всѣхъ въ общей свалкѣ. Будемъ помнить, что борьба рождаетъ не только побѣдителей, но и побѣжденныхъ!

Оглавленіе.

		стр.
	Предисловіе	3
I.	Натуральное и денежное хозяйство	5
II	Капитализмъ и сельское хозяйство	24
III.	Условія хозяйственнаго развитія Россіи	35
IV.	Общій характеръ хозяйственной дѣятельности въ Россіи	45
V.	Факторы капиталистической эволюціи промышленности.	62
VI	Экономическая политика правительства въ концѣ XIX вѣка	89
VII.	Промышленное оживленіе конца XIX вѣка	105
VIII.	Современное состояніе крупной индустріи	121
IX	Поземельная собственность въ Россіи . . .	138
X	Формы сельско-хозяйственнаго производства .	154
XI	Общій характеръ хозяйственной эволюціи Россіи.	166
XII.	Виды на будущее	190

БИБЛИОТЕКА